

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ
1991–2004 гг.

Европейская Россия

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

ARCHAEOLOGICAL DISCOVERIES 1991–2004

European Russia

Edited by N. A. Makarov

MOSCOW 2009

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ 1991–2004 гг.

Европейская Россия

Под редакцией члена-корреспондента РАН Н. А. Макарова

МОСКВА 2009

УДК 902/904
ББК 63.4(2)

Археологические открытия. 1991–2004 гг. Европейская Россия. Отв. редактор член-корр. РАН Н. А. Макаров. — М.: Институт археологии РАН, 2009. — 476 с., илл.

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА (ПРОЕКТ № 06-01-16049д)

Редакционная коллегия:

Х. А. Амирханов, П. Г. Гайдуков, Г. А. Кошеленко, Н. В. Лопатин,
Н. А. Макаров (отв. ред.), М. Г. Мошкова, Р. М. Мунчаев, Е. Н. Носов, В. Л. Янин

Фотографии: А. А. Иванов, авторы
Рисунки: А. В. Голикова, авторы
Редактор Е. Е. Сырнева

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2009
© Коллектив авторов, 2009

ISBN 978-5-94375-071-7

На обложке: Старая Ладога. Сопка IX–X вв. и церковь Иоанна Предтечи.

Содержание

<i>Н. А. Макаров</i> Археологическая мозаика Европейской России: 1991–2004 гг.	7
--	---

ЭПОХА КАМНЯ И БРОНЗЫ

<i>Х. А. Амирханов</i> Зарайская стоянка. Некоторые результаты раскопок и их значение для палеоисторических реконструкций	15
<i>В. Е. Щелинский</i> Ильская стоянка на Кубани. Уникальный памятник среднего палеолита на территории России	23
<i>П. Ю. Павлов</i> Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы	35
<i>А. А. Сеницын</i> Новые открытия в Костенках и проблема становления верхнего палеолита в Восточной Европе	42
<i>Г. В. Сеницына</i> О работах Валдайской экспедиции ИИМК РАН по исследованию финальнопалеолитических стоянок у истоков Волги в 1991–2004 гг.	54
<i>А. Е. Кравцов</i> Исследования на памятниках иеневской культуры (финальный палеолит – мезолит Волго-Окского бассейна)	60
<i>М. Г. Жилин</i> Костяная индустрия Верхнего Поволжья в начале мезолита	73
<i>А. Н. Сорочкин</i> Заболотский торфяник: находки и проблемы	82
<i>В. Я. Шумкин</i> Новый уникальный петроглифический комплекс Лапландии	95
<i>С. Н. Корневский</i> Древнейшие земледельцы и скотоводы в начале бронзового века Предкавказья	106
<i>В. А. Трифонов</i> Дольмены в долине реки Жане	115
<i>Е. Н. Черных</i> Каргалинский горно-металлургический центр на границе Европы и Азии: феномен и парадоксы развития	129

АНТИЧНЫЕ И СКИФО-САРМАТСКИЕ ДРЕВНОСТИ

<i>Е. М. Алексеева</i> Античная Горгиппия в последние годы	141
<i>Т. М. Арсеньева</i> Исследования Танаиса	153
<i>Ю. В. Горлов, Г. В. Требелева</i> Комплексные палеоэкологические и археологические исследования на Таманском полуострове	167
<i>А. А. Завойкин, Н. И. Сударев</i> Поселение и святилище «Береговой 4». Итоги исследований в 1999–2004 гг.	174
<i>В. Д. Кузнецов</i> Новейшие исследования в Фанагории	190
<i>А. Б. Белинский</i> Могильник Клинь-Яр — перекресток времен и культур	205
<i>В. И. Гуляев</i> Скифы на Среднем Дону: новые находки и открытия	213
<i>В. Г. Петренко, В. Е. Маслов, А. Р. Канторович</i> Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведенное-II в 1991–2003 гг.	225

<i>И. В. Сергацков</i> Сарматские погребения близ станции Бердия на Иловле	235
<i>А. С. Скрипкин, Е. П. Мыськов</i> Погребение сарматской знати из Волгоградского Подонья	245
<i>Л. Т. Яблонский</i> «Амазонка» из Прохоровки	256
<i>А. В. Энговатова</i> Дьяковское городище Настасьино в Подмосковье	269

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>И. В. Белоцерковская, И. Р. Ахмедов</i> Работы археологических экспедиций ГИМ на Оке: Некоторые итоги и перспективы изучения рязано-окских могильников III–VII вв. н. э.	283
<i>Г. Е. Афанасьев, Д. С. Коробов</i> Житницы аш-тигоров и палеоклимат VII–XII вв. на Северном Кавказе	299
<i>И. О. Гавритухин, А. М. Обломский</i> Гапоновский клад и малоизвестные события раннесредневековой истории Поднепровья	308
<i>М. С. Гаджиев</i> Новейшие открытия в Дербенте	321

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

<i>А. Н. Кирпичников</i> Историческое наследие Старой Ладogi	333
<i>Е. Н. Носов</i> Новгородское городище: новые этапы исследований	349
<i>В. Л. Янин</i> Новгородская экспедиция на пороге XXI века	361
<i>Н. В. Ениосова, В. В. Мурашева, Т. А. Пушкина</i> Исследования Гнёздовского комплекса археологических памятников	371
<i>И. К. Лабутина, Н. Н. Малышева, Т. Ю. Закурина, Е. А. Яковлева, А. В. Михайлов</i> Древнерусский некрополь Пскова	386
<i>С. Д. Захаров</i> Исследования средневекового Белоозера	405
<i>Н. А. Макаров</i> Неизвестное Средневековье: сельские поселения и могильники на Кубенском озере	412
<i>Ю. Э. Жарнов</i> Возвращение культурных ценностей древнего города	426
<i>Т. Д. Панова</i> Свидетель трагедии 1238 г. — клад с территории Боровицкого холма Москвы	439
<i>Н. А. Кренке</i> Предыстория и история Москвы по материалам раскопок на Романовом дворе	449
<i>Л. А. Беляев</i> Образ, Храм и Город: Раскопки участка Казанского собора на Красной площади в Москве	460
Сокращения	470

Н. А. Макаров

Археологическая мозаика Европейской России: 1991–2004 гг.

Путь археологии — постепенное накопление новых материалов, раскрывающих облик древних культур, течение исторической жизни в древности и средневековье. Это накопление идет разными темпами, по разным направлениям, которые определяются, с одной стороны, научным и общественным интересом к тем или иным культурам и историческим периодам, с другой стороны, активностью конкретных археологических коллективов и финансовой обеспеченностью экспедиционных проектов. В своем постоянном движении, увлеченная перспективой новых полевых работ, способных дать ответ на постоянно возникающие новые вопросы, археология быстро забывает о своих успехах, откладывая на будущее их окончательные осмысление. Иногда на этом пути стоит остановиться, чтобы составить представление об основных результатах недавней работы. В этой книге собраны статьи, рассказывающие о самых заметных и значительных успехах полевой археологии в Европейской России за полтора последних десятилетия. Драматическое пятнадцатилетие, экономические и политические условия которого менее всего способствовали организации раскопок, отмечено, тем не менее, выдающимися успехами археологии, одни из которых получили широкий резонанс, а другие известны лишь специалистам.

Понятие «археологическое открытие», прочно вошедшее в обиход, выражает скорее наше эмоциональное отношение к результатам археологических изысканий, нежели их строгую научную оценку. Любые раскопки древних памятников, проведенные специалистами, приносят с собой новые знания о прошлом, открывая, в большей или меньшей степени, его неизвестные черты. Строго ранжировать полевые исследования по весомости их результатов, сопоставить ценность полученных вещевых коллекций едва ли возможно. Нет необходимости говорить о том, что «открытие» в археологии далеко не всегда подразумевает эффектные сенсационные находки: новое видение крупных исторических явлений часто обеспечивается изучением объектов, сооружений и культурных напластований, внешний вид и характер которых ничего не говорят неспециалисту. Перед редколлегией настоящего издания стояла сложная задача отбора наиболее значимых достижений полевой археологии, имеющих первостепенную важность для понимания прошлого, среди огромной массы ценных и интересных работ. Хотя некоторые важные проекты остались за рамками издания, собранные статьи достаточно полно характеризуют успехи различных отраслей археологии, ситуацию, сложившуюся с изучением древностей различных периодов.

Общие масштабы полевых работ в России легче всего измерить количеством открытых листов — разрешений на право производства разведок и раскопок, ежегодно выдаваемых Отделом полевых исследований ИА РАН. В 1991 г. их было выдано около 900, в 2004 г. — чуть более 1 200. Однако последовательность этих чисел, отражающая общий рост полевых исследований, не в полной мере передает их подлинную динамику: в первой половине 1990-х гг. количество полевых работ резко упало, достигнув минимума в 1994 г., когда на разведки и раскопки было выдано лишь около 600 открытых листов. Сохранение крупных экспедиций, нацеленных на решение масштабных научных задач, на изучение эталонных археологических памятников Европейской России, в середине 1990-х годов было обеспечено, прежде всего, за счет грантов российских научных фондов — РГНФ и РФФИ. Гранты на экспедиционные исследования и сегодня являются важнейшим каналом финансирования раскопок как чисто научных проектов. Новый рост экспедиционных исследований, наметившийся с конца 1990-х годов, связан с активизацией аварийно-спаса-

◆ **Эпоха камня и бронзы**

1. Зарайская стоянка
2. Ильская стоянка
3. Стоянка Мамонтова Курья
4. Стоянка Гарчи 1
5. Стоянка Заозерье
6. Комплекс палеолитических стоянок Костенки
7. Стоянка Подол III
8. Мезолитические стоянки иеневской культуры
9. Мезолитические стоянки Верхнего Поволжья (Становое 4, Ивановское 7)
10. Мезолитические стоянки Заболотского торфяника
11. Памятники майкопской культуры
12. Дольмены реки Жане
13. Каргалинский металлургический комплекс

■ **Античные и скифо-сарматские древности**

14. Горгиппия
15. Танаис
16. Поселение и святилище Береговой 4
17. Фанагория
18. Могильник Клин-Яр
19. Могильники Терновое и Колбино
20. Скифский некрополь Новозаведенное-II
21. Сарматские захоронения у станции Бердия
22. Сарматские захоронения у с. Октябрьское
23. Сарматские могильники у с. Прохоровка и с. Покровка
24. Дьяковское городище Настасьино

● **Раннее Средневековье**

25. Рязано-окские могильники
26. Археологические памятники Кисловодской котловины
27. Клад у с. Гапоново
28. Дербент

▲ **Средневековая Русь**

29. Старая Ладога
30. Новгородское (Рюриково) городище
31. Великий Новгород
32. Гнёздовский комплекс
33. Псков
34. Белоозеро
35. Поселения на Кубенском озере
36. Владимир
37. Москва

Карта публикуемых археологических памятников.

тельных раскопок в условиях экономического роста и реконструкции исторических городов. Открытые листы на производство аварийно-спасательных раскопок составляют в последние годы около 35% в общей массе. Понятно, что за открытым листом могут стоять исследования очень разного объема и качества, поэтому количество выданных разрешений — лишь один из возможных показателей археологической активности, не дающий представления о содержательной стороне работ. Мы видим, что в 1990-е годы археология использовала все возможности для того, чтобы сохранить себя как дисциплину, нацеленную не только на научные обобщения, но и на поиски свежих полевых материалов.

Перелистывая статьи, включенные в сборник, мы как бы вскрываем разновременные пласты древностей, двигаясь в обратном порядке — от эпохи камня к новому времени.

Пласт материалов, составляющих нижние горизонты этой стратиграфической колонки, образуют статьи об изучении палеолитических памятников, характеризующих древнейшие этапы расселения человеческих популяций в Европейской России. В ходе новых исследований Ильской стоянки определено хронологическое положение (100–80 тыс. л. н.) и культурное своеобразие этого известного мустьерского памятника на Северном Кавказе. Открытие памятников ранней поры верхнего палеолита в бассейне р. Печоры на Северном Урале и определение их возраста радиоуглеродным методом в пределах 38–28 тыс. л. н. документируют раннее проникновение человека в арктические широты Европы. Широкую известность получили раскопки Зарайской стоянки, ставшей важным полигоном для изучения культурных процессов позднепалеолитического времени, адаптации палеолитического населения к суровым условиям валдайского оледенения и возможной преемственности восточноевропейских и раннемезолитических традиций. Значительным событием в археологии стала находка здесь уникального памятника древнего искусства — фигурки бизона, вырезанной из бивня мамонта.

Среди многочисленных мезолитических памятников, исследовавшихся в 1990-х–начале 2000-х годов, особый интерес представляют торфяниковые стоянки с хорошо читаемой стратиграфией культурных отложений и прекрасной сохранностью органических материалов. При раскопках на Заболотском торфянике в Подмоскowie подробно реконструирована палеосреда древних поселений, открыты неизвестные ранее сооружения из бревен. Богатейшая коллекция охотничьего оружия из кости и рога собрана при раскопках мезолитических стоянок в Верхневолжье, на территории Ивановской и Ярославской областей.

Бронзовый век представлен в настоящем издании лишь несколькими статьями, позволяющими, однако, в полной мере представить характер этой переломной эпохи. Крупнейшим событием в изучении металлургического производства и экономики эпохи бронзы в целом стало открытие Каргалинского горно-металлургического комплекса на Южном Урале и изучение уникального исторического ландшафта с тянущимися на многие десятки километров следами древних горных выработок. Изучение поселений и курганов майкопской культуры в Ставропольском крае расширило представления о развитии производящего хозяйства на юге России, о культурных связях Северного Кавказа с Передней Азией и Месопотамией. Дольмены в долине реки Жане на Кубани, исследованные и восстановленные экспедицией ИИМК, — характерные памятники эпохи бронзы, свидетельства появления новых общественных отношений, когда благосостояние и социальный статус отдельных древних коллективов требовали своей материализации в монументальных погребальных сооружениях.

Существенный блок материалов составляют публикации погребальных памятников скифского и сарматского времени, исследованных на юге России, на территории Воронежской, Волгоградской, Оренбургских областей и в Ставропольском крае. Значение этих памятников определяется не только присутствием в некоторых из них неразграбленных погребений, содержащих высокохудожественный украшения, оружие и бытовые вещи, в том числе изготовленные из драгоценных металлов (таких как женское погребение среднесарматского времени в кургане у с. Бердия или мужское сарматское погребение в кургане у пос. Октябрьский в Волгоградской обл.), но, не в меньшей степени, возможностью провести раскопки некрополей, общий характер которых уже хорошо известен археологической науке после исследований второй половины XIX–XX в., с использованием современных приемов раскопок, более точной фиксацией погребального обряда, с изучением антропологических и палеоэкологических материалов. Подобный подход впервые позволил выявить в скифской и сарматской культуре яркие и существенные явления, ранее ускользавшие от внимания исследователей.

Исключительный интерес исследователей по-прежнему привлекают античные памятники юга России. В 1990-х–начале 2000-х годов были продолжены раскопки известных античных городов и сельских поселений на Таманском полуострове, исследования Горгиппии и Танаиса. Наиболее яркие открытия принес новый цикл полевых работ в Фанагории, где исследована вся толща культурных напластований в центральной части города и сделаны уникальные эпиграфические находки. При изучении некрополя Фанагории обнаружен необычный памятник античного зодчества — круглый в плане каменный склеп с уступчатым сводом.

В 1990-х гг. заметно оживились поиски и изучение памятников римского времени и раннего средневековья в лесостепной и лесной полосе России. Оживлению интереса к этой эпохе во многом способствовало обнаружение Гапоновского клада украшений середины VII в., относящегося к так называемым «древностям антов», и раскопки рязанско-окских могильников с богатыми комплексами женских украшений и предметами вооружения.

Средневековые древности России, казалось бы, изучены археологией значительно полнее, чем другие хронологические пласты, тем не менее, прошедшее пятнадцатилетие не только пополнило музейные собрания редкими образцами средневекового художественного ремесла (украшения из клада, найденного в Кремле на Боровицком холме, предметы христианского культа из клада, найденного во Владимире), но и многое изменило в нашем понимании становления древнейших городских центров Руси, формирования древнерусской культуры и средневековой колонизации. Исследования в Старой Ладоге, Гнёздове, Пскове, Белоозере, Владимире, Москве дали яркие материалы, характеризующие развитие протогородских центров и городов, облик городской культуры, межкультурные контакты, присутствие скандинавов в составе формирующейся древнерусской элиты, наконец, рост и укрепление городов в XII в. Изучение боярских усадеб на Троицком раскопе в Новгороде раскрыло механизмы управления и характер административного устройства в Новгородской земле, отражающие изначальные особенности формирования государственности на Севере. Раскопками экспедиции ИИМК на Рюриковом городище у истоков Волхова зафиксирован древнейший городской центр в Приильменье, предшествовавший Новгороду на его современном месте. Мировой сенсацией стало открытие в 2000 г. на Троицком раскопе в слоях рубежа X–XI вв. трех навощенных липовых дощечек с записями псалмов. Новгородская псалтирь, происходящая из слоев рубежа X–XI вв., с полным основанием рассматривается как древнейшая славянская книга.

Многие открытия, о которых рассказывается в настоящем издании, стали возможны благодаря совершенствованию исследовательских методов полевой археологии, внедрению новых приемов разборки культурного слоя, привлечению естественных наук к анализу и интерпретации археологических материалов. Огромные коллекции средневековых вещей, включающие ювелирные украшения и монеты, полученные в последние годы в Гнёздове, на Белоозере и на севернорусских селищах, — во многом результат промывки и просеивания культурного слоя, позволяющих собрать сотни предметов, ранее проскальзывавших буквально между пальцами археологов. Характер Каргалинского района как гигантского горно-металлургического комплекса эпохи бронзы в полной мере выявился лишь в результате междисциплинарных изысканий, включавших, помимо археологической части, палеоботанические и палеозоологические исследования, химический анализ древних шлаков и другие направления. Применение ГИС-технологий и использование данных палеоклиматологии дало возможность понять закономерности средневекового расселения в Кисловодской котловине, уверенно связать следы террасного земледелия на горных склонах с аланским расселением. Поистине революционное значение имели принятые на вооружение в прошедшее пятнадцатилетие приемы археологической фиксации, позволяющие точно передать особенности древних памятников, продлить их жизнь в архивной документации.

За истекшее пятнадцатилетие масштабы и характер вторжения современной цивилизации в историческую среду радикально изменились, интенсивность разрушения археологического наследия многократно возросла. Существенная часть материалов, включенных в настоящий сборник, получена путем аварийно-спасательных раскопок, своевременно развернутых в зонах строительства. Благодаря охранным работам был выявлен некрополь X–XI вв. под культурным слоем Пскова, открыта усадьба священнослужителя с находками уникальных предметов христианской пластики во Владимире, обнаружены два клада средневековых украшений в Московском Кремле, исследована строительная история Казанского собора на Красной площади, выявлены остатки производства медных монет царя Алексея Михайловича на Романовом дворе в Москве. На местах

строительных котлованов открыты уникальные погребения кобанской и сарматской культуры в Клин-Ярском могильнике на Ставрополье, жилые городские кварталы и некрополь античной Горгииппии, находящиеся на территории современной Анапы. Эти работы демонстрируют реальные результаты охранных раскопок, проведенных таким образом, чтобы с максимальной точностью и полнотой раскрыть и зафиксировать исчезающие материальные свидетельства прошлого и сохранить древние вещи в музейных коллекциях. Но одновременно они напоминают о том, что археологическое наследие России ежегодно несет большие потери в условиях нарастающей строительной активности и продолжающихся грабительских раскопок. К сожалению, значительные участки культурного слоя в исторических городах уходят под застройку без археологического изучения, а коллекции древних вещей, добытых в истекшее пятнадцатилетие грабителями, заметно превышают объем поступлений в музейные собрания. Поэтому книга, предлагаемая читателю, дает представление о том, что может быть потеряно, если археология откажется от своей постоянной борьбы за сохранение древних памятников и возможность исследовать их раскопками.

В популярных изданиях значимость тех или иных археологических открытий часто обосновывается ссылкой на то, что новые материалы переворачивают или перечеркивают то, что уже известно, заставляют отказаться от устоявшихся представлений о прошлом. С этой формулировкой можно согласиться только отчасти. Фундаментальные знания, продуцируемые археологией, мало бы стоили, если бы требовали пересмотра после каждого нового сезона раскопок. Правильнее говорить, что археология, шаг за шагом расширяя наши знания о прошлом, постепенно достраивает здание, каркас которого уже возведен. Ценность новых материалов определяется тем, что они обеспечивают более глубокое видение крупных исторических явлений, позволяют прояснить конкретные черты древних культур, заменяют эскизы и наброски подробными прорисовками. Пестрая мозаика археологических открытий последнего пятнадцатилетия много добавляет в панораму Европейской России в древности и средневековье, приносит в картины далекого прошлого точность и объемность, а иногда — и новые рисунки. Книга позволит читателю увидеть, что добавилось на рубеже двух тысячелетий в эту панораму.

На завершающем этапе работы с книгой большую помощь редколлегии и издателям в подготовке иллюстративных материалов оказали сотрудники различных музеев и научных учреждений России: А. И. Аксенова (Владими́ро-Суздальский музей-заповедник), Н. А. Еремина, В. Е. Трегубов (Оренбургский областной краеведческий музей), Л. Л. Гальчук (Госцентр по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры администрации Владимирской области), Е. В. Гордюшенков (Новгородский государственный объединенный музей-заповедник), И. Н. Мельникова (Анапский археологический музей-заповедник «Горгииппия»), С. А. Науменко (Археологический музей-заповедник «Танаис»), С. А. Орлов (Исторический ф-т, МГУ), Г. Ю. Стародубцев (Курский Государственный областной музей археологии), Э. Р. Устаева (Таманский археологический музей), Н. В. Хабарова (Волгоградский областной краеведческий музей), О. А. Щеглова (Институт истории материальной культуры РАН). Всем им мы приносим нашу искреннюю признательность.

ЭПОХА КАМНЯ И БРОНЗЫ

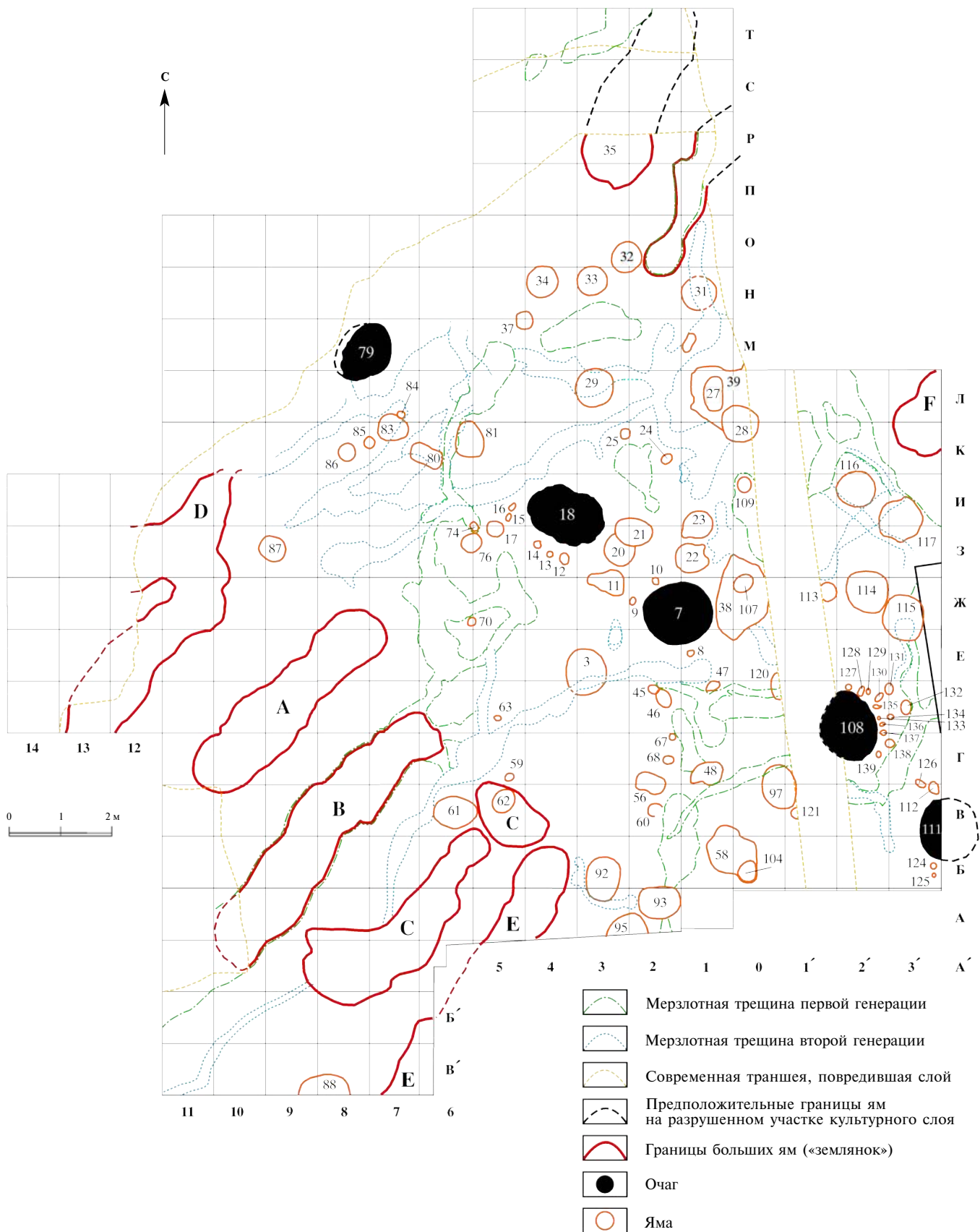

Рис. 1. Зарайская стоянка. Раскоп 4. План объектов второго этапа накопления культурных отложений.

Зарайская стоянка

Некоторые результаты раскопок и их значение для палеоисторических реконструкций

Зарайская стоянка привлекает пристальное внимание как отечественных, так и зарубежных специалистов. Этот интерес вызван не только экстраординарными находками, но, главным образом, значимостью материалов памятника для постановки и решения ряда важных проблем верхнего палеолита Русской равнины.

Открытие и исследование памятника уже имеет небольшую историю. В самом конце 1970-х гг. сотрудница Зарайского городского музея Л. И. Максимова сделала первые сборы палеолитических кремневых изделий перед воротами Никольской башни Зарайского кремля. Здесь на пологом склоне на протяжении нескольких десятилетий время от времени обнажался культурный слой, содержащий кремневые предметы и кости ископаемых животных. Собранные материалы были переданы сотруднику Музея истории Москвы А. В. Трусову, который в 1980 г. заложил первый шурф рядом с местом сборов и установил наличие здесь палеолитического культурного слоя. В последующие пятнадцать лет А. В. Трусов, при консультациях Л. В. Греховой, проводил раскопки. К сожалению, они не были систематическими, иногда нося просто спасательный характер. Разу-

меется, это не могло не сказываться на методической обеспеченности работ, объеме получаемой информации и аргументированности заключений.

Раскопки стоянки были возобновлены в 1995 г. и с этого года регулярно ведутся Зарайской археологической экспедицией Института археологии РАН (рис. 2; 3). К настоящему времени культурные отложения памятника вскрыты и исследованы на площади более 300 м². В результате этих работ получена коллекция, насчитывающая около сотни тысяч каменных предметов, обнаружено множество костяных изделий, среди которых имеются произведения искусства, в том числе уникальная фигура бизона из бивня мамонта. Раскопки позволили выработать и апробировать новые методические подходы к изучению культурных отложений, испытывавших сингенетическое и эпигенетическое воздействие мерзлотных процессов, сформулировать и применить к конкретным исследованиям метод дифференцированного стратиграфического анализа, усовершенствовать стратегию микростратиграфических наблюдений с подчинением ее выявлению реальных уровней обитания на такого рода памятнике. В результате культурные отложения стоянки, которые многим казались аморфными

и малозначимыми для строгих археологических обобщений, предстали в виде структурированных и стратифицированных остатков нескольких самостоятельных разновременных эпизодов обитания или, другими словами, в виде нескольких переслаивающихся «руинированных» поселений верхнепалеолитического времени.

Особое значение для расчленения культурных отложений Зарайска по вертикали имеют криогенные морфоструктуры в виде трещин. Здесь выделены две генерации мерзлотных трещин, каждая из которых образует свою систему. Первая генерация предшествует времени заселения стоянки, а вторая образовалась до начала третьего этапа формирования культурных отложений. Связанные с этими мерзлотными образованиями показатели, называемые нами криостратиграфическими, служат четкими маркерами археолого-стратиграфического расчленения культурных отложений.

Планиграфия археологических объектов в горизонтах, вычлениваемых в толще культурных отложений, своим структурным единством лишней раз подтверждает прочность стратиграфических оснований, на которых базируется выделение четырех этапов накопления культурных отложений. Эти этапы в археолого-стратиграфи-

Рис. 2. Вид на Никольскую башню Зарайского кремля и прилегающую территорию раскопок.

ческом отношении самостоятельны в том смысле, что каждый из соответствующих им культурных комплексов обладает собственными пространственными и еще более выраженными временными характеристиками. Это особенно подчеркивают структура и планировка объектов двух нижних уровней накопления культурных отложений.

Ввиду ограниченности раскапываемой площади до полевых работ 2000 г. мы сталкивались с большими трудностями при вычленении объектов именно этих двух этапов. Основанием для их вычленения и разделения были только микростратиграфические показатели: во-первых, объекты второго этапа в подавляющем большинстве случаев фиксировались не с поверхности светлого мелкозернистого песка, который подстилает культурные отложения, а с уровня, когда археологический слой накопился уже на толщину не менее 5 см. Второй факт касался наличия прослоек указанного светлого мелкозернистого песка, частич-

но или полностью перекрывающих объекты первого этапа и лишенных или почти лишенных культурных остатков.

Большой интерес с точки зрения разграничения двух указанных этапов представляли данные раскопок 2000 г. Они дали выразительную информацию планиграфического характера, а не только микростратиграфические показатели, которыми мы располагали прежде. Наиболее важным здесь является обнаружение трех однотипных очагов, относящихся к первому этапу накопления культурных отложений. Еще один очаг, относящийся к этому же этапу, был выделен в предыдущие годы раскопок. Углистое заполнение очагов в различной степени перекрыто линзами светлого мелкозернистого песка. На поверхности очажного заполнения залегают тонкие прослойки с яркой охристой окрасченностью. В сочетании со стратиграфической позицией других объектов (в том числе очагов второго этапа накопления культурных отложений) эти прослой-

ки, по всей вероятности, относятся уже к следующему уровню обитания.

Для первого уровня обитания (или первого этапа формирования культурных отложений) мы имеем шесть очагов. Пять из них образуют линию с ориентацией, близкой к направлению восток–запад. Ко второму этапу относятся пять других очагов, имеющих ту же ориентацию и расположенных примерно с такой же регулярностью, что и очаги первого этапа.

В морфологическом отношении очаги рассматриваемых уровней единообразны внутри самих уровней, но существенно различаются при сопоставлении уровней между собой. Остатки очагов первого этапа представлены овальными в плане по верхнему краю (диаметр по длинной оси в среднем 80 см) и округлые в придонной части ямы, глубиной около 15–20 см. Дно на большей части горизонтальное, с закруглением к стенкам. Стенки вертикальные, слабообожженные.

Очаги второго этапа изначально были близки к правильному кругу (в дошедшем до нас виде два очага растянуты из-за постпозиционных процессов замерзания-оттаивания) с диаметром 105–120 см. Стенки вертикальные, местами обожженные до кирпично-красного оттенка, дно горизонтальное. Глубина — 40–50 см.

Важными являются отличия, указывающие, по всей вероятности, на характер использования описываемых объектов. В заполнении очагов второго этапа обильно встречаются небольшие сильно обожженные известняковые камни. Это совершенно не характерно для очагов первого этапа. То же самое можно сказать и в отношении мелких ямок (приочажные ямки), расположенных по окружности очагов второго этапа накопления культурных отложений.

Существенно различаются и тафономические особенности очагов рассматриваемых двух этапов. В очагах первого этапа мелкоуглистое заполнение обнаруживается только в придонной части, и максимальная

мощность его составляет не более 7–10 см. Края очагов по верхнему контуру здесь иногда смяты и частично разрушены. Что касается очагов второго этапа, то очажная масса в четырех случаях заполняет весь объем очага целиком, а в одном имеет толщину до 20 см. Края очагов сохраняются практически на всю высоту. У одного из очагов стенки обожжены до самого верха, затрагивая и участок стенки, сложенный культурным слоем, накопившимся до того, как в нем была выкопана очажная яма.

Из приведенных выше замечаний видно, что группы очагов первого и второго этапов отличаются не только по стратиграфическим, но и по типологическим и планиграфическим показателям. Каждая из этих групп очагов с прилежащими к ним другими объектами (ямы-хранилища, ямы-клады, мусорные ямы, скопления находок, «приочажные ямки» и — там, где они есть, — крупные ямы) демонстрирует определенную взаимосвязь, обнаруживая внутри себя структурную целостность и планировочное единство. Для первого этапа освоения стоянки мы фиксируем: шесть очагов (пять из них расположены линейно), несколько ям-хранилищ, ямы-клады, ямы с мусорными отсыпками. Объекты второго этапа накладываются на указанный уровень с некоторым смещением. Здесь, на охваченной раскопом части жилого пространства, устанавливаются пять очагов и, в дополнение к объектам первого уровня, еще два типа ям — «приочажные ямки» и крупные ямы (к настоящему времени целиком или частично вскрыты восемь крупных ям) (рис. 1).

Таким образом, рассматриваемые материалы двух начальных этапов формирования культурных отложений Зарайской стоянки можно определить как фрагменты переслаивающихся обширных жилищно-хозяйственных комплексов, связанных с двумя различными уровнями обитания. Комплексы эти в целом однотипны и оба в одинаковой степени обладают специфическими характе-

Рис. 3. Зарайская стоянка. Расчистка культурного слоя.

ристиками, свойственными центральной части жилых площадок костенковского типа. По-существу, это остатки двух разных наложившихся друг на друга стоянок, и хронологический разрыв между ними весьма невелик, вряд ли более нескольких десятков лет, а скорее всего, несколько лет. Судить об этом можно, в частности, по тому, что одни и те же полости мерзлотных трещин первой генерации в различной степени использовались как на первом, так, по-видимому, и на втором этапах обитания.

Иначе обстоит дело, если говорить о времени, отделяющем от указанных третий и четвертый этапы формирования культурных отложений. Третий этап отделен от второго выразительной системой трещин второй генерации. Морфоструктуры, связанные с данным этапом криогенеза, частично трансформируют толщу двух нижних уровней накопления культурных отложений. В целом ряде случаев мерзлотные трещины проходят непосредственно через объекты второго этапа обитания стоянки. Археологические объекты тре-

Рис. 4. Зарайская стоянка. Раскоп 4. Одна из мерзлотных трещин второй генерации. Бивень мамонта (на заднем плане) лежит над трещиной поперек нее. Конец этого бивня располагался под дном очага, относящегося к четвертому этапу накопления культурных отложений. Край очага, в свою очередь, срезал наполовину ямку-клад одного из предыдущих этапов, заполненную отборными пластинами.

твого этапа накопления залегают непосредственно на заполнении мерзлотных трещин второй генерации, о которых идет речь (рис. 4).

Верхняя погребенная почва с заключенными в ней культурными остатками сформировалась существенно позже времени затухания имевших здесь ранее место масштабных процессов мерзлотного растрескивания. С палеоботанической точки зрения данный слой характеризуется

отдельной палинозоной. Причем, если спорово-пыльцевые данные из нижнего слоя указывают на криогригrotические (этапы 1 и 2) и предположительно межфазиальные (этап 3) условия, то растительность времени формирования описываемого слоя (этап 4) оказывается характерной для межстадиала (Шилова, 2000, с. 230–235). Для данного слоя имеются четыре радиоуглеродные даты, а четвертый этап совпадает со временем

образования верхней погребенной почвы. Следует отметить, что на значительных участках стоянки культурные остатки представлены отложениями только одного этого слоя погребенной почвы.

Подавляющее большинство радиоуглеродных дат (рис. 5), полученных для отложений ниже уровня упомянутой системы мерзлотных трещин (т. е. ниже третьего этапа), группируется в промежутке примерно от 23 до 20 тыс. л. н. Даты, относящиеся к третьему этапу (т. е. ко времени после образования данной системы трещин), ложатся в отрезок времени примерно 19 100 – 19 000 л. н. Разброс дат, относящихся к четвертому (самому верхнему) этапу формирования культурных отложений Зарайской стоянки, — от $17\,900 \pm 200$ до $15\,600 \pm 300$ л. н.

Костенковская или, как ее иногда называют, костенковско-авдеевская культура замечательна во многих отношениях, в том числе и с точки зрения достижений в развитии первобытного искусства. Относящаяся к данной культуре Зарайская стоянка еще раз подтверждает это. Найденные здесь произведения заметно пополняют сокровищницу предметов древнейшего искусства, происходящих с территории Русской равнины. Для культурных отложений стоянки обычны находки резной кости и украшений в виде отдельных подвесок из зубов песца и волка. Найдено даже одно ожерелье из таких зубов.

Уникальной является находка статуэтки бизона из бивня мамонта (рис. 6, 7). В сравнении с известными образцами палеолитической скульптуры Восточной и Центральной Европы это изделие столь выделяется объектом изображения, мастерством исполнения, художественной выразительностью, стилистическими особенностями, отчасти размерами и, что не менее важно, контекстом залегания, что ставит вопросы, выходящие далеко за рамки проблематики костенковской культуры. Проблемы эти лежат в историко-искусствоведческой, археолого-культуроло-

гической и палеоэтнологической плоскостях. Фигурка бизона из Зарайской стоянки уникальна тем, что является древнейшим на сегодняшний день образцом натуралистического стиля в искусстве малых форм. Кроме того, она предоставляет редкие для палеолита по своей доказательности данные для реконструкции религиозно-обрядовой стороны жизни обитателей конкретного поселения. Фигурка не предназначалась для повседневного использования, а служила очень недолго и, судя по всему, использовалась один единственный раз. Она была изначально изготовлена для применения в действии, связанном с охотничьим религиозно-магическим ритуалом (Амирханов, Лев, 2004).

Особую значимость имеет проблема исторических судеб костенковской культуры, т. е. того культурного пласта, к которому принадлежит Зарайская стоянка. До исследований Зарайской стоянки такая проблема даже не ставилась. Считалось, что явление, характеризуемое костенковской культурой, представляет собой яркий, но всего лишь краткий эпизод («граветтский эпизод») в развитии верхнепалеолитической культуры на территории Русской равнины.

Исследователи, и среди них даже те, кто не является сторонниками теории «граветтского эпизода», с удивлением отмечают исчезновение на Русской равнине костенковской технологии получения пластин примерно 18 тыс. л. н., тогда как в Западной Европе элементы подобной технологии продолжают свое бытование и гораздо позже в качестве компонента мадленской культуры (Giria, Bradley, 1998, p. 213). Однако ряд относительно новых материалов из района Среднего Поочья позволяет заключить, что данный вывод отражает скорее недостаточную полноту наших знаний, чем реальную картину. В этом убеждают материалы, прежде всего, таких памятников бассейна Оки, как Зарайск, Трегубово, Колтово 7, Вышетравино.

Зарайская стоянка предоставляет выразительные факты для рассмот-

рения проблемы продолжительности бытования на Русской равнине культурных проявлений виллендорфско-костенковского единства. Полученные для культурных отложений Зарайска геолого- и археолого-стратиграфические, а также криостратиграфические и палинологические данные вместе с коррелирующими с ними радиоуглеродными датировками, не согласуются с устоявшимися представлениями о внезапном исчезновении культуры виллендорфско-костенковского единства в Восточной Европе примерно 20 тыс. л. н., т. е. с наступлением максимально холодной стадии последнего оледенения. Напротив, эти данные позволяют говорить о переживании традиций указанного культурного единства времени, приходящегося на пик максимального похолодания.

Тем самым еще раз подтверждается ошибочность представления о запустении значительной части Русской равнины в наиболее суровые отрезки последней ледниковой эпохи.

Хорошо опознаваемые, прежде всего с технологической стороны, проявления специфических черт общекостенковской технологии обработки камня можно наблюдать и в материалах такого памятника, как Трегубово, расположенного в 8 км от Зарайской стоянки и являющегося мастерской по изготовлению пластин. Основываясь на стратиграфических наблюдениях заключение исследователя этого памятника А. В. Трусова о более поздней по сравнению с Зарайском хронологической позиции Трегубово представляется обоснованным (Трусов, 2004).

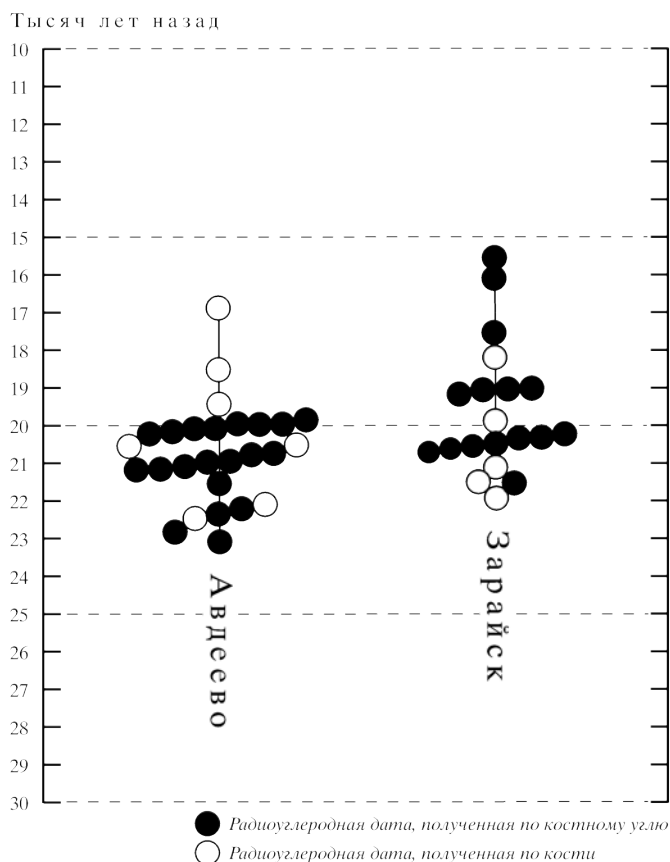

Рис. 5. Распределение радиоуглеродных дат культурных отложений стоянок Зарайск и Авдеево (по Сулержицкий, 2004, с добавлением новых дат для Зарайска, полученных в гринингенской лаборатории). Размер условного обозначения соотносится с масштабом на шкале времени.

Рис. 6. Зарайская стоянка. Фигурка бизона из бивня мамонта, длина 16,4 см.

Еще более поздние материалы этого же рода предоставляет считавшаяся мезолитической стоянка Колтово 7, открытая и исследованная более десяти лет назад В. В. Сидоровым при участии А. В. Трусова. Мало раскопанный и пока почти не опубликованный (Археологическая карта России, 1997, с. 64), этот памятник имеет большое значение с точки зрения рассматриваемой темы. Он расположен также на Средней Оке, в сходных с Зарайском и Трегубово геологических условиях, и имеет аналогичную сырьевую базу. В административном отношении это соседний с Зарайским Каширский р-н Московской обл. В этом же районе, справа по течению р. Медведка и в 1,5 км от стоянки Колтово 7, расположена и раннемезолитическая стоянка Умрышенка 3 (Археологическая карта Рос-

сии, 1997, с. 91, 92). Исследования В. В. Сидорова, А. В. Энгватовой и А. В. Трусова позволяют предполагать, что здесь расположена группа мезолитических памятников.

С технологической точки зрения материалы указанных позднепалеолитических памятников характеризует сохранение в них обшкостенковской (применительно к Поочью — зарайской) технологии первичного раскалывания, подчиненной получению, главным образом, крупной пластины. Пластины, шириной в среднем 3 см и длиной до 10 и более см, являются здесь обычной заготовкой. Микропластинки единичны. Заготовки получают с применением таких технологических приемов, как редукция и абразивная обработка кромки ударной площадки нуклеуса, выделенные точки удара для отдельного пла-

стинчатого снятия и, что особенно показательно, ретушная подправка на нуклеусе ребра будущей пластины.

В отношении морфологии орудий для инвентаря Колтово 7 особенно важно наличие пластинок с притупленным краем с симметрично подработанными концами. Данные предметы интересны и тем, что ретушированный край здесь слабоизвилистый, а ретушь, усекающая край, разнофасеточная. Как по морфологии, так и по особенностям обработки это явно не мезолитическая форма. В коллекции имеются изделия описываемой категории и без подработки концов.

Конечно, пластинки с притупленным краем являются довольно обычной формой для множества (но далеко не всех) верхнепалеолитических индустрий. Однако они не составля-

Рис. 7. То же.

ют в них единообразную и нерасчленимую в типологическом отношении массу. Изделия данной категории, как правило, несут на себе отпечаток технико-типологической специфики той или иной археологической культуры. Что касается пластинок с притупленным краем Колтово 7, то по характеру ретуши, форме обработанного края и наличию подправки на концах они обнаруживают наибольшее сходство с аналогичными предметами из коллекций памятников восточного граветта. Об этом позволяет судить достаточно подробный анализ последних, осуществленный с учетом морфологических, технологических и метрических показателей (Лисицын, 1998).

Очень интересны в типологическом отношении и резцы Колтово 7. Здесь прежде всего обращает на себя

внимание выраженное количественное преобладание двугранных форм над ретушными и многочисленность многофасеточных резцов среди первых. Примечательно и то, что доля резцов в коллекции несопоставимо выше доли скребков. Изделия этой категории представлены лишь единственным экземпляром, обнаруженным на участке слоя, потревоженном средневековым перекопом. Орудие изготовлено на типичной для индустрии стоянки крупной пластине.

Рассмотренная выше специфика технологии стоянки Колтово 7 представляет интерес особенно с той точки зрения, что она находит продолжение в одной (и только лишь в одной!) культурной общности волгоокского мезолита, называемой иеневской археологической культурой и преимущественно в материалах тех

памятников данной культуры, которые относятся к ранней стадии мезолита. Технология первичного раскалывания подчинена здесь получению крупной, широкой пластины. Доля самих пластин в коллекции может быть и небольшой, но именно они, как основная заготовка для производства наконечников, являются главной целью первичного раскалывания. Параметры пластин здесь не отличаются от заготовок такого рода, о которых говорилось в связи с восточнограветтской технологической традицией. Если говорить о материалах памятников, которые известны автору, то пластины шириной 3–4 и даже 5 см и длиной до 10 см более характерны, например, для Умышенки, Ладыжино 3. Здесь же мы обнаруживаем и применение таких приемов, как абразивная обработка

кромки ударной площадки, выделение и подготовка точки удара для получения отдельного пластинчатого скола. Особенно показательно использование приема ретушной подготовки ребра пластины на нуклеусе, отмечаемое в Умрышенке 3 и в Беливо 6В.

Таким образом, имеется достаточно оснований для заключения о том, что в Среднем Поочье наблюдается преемственность восточнограветтской технологической традиции от Зарайска, через Трегубово и Колтово 7, к раннемезолитическим материалам Умрышенки 3 и другим синхронным раннемезолитическим иеневским памятникам. Детальный

анализ позволяет выявить убедительные основания для того, чтобы считать восточнограветтскую традицию Поочья палеолитической подосновой иеневской мезолитической индустрии.

В заключение можно отметить, что многолетние раскопки Зарайской стоянки доставили материалы незаурядные по своей научной значимости. Результаты исследований памятника в совокупности с другими данными освещают более ярко культурный процесс на территории Восточной Европы в верхнем палеолите. Они предоставляют материалы для решения проблемы выживания населения в условиях наиболее холодной

стадии Валдайского оледенения. Технично-типологический анализ каменной индустрии дает, как представляется, верное направление в решении проблемы преемственности палеолита и мезолита на территории Русской равнины. А в самом общем историческом смысле изучение Зарайской стоянки и родственных ей памятников позволяет получить ответы на вопросы о времени образования, механизмах сложения и географических границах европейского континента как единого пространства не только в физико-, зоо- и биогеографическом смысле, но и в культурном отношении.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амирханов Х. А., Лев С. Ю., 2004. Статуэтка бизона с Зарайской стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины. М.
- Лисицын С. Н., 1998. Микропластинчатый инвентарь верхнего слоя Костенок 1 и некоторые проблемы микроорудий в верхнем палеолите Русской равнины // Восточный граветт. Ответ. ред. Амирханов Х. А. М.
- Сулержицкий Л. Д., 2004. Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны. РА. № 3.
- Трусов А. В., 2004. Трегубово 2 — палеолитическая мастерская по первичной обработке кремневого сырья // Проблемы каменного века Русской равнины. М.
- Шилова Г. Н., 2000. Заключение о результатах спорово-пыльцевого анализа образцов из объектов нижнего культурного слоя Зарайской стоянки // Амирханов Х. А. Зарайская стоянка. М.
- Giria Y., Bradley B., 1998. Blade technology at Kostenki 1/1, Avdevo and Zaraysk // Восточный граветт. Ответ. ред. Амирханов Х. А. М.

Ильская стоянка на Кубани

Уникальный памятник среднего палеолита на территории России

Ильская стоянка находится в Западном Закубанье, в п. Ильском Северского р-на Краснодарского края, в 50 км к юго-западу от г. Краснодара. Поселок Ильский в основном размещается на равнине, прилегающей к р. Кубани, и только небольшая юго-западная часть его тянется по долине ныне небольшой р. Иль в предгорья Северо-Западного Кавказа. В этой горной части поселка, в довольно узком месте речной долины и непосредственно на выходе ее из предгорий на равнину, и располагается стоянка (рис. 1). При этом она находится низко над рекой, в основании довольно крутого левобережного склона долины, обращенного на юг (рис. 2). Хорошо видно, что стоянка связана с древней излучиной реки, с северо-запада и юго-востока ограниченной мысами. Учитывая топографию стоянки, едва ли можно сомневаться, что место для нее было выбрано первобытными людьми не случайно. Позиция ее хорошо согласуется с их охотничьим образом жизни. Основное преимущество места расположения стоянки, по всей вероятности, заключалось в том, что оно было совсем близко от сужения речной долины и как нельзя лучше подходило для устройства здесь засад для оубоя стадных живот-

ных, периодически откочевывавших с равнины по долинам рек на пастбища в горные районы и обратно на равнину.

Ильская стоянка известна специалистам уже более 100 лет. Сведения о ней широко использовались и используются сейчас многими авторами. Ее раскапывали неоднократно разные, в том числе авторитетные исследователи, такие как С. Н. Замятнин и В. А. Городцов. Именно этими двумя исследователями первоначально была вскрыта весьма значительная площадь стоянки. Однако при этом методика их раскопок памятника, на удивление, была крайне низкого уровня. Вследствие этого документация раскопок стоянки оказалась совершенно отрывочной, что не могло не сказаться и на интерпретации этого памятника, которая сейчас представляется зачастую малообоснованной и противоречивой. Положение осложняется еще и тем, что весьма крупные археологические и палеозоологические коллекции, добытые первоначальными раскопками стоянки, в свое время не были должным образом исследованы и опубликованы. Сейчас эти коллекции, хранящиеся в МАЭ и Зоологическом институте РАН, к сожалению, находятся в плохом состоянии. Они смешаны (часть

находок потеряна) и по этой причине в основном утратили свое научное значение, оставаясь главным образом в качестве учебных материалов. Раскопки стоянки в конце 1960-х гг. Н. Д. Прасловым проводились на неплохом методическом уровне. Однако добытые им материалы до сих пор практически не опубликованы и не доступны для исследований. Все это привело к тому печальному факту, что Ильская стоянка, одна из самых известных среднепалеолитических стоянок на территории нашей страны, и по сей день остается не до конца ясным и понятным памятником. Нет единого мнения ни о стратиграфии и возрасте стоянки в пределах среднего палеолита, ни о ее культурной принадлежности. Это положение стало исправляться в лучшую сторону в результате наших раскопок стоянки в 1990-е гг.

Ильская стоянка была открыта случайно, и произошло это в связи с развитием нефтяных промыслов в бывшей станице Ильской в конце XIX в. Здесь местные рабочие-нефтяники при земляных работах постоянно находили кости ископаемых животных. Правда, большого интереса к ним они не проявляли и скоро о них забывали. Но вот осенью 1898 г. в Ильскую по пути из Новороссийска заехал известный тогда

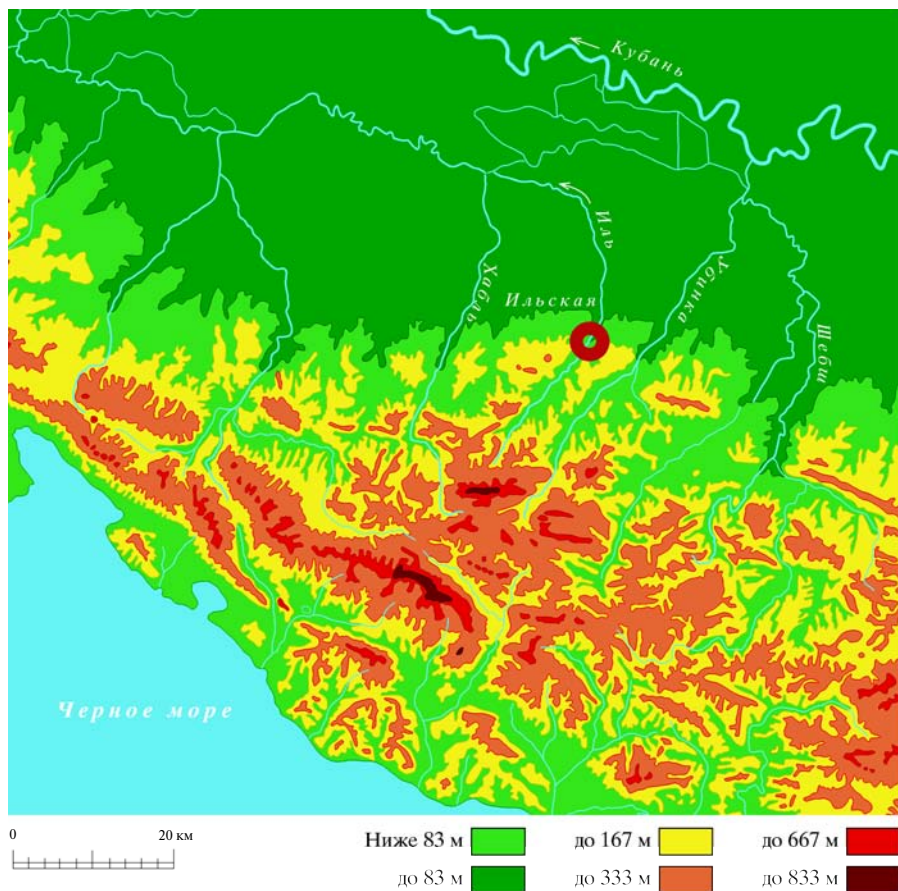

Рис. 1. Расположение Ильской стоянки в предгорьях Северо-Западного Кавказа.

французский археолог и путешественник барон Ж. де Бай. В то время на нынешнем 5-м участке Ильского нефтепромысла французской компанией «Русский стандарт» закладывался один из новых колодцев для добычи нефти. В выбросах земли оказались древние кости, на которые обратил внимание исследователь. По его предварительному заключению, кости принадлежали мамонту и гиппопотаму, на них могли охотиться первобытные люди. И небольшие раскопки, предпринятые исследователем, подтвердили это. Вместе с костями он нашел и каменные орудия (Вауе, 1899, р. 12). Так была открыта Ильская стоянка. Кости мамонта исследователь определил правильно. Но вот с распознаванием костей других животных он явно ошибся. Находки из Ильской были

переправлены во Францию, где были показаны на одной из выставок в Париже. С профессиональной точки зрения их описал там же во Франции Л. Капитан (Capitan, 1899, р. 325). Однако само место стоянки, открытой де Баем, никто из специалистов не видел. Уже в начале XX в. о ней стали забывать и появились сомнения в ее существовании.

Всерьез заинтересовались Ильской стоянкой лишь в 1925 г., когда С. Н. Замятнин — аспирант Государственной Академии истории материальной культуры, только что приступивший к изучению палеолита Кавказа и работавший при этом в составе Северо-Кавказской этнолого-археологической экспедиции под руководством А. А. Миллера, — решил все же отыскать эту таинственную стоянку. Недалеко от окраи-

ны станицы Ильской ему показали место, где в 1923 г. при рытье нефтестойкого котлована были найдены бивень и зубы мамонта. Заложенные им шурфы оказались с находками (Замятнин, 1925, с. 11–19). Де Бай, с которым связался С. Н. Замятнин, подтвердил, что раскопки проведены как раз там, где он проводил работы в 1898 г. (Zamiatnine, 1929, р. 283). Таким образом, Ильская стоянка вновь была открыта. Последующими раскопками (1926 и 1928 гг.) на стоянке был обнаружен мощный культурный слой (в среднем 40–50 см), залегающий, по заключению почвоведов С. А. Захарова, в ископаемой почве, образовавшейся в древности на пойме речной террасы (Замятнин, 1934, с. 209). Геологи отнесли эту почву, равно как и культурный слой, к концу последней межледниковой эпохи (Gromova, 1932, S. 309), датируемой сейчас 120–130 тыс. л. н. В общей сложности было раскопано около 225 м² площади стоянки и получены большие коллекции костных остатков животных, на которых охотились обитатели стоянки, и каменных изделий. Структура слоя не исследовалась, хотя С. Н. Замятнин отметил неравномерность распределения находок в слое. Кости принадлежали различным ископаемым животным. Но среди них преобладали кости степных бизонов, которых стало принято считать основными промысловыми животными обитателей стоянки (Замятнин, 1934, с. 210). Первый исследователь Ильской стоянки обратил внимание на важные особенности материальной культуры их обитателей. В каменном инвентаре оказались прекрасно сделанные листовидные и треугольные наконечники копий, что хорошо согласуется с обилием костных остатков животных на стоянке. Найдены были и другие орудия прогрессивных форм, что в целом характеризует индустрию стоянки как весьма развитую с далеко зашедшей дифференциацией форм орудий, с разнообразием технических и трудовых процессов (там же, с. 213). По облику культуры

Рис. 2. Место Ильской стоянки на левом берегу р. Иль (слева западный, справа восточный участки стоянки). Вид с юго-востока.

Ильскую стоянку С. Н. Замятнин отнес к группе известных в то время разновременных восточноевропейских мустьерских (среднепалеолитических) стоянок, сходных с индустрией Ля Микок во Франции. Стоянка соотносилась с развитой фазой этого типа мустье (Zamiatnine, 1929, p. 11, 12).

Раскопки и исследования Ильской стоянки С. Н. Замятниным имели исключительно важное значение для изучения среднего палеолита в нашей стране. Полученные им сведения о стоянке практически сразу же были введены в научный оборот и с коллекциями (археологическими и палеозоологическими), добытыми его раскопками мог ознакомиться любой специалист.

К сожалению, однако, раскопки стоянки С. Н. Замятниным были небезупречными, с большими мето-

дическими нарушениями. Анализ документации и осмотр места его раскопок сейчас показывают, что исследователь не достаточно хорошо разобрался в стратиграфии памятника. На участке, где он проводил раскопки, судя по всему, было несколько культурных слоев, залегающих в разных в литологическом отношении отложениях. Но они не были расчленены и раскопаны как один слой. При этом все находки еще в ходе раскопок оказались смешанными и составили одну обобщенную коллекцию. Это, безусловно, негативно сказалось в дальнейшем на интерпретации материалов стоянки.

Недостатки раскопок стоянки С. Н. Замятниным, возможно, явились одной из причин резкого несогласия с ним в оценке этого памятника В. А. Городцовым, который по-

лагал, что возраст Ильской стоянки неоправданно удревлен и она должна была быть отнесена не к среднему, а к позднему палеолиту. С целью подтвердить свое мнение, а также «изучить быт и экономические условия жизни обитателей стоянки» он произвел на ней грандиозные раскопки. За два года (1936–1937 гг.) им было вскрыто около 370 м² площади стоянки. Однако никакого подтверждения позднего возраста стоянки у него не получилось, несмотря на настойчивое стремление исследователя отыскать в ее инвентаре максимально больше изделий среднепалеолитического облика. Среднепалеолитический (мустьерский) возраст стоянки ни у кого не вызывал сомнений. Заслуга В. А. Городцова заключалась в другом. Именно он впервые довольно подробно описал стратиграфию стоянки и выделил на ней три куль-

турных слоя, доказав тем самым многослойный характер Ильской стоянки. По его мнению, палеолитические охотники посещали место стоянки многократно во время последнего межледниковья и последующей за ним ледниковой эпохи (Городцов, 1937, с. 1–6, 15; 1940, с. 92). Это было очень важным наблюдением. Но оно по совершенно непонятной причине не привлекло должного внимания исследователей, и Ильскую стоянку еще долгое время продолжали ошибочно считать однослойным памятником. При этом полученные в ходе ее раскопок явно разновременные обширные палеозоологические и археологические материалы рассматривались и, бывает, рассматриваются и сейчас как единый культурный комплекс. В таком обобщенном виде Ильская стоянка анализировалась многими исследователями. При этом высказаны самые разные суждения. Например, П. П. Ефименко, вслед за С. Н. Замятниным, относил ее к мустье восточноевропейского типа. Но полагал, что присутствие на ней двусторонне обработанных острий и позднеледниковых форм орудий является свидетельством ее позднемустьерского возраста (Ефименко, 1953, с. 250). Этой точки зрения придерживаются и некоторые другие исследователи. А. А. Формозов обращает внимание на наличие в инвентаре стоянки тонких уплощенных двусторонне обработанных орудий, узких остроконечников, асимметричных острий, близких остриям шатльперрон, а также скребков и резцов. Изящный треугольный наконечник с обработанным основанием, имеющийся среди орудий стоянки, он, как и А. Н. Рогачев (1957), считает непосредственным предшественником треугольных наконечников из стоянок начальной поры позднего палеолита Русской равнины. Подкрепляется это определениями абсолютного возраста стоянки (34–39 тыс. лет), выполненными В. В. Чердынцевым в 1950-е гг. По культурной же атрибуции А. А. Формозов относит стоянку к мустье с ашельской

традицией (Формозов, 1965, с. 33–39). Довольно поздним временем (концом раннего вюрма) датирует стоянку Г. Бозински. В качестве наиболее характерных форм изделий в индустрии стоянки он видит многочисленные двусторонне обработанные изделия, в том числе асимметричные формы, и особенно листовидные острия. Последние, с его точки зрения, вполне согласуются с преобладанием на стоянке костей бизонов. Ильскую стоянку он выделил в особый тип инвентаря, который вместе с селетом и альтмюльской группой (*Altmühlgruppe*) на периферии Центральной Европы составляют комплекс стоянок с листовидными наконечниками. При этом предполагается, что этот комплекс с листовидными наконечниками является результатом развития культуры микок и следует по времени непосредственно за ним (Bosinski, 1967, S. 60–61, 83). Напротив, М. Габори, изучивший материалы Ильской несколько позже, считал ее типично микокским (восточномикокским) памятником и датировал стоянку умеренной фазой раннего вюрма – брерупом (Gabori, 1976, p. 137). Инвентарь стоянки из раскопок С. Н. Замятниной и В. А. Городцова в той или иной степени изучали и интерпретировали и другие исследователи. Например, В. П. Любин при оценке инвентаря стоянки в целом сначала видел в ней памятник типичного мустье, хотя и с шарантским компонентом и примесью мустье понтийского типа (Любин, 1977, с. 197). Позднее он примкнул к общепринятой точке зрения и отнес ее к микоку (Любин, 1994, с. 160). На принадлежность Ильской стоянки к восточноевропейскому микоку указывает также Л. В. Голованова. По ее мнению, Ильской особенно близка на Северо-Западном Кавказе Мезмайская пещера (слои 3 и 2Б-4), расположенная высоко в горах в верховьях р. Курджипс на краю Лагонакского плато (Голованова, 1993, с. 25). Предполагается, что эти памятники синхронны и могут быть датированы первой половиной среднего вюрма,

хотя для Ильской не исключается и межстадиальный возраст в пределах раннего вюрма (Голованова, Доронищев, 2003, с. 10). Надо сказать, что еще в конце 1960-х гг. представление об однослойности Ильской стоянки попытался изменить Н. К. Анисюткин. Он изучил коллекции находок из раскопок С. Н. Замятниной, объединенные в один комплекс, и находки В. А. Городцова раздельно из нижнего и верхнего культурных слоев (сейчас послойные коллекции В. А. Городцова, хранящиеся в МАЭ РАН, смешаны). В верхнем слое состав орудий оказался несколько иным, по сравнению с нижним слоем. Однако это лишь количественные различия, и все культурные слои стоянки исследователь определил как одну мустьерскую культуру, развитие которой выразилось в «трансформации более примитивного инвентаря нижнего слоя в более совершенный инвентарь верхнего слоя» (Анисюткин, 1968, с. 118–125).

Интересные данные о стоянке получил в результате ее раскопок (1963, 1967–1968 гг.) Н. Д. Праслов. К сожалению, они не опубликованы. Судя по отдельным заметкам, подтвердился вывод В. А. Городцова о многослойности стоянки. Правда, исследователь проводил раскопки не по слоям, имевшим те или иные литологические характеристики, а по условным раскопочным горизонтам. Всего таких горизонтов у него оказалось 12. Самый нижний совпал с ископаемой почвой на глубине 5 м, перекрывавшей аллювий третьей надпойменной террасы р. Или, которую Н. Д. Праслов традиционно синхронизирует с последней (микулинской, рисс-вюрмской) межледниковой эпохой (Праслов, 1984, с. 32). У геологов несколько иное мнение. В частности, В. М. Муратов, принимавший участие в раскопках стоянки, указывал, что ее культурные слои залегают в толще делювиальных глин и тяжелых суглинков, перекрывающих террасу межледникового возраста, и, следовательно, должны датироваться более поздней вюрмской

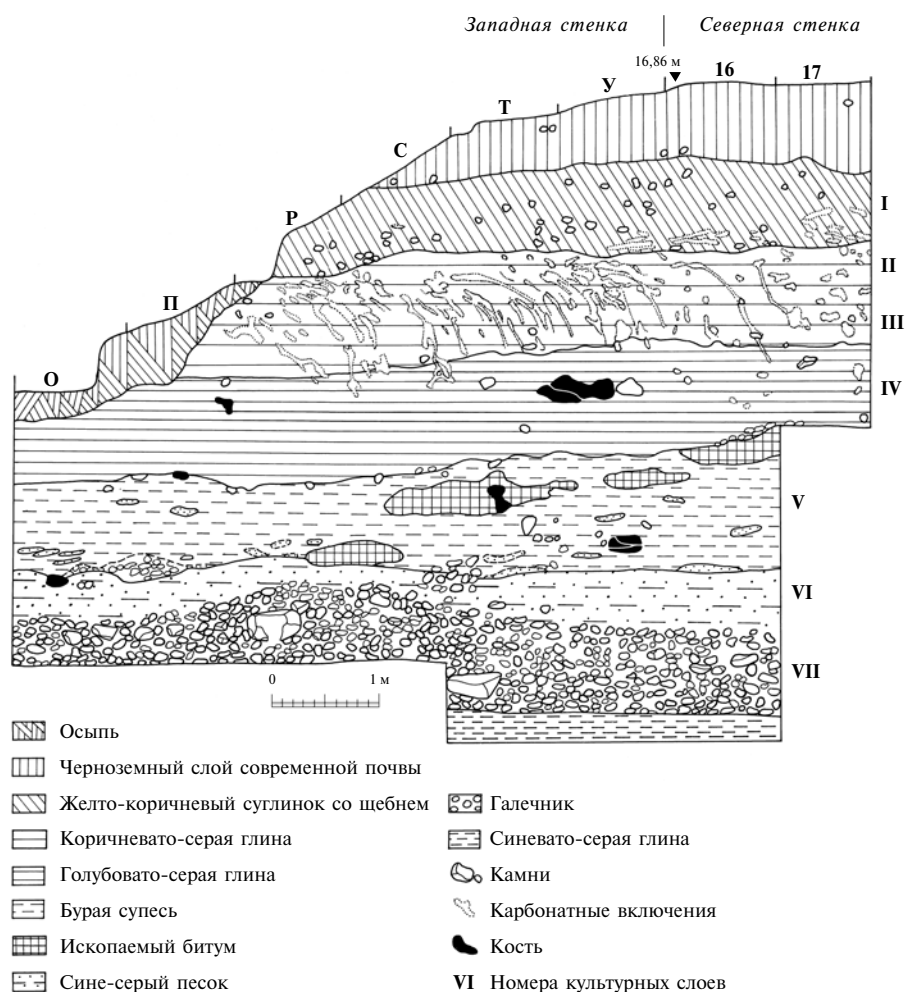

Рис. 3. Разрез отложений с культурными слоями на Ильской стоянке (раскоп 1, западная и северная стенки).

ледниковой эпохой (Муратов, 1969, с. 35). Сходным образом думала И. К. Иванова. По ее мнению, положение Ильской стоянки в нижней части покровных отложений низкой террасы близко по положению мустьерских стоянок в Приднестровье, поэтому наиболее вероятный возраст этой стоянки — вюрмский (валдайский). Тем более, что он подтверждается радиоуглеродными определениями — $37\,200 \pm 1\,800$ и $40\,800 \pm 1\,200$ (ЛУ), полученными по костям бизона. Археологический материал стоянки характеризуется Н. Н. Прасловым в самом общем виде. Существенных различий по составу изделий между горизонтами им не наблюдалось. Двусторонне обра-

ботанные изделия, принимаемые исследователем за отличительный признак индустрии стоянки, были выявлены во всех раскопных горизонтах, на основании чего делается вывод, что Ильская стоянка представляет собой остатки «одной мустьерской культуры, развивавшейся в пределах данного региона» (Праслов, Муратов, 1970, с. 84). Как отмечалось, такое же мнение было высказано несколько раньше Н. К. Анисюткиным после сравнительного изучения материалов из раскопок С. Н. Замятнина и В. А. Городцова (Анисюткин, 1968, с. 125).

Значительно полнее и по-новому предстает Ильская стоянка сейчас после открытия и изучения на ней

ранее неизвестного восточного участка (Ильская 2) с целой серией хорошо сохранившихся культурных слоев, залегающих, как оказалось, не только в покровных делювиальных отложениях, но и в аллювиальных отложениях древней речной террасы (Щелинский, 1993, с. 7–11). Этот участок располагается в 170 м к востоку и ниже по реке от места прежних раскопок (теперь западный участок или Ильская 1) (рис. 2). Сам факт открытия его показывает, что стоянка в действительности имеет гораздо большие размеры, чем предполагалось первоначально ее первыми исследователями. Она занимает внушительную территорию площадью примерно 250×50 м, которая

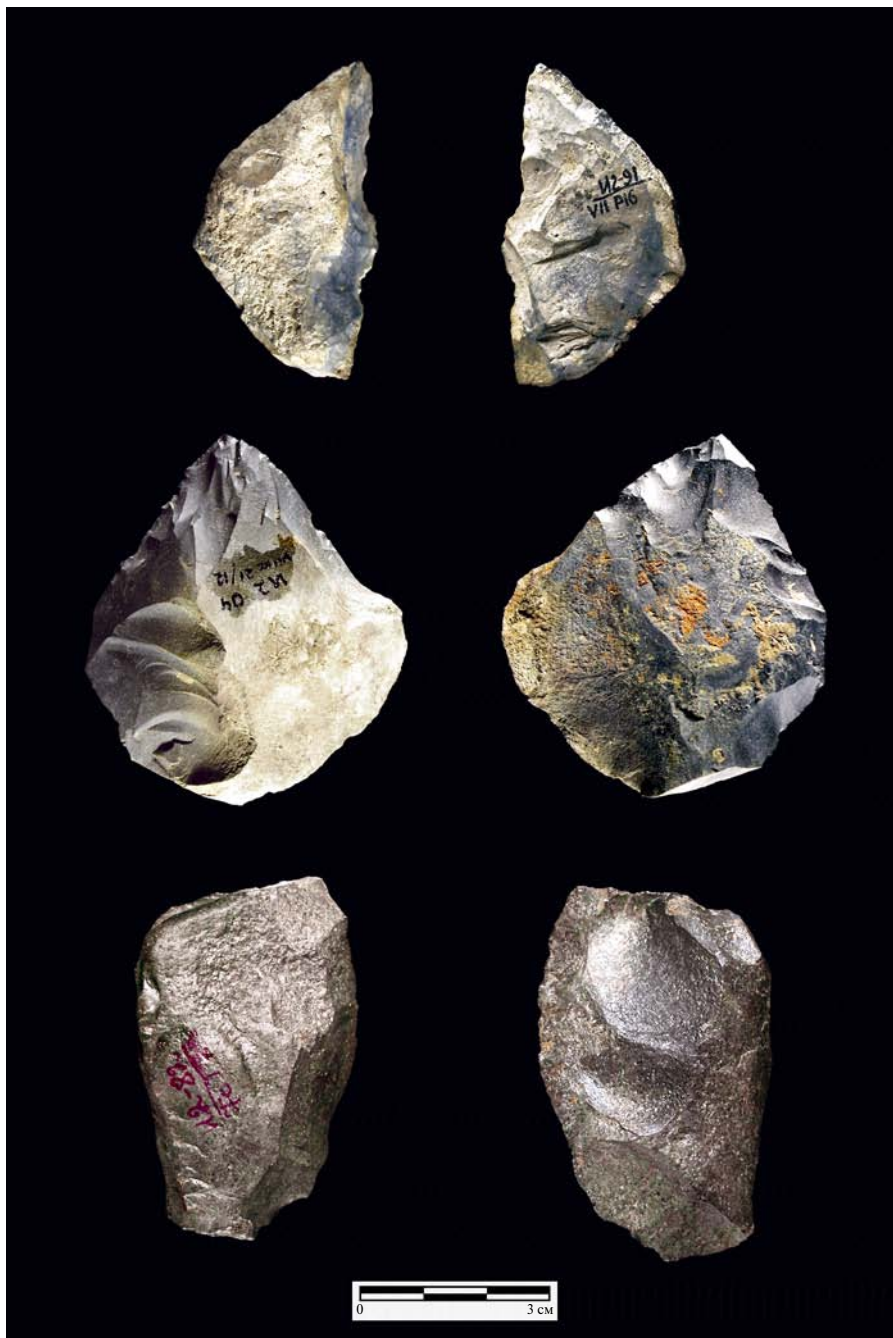

Рис. 4. Ильская стоянка. Ножи с двусторонней обработкой из VII культурного слоя.

протягивается вдоль берега реки. В связи с этим встает вопрос, почему стоянка заселялась среднепалеолитическими охотниками столь интенсивно и длительное время? Очевидно, были какие-то благоприятные палеоэкологические причины. С большой долей вероятности можно назвать некоторые из них. В первую очередь, надо думать, в окрестностях

стоянки продолжительное время было изобилие промысловых животных, а топография местности позволяла относительно легко и продуктивно охотиться на них. Важно, что в сочетании с этим обстоятельством на стоянке и поблизости от нее всегда в достатке было каменное и растительное сырье для изготовления орудий и оружия. Кроме того, есть основа-

ния предполагать, что среднепалеолитические охотники уже знали и использовали как горючее вещество имеющуюся здесь самопроизвольно вытекающую нефть. На это косвенным образом указывает удивительное совпадение места стоянки с основными в долине р. Или выходами нефти и газа на поверхность.

Наши исследования восточного участка впервые позволили четко установить геоморфологическую позицию и стратиграфию стоянки и благодаря этому максимально приблизиться к более точному определению ее геологического возраста. Раскопками на стоянке выявлены две низкие плейстоценовые террасы р. Или (вторая и третья надпойменные террасы). Эти террасы сближены по высоте (12–14 м), но различаются слагающими их отложениями. При этом аллювий второй террасы с размывом налегает на верхи аллювия третьей террасы, включающей культурные слои стоянки. Относительно поздний возраст (в пределах раннего вюрма) второй террасы не вызывает сомнений. Что касается третьей террасы со стоянкой, то она, безусловно, древнее. Однако, судя по положению в рельефе и литологическим характеристикам представленных в ней отложений, межледниковый (микулинский, рисс-вюрмский) возраст ее, на мой взгляд, исключен. Вместе с тем многое говорит о том, что эта терраса может быть датирована первым потеплением внутри начавшегося оледенения (вюрма, валдая), сопоставимым с интерстадиалом бреруп Западной и Центральной Европы и подстадией 5с океанической изотопно-кислородной шкалы. Абсолютный возраст этой подстадии — около 100 тыс. лет (Jöris, в печати; Bosinski, 2000–2001, p. 109).

В толще отложений третьей террасы, общая мощность которых составляет более 6 м, сейчас выявлено семь культурных слоев среднего палеолита. Причем связаны они с литологически различными геологическими слоями (рис. 3), что облегчает их датировку и археологическую

атрибуцию (· ælinskij, 1998, S. 131–161). В этой связи весьма важно, что три нижних культурных слоя (V–VII) залегают в отложениях водного происхождения, в аллювии террасы. При таких условиях накопления культурных остатков эти культурные слои, казалось бы, должны были быть полностью разрушены рекой. Однако они сохранились и только в незначительной степени были повреждены водой. Эти слои датируются временем формирования аллювия третьей надпойменной террасы р. Или, т. е., скорее всего, первой фазой потепления (бреруп), имевшей место в начале последней ледниковой эпохи. Нет сомнений, что оставившие их среднепалеолитические охотники жили близко у воды на низкой периодически подтопляемой древней пойме и непосредственно на песчано-галечном пляже реки.

Самый древний VII культурный слой Ильской стоянки располагается в верхней части слоя занефтеванного в древности руслового галечника террасы. Несмотря на такие условия залегания, культурный слой в основном сохранился *in situ*. Об этом свидетельствуют довольно равномерное распределение в нем культурных остатков и сами каменные изделия, среди которых большинство без следов окатанности. Поскольку слой лежит глубоко от поверхности и перекрыт другими неисследованными культурными слоями, его удалось раскопать пока лишь на нескольких квадратных метрах. Однако характер слоя вырисовывается вполне отчетливо. В нем довольно много костных остатков животных и каменных изделий, встречены также крупные и сравнительно небольшие глыбы доломита, возможно, принесенные людьми. Примечательны костные остатки животных, на которых охотились люди. Среди них отчетливо преобладают остатки мамонта ранней формы (*Mammuthus cf. chosaricus*) (Hoffecker et al., 1991, p. 124, 125), что несомненно указывает, по крайней мере, на умеренный климат и является важным дополнительным

Рис. 5. *Ильская стоянка. Круглая наковальня из плиты доломита из VII культурного слоя.*

аргументом в пользу послеледникового возраста этого слоя. Распространение мамонта в Предкавказском регионе началось, по всей вероятности, несколько раньше отложения VII культурного слоя, во время весьма холодной стадии (5d), последовавшей после окончания последней межледниковой эпохи. О материальной культуре охотников рассматриваемого культурного слоя свидетельствует интересная коллекция каменных орудий. Особенно обращают на себя внимание хорошо сделанные отщепы, выполненные в левалуазской технике обработки камня, и двусторонне обработанные ножи (рис. 4). Совершенно уникальным изделием является крупная, круглая как колесо наковальня, тщательно изготовленная из плиты доломита (рис. 5). Диаметр ее 33 см, высота — 9 см, вес — около 10 кг. По всему периметру она оббита многочисленными крупными и мелкими вертикальными сколами, придающими ей правильную круглую форму. Наковальня интенсивно использовалась. На обеих плоских поверхностях ее сохранились следы стертости, старые царапины, а также лунки от ударов, образовавшиеся от раскалывания костей и других не очень твердых

материалов.

VI культурный слой, залегающий на 50–60 см выше VII слоя, связан с сине-серым глинистым речным песком, также пропитанным нефтью. Раскопан на малой площади, и впечатления о нем предварительные. По составу костей, представленных исключительно костями мамонта, и малочисленным изделиям из камня, этот слой имеет признаки кратковременной стоянки небольшой группы охотников. Однако по технико-типологическому облику остатков материальной культуры он, похоже, не отличается от VII слоя.

Пачку культурных слоев, сформировавшихся в аллювиальных отложениях речной террасы, завершает V культурный слой. Он лежит в бурой гумусированной и отчасти занефтеванной супеси, слагающей древнюю пойму реки. В ряде мест супесь содержит линзы ископаемого битума, которые в древности были лужами нефти прямо на стоянке охотников. Стратиграфически эта супесь с V культурным слоем сопоставляется с нижней погребенной почвой западного участка памятника, с которой В. А. Городцов увязывал нижний культурный слой стоянки (12-й условный раскопчный гори-

Рис. 6. *Ильская стоянка. Фрагмент V культурного слоя с костями мамонтов ранней формы и каменными изделиями из доломита и кремня. Вид с юга. На переднем плане верхней фотографии видна лопатка молодой особи мамонта.*

зонт Н. Д. Праслова). V культурный слой имеет значительную мощность и включает в себя довольно многочисленные костные остатки животных, которые вместе с каменными изделиями в целом равномерно распределялись на исследованной площади (рис. 6). Все говорит о длительном обитании людей на стоянке. Кости принадлежат мамонту, но, наряду с ними, встречены остатки бизона, гигантского оленя и лошади. Представлены разные части скелетов

животных. Характеристика каменной индустрии слоя в настоящее время затруднительна из-за малочисленности информативных в технико-типологическом отношении орудий. Пока можно констатировать, что, в отличие от нижележащих культурных слоев, двустороннеобработанных орудий здесь мало и они невыразительные. Однако представлены новые формы — ножи с ретушированным обушком на отщепях.

Исключительно интересны верх-

ние культурные слои стоянки. Они залегают в склоновых делювиальных глинах и суглинках, перекрывающих водные отложения третьей надпойменной террасы р. Или. Сейчас удалось установить, что эти склоновые отложения накапливались в условиях влажного и прохладного климата, изменявшегося в направлении все большей сухости. По всей вероятности, это была очередная холодная фаза последнего (вюрмского, валдайского) оледенения Европы, сопоставимая с подстадией 5b изотопно-кислородной шкалы глобального изменения климата, имеющей возраст порядка 90 тыс. лет от наших дней.

В самой нижней части делювия террасы, в плотной голубовато-серой (сизой) глине находится IV культурный слой стоянки. Это мощный слой, наиболее насыщенный костными остатками животных в основном раннего мамонта (рис. 7). Зафиксировано обширное скопление костей, в котором они располагались хаотично, нередко с налеганием одной на другую. Многие трубчатые кости почти целые, есть бивни, в том числе необычайно крупные. Не исключено, что они имеют отношение к жилому сооружению, конструктивные элементы которого, однако, четко не прослеживаются. Материальную культуру охотников этого слоя характеризуют многочисленные выразительные орудия разных категорий, изготовленные из доломита, алевролита, кремня, лидита и других пород камня. Налицо заметные технико-типологические особенности этих орудий, отсутствующие в других культурных слоях стоянки. Двусторонне обработанных орудий всего два, но они демонстрируют высокую технику обработки камня. Одно из них — треугольный удлиненный наконечник дротика с утонченным основанием, другое — миниатюрный овальный нож с коротким диагональным обушком. Основная масса орудий изготовлена на сколах. Наряду с разнообразными скреблами выделяются удлиненные острокопечники асимметричной формы. К

ним примыкают ножи со специально оформленным обушком. Важной составной частью комплекса орудий из слоя являются хорошо сделанные крупные леваллуазские отщепы и остроконечники (рис. 8). Это были готовые ножи, полученные специальной техникой, а остроконечники использовались также в качестве наконечников копий и дротиков. Наконец, нельзя не упомянуть совершенно неожиданную для этого слоя находку, возможно, проливающую свет на духовную жизнь среднепалеолитических охотников. Я имею в виду, на первый взгляд, обыкновенную гальку из плотного песчаника (размеры: длина — 9 см, высота — 8,5 см, толщина — 2 см), лежавшую в слое среди костей (рис. 9). Однако, присмотревшись внимательно, можно увидеть поразительное сходство ее с позднепалеолитическими фигурками мамонта, изготовленными из мергеля, и известными, например, по материалам стоянки Костенки I на Среднем Дону. «Фигурка» имеет все характерные признаки мамонта, передаваемые палеолитическим искусством: маленькую шишковатую головку, резко отделенную от горбатой изогнутой спины, просматривается и слегка изогнутая линия хобота. Особенно примечательно, что выпуклости головки и горба спины зверя образованы удивительно удачным сколом края гальки. Правда, негатив этого скола окатан так же, как и вся галька. Случайна ли эта «подработка» края гальки или она была преднамеренной, сказать трудно. Очевидно, что галька была подобрана человеком на пляже реки, куда она могла попасть из более раннего культурного слоя. Как бы то ни было, человек, по-видимому, обратил внимание на сходство очертаний гальки с теми животными, которые окружали его в повседневной жизни.

Выше IV культурного слоя залегает исключительно интересный III культурный слой стоянки. Он связан с несколько более темной коричневатой-серой глиной, насыщенной

Рис. 7. *Ильская стоянка. Фрагмент IV культурного слоя со скоплением костей и бивней мамонтов ранней формы. Сверху вид с северо-запада; снизу — с юго-запада.*

рыхлыми карбонатами, что указывает на более сухой климат. О кардинальном изменении климатической ситуации во время накопления этого культурного слоя (распространение степных ландшафтов) свидетельствуют и сохранившиеся в нем костные остатки животных, на которых охотились люди. Они принадлежат главным образом бизону (*Bison cf. priscus*) (Baryshnikov, Hoffecker, 1994, p. 3). Таким образом, в отличие от нижележащих культурных слоев,

оставленных охотниками на мамонтов, в III культурном слое мы имеем дело с материальными остатками деятельности и культуры уже других охотников — охотников на бизонов. Каменные орудия этих охотников многочисленны и многообразны. В слое обнаружена подлинная обширная мастерская по обработке местного каменного сырья — доломита, из которого на основе весьма развитой леваллуазской техники расщепления камня изготавливались в боль-

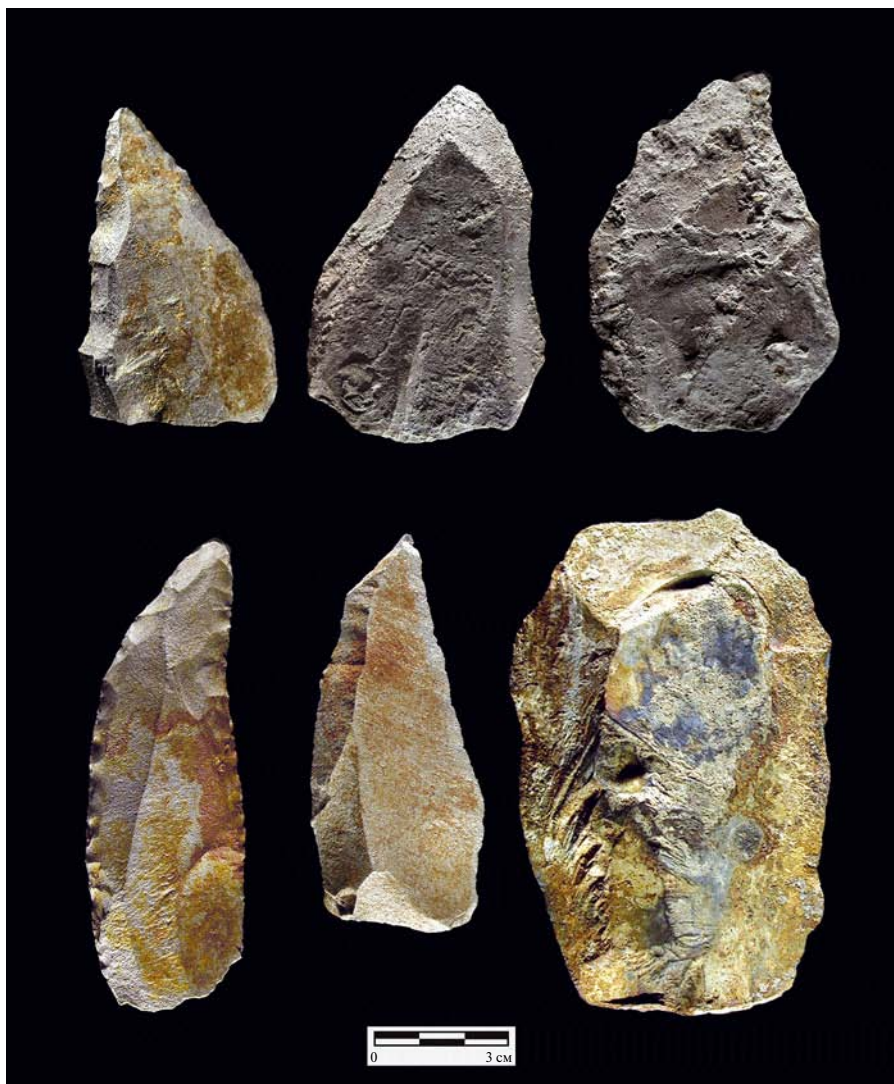

Рис. 8. Ильская стоянка. Орудия (остроконечники, леваллуазские отщепы) из IV культурного слоя.

Рис. 9. Ильская стоянка. «Фигурка» мамонта из IV культурного слоя.

шом количестве высококачественные отщепы, пластины и треугольные остроконечники (рис. 10). Однако этим не ограничивается специфика слоя. Бесспорной особенностью состава орудий в нем является наличие длинных узких, но при этом толстых, обработанных интенсивной ретушью, остроконечников, удлиненных двойных скребел и пластин с крутой ретушью почти по всему периметру, напоминающих ориньякские пластины позднего палеолита. Для других культурных слоев стоянки такие орудия не характерны.

II культурный слой стоянки, расположенный выше по разрезу и в той же самой глине, что и III слой, также содержит остатки материальной культуры охотников на бизонов. Однако характер их в этом слое несколько иной. По-видимому, можно говорить о других культурных традициях у охотников. Прежде всего сам слой довольно тонкий. Кости бизонов, иногда в анатомических группах, распределялись отдельными пятнами, что свойственно кратковременным стоянкам охотников. Как будто, не противоречит этому и набор орудий, обнаруженных в слое. Среди них нет такого обилия леваллуазских типов орудий, характерного для III слоя. Орудия в основном простые: скребла, асимметричные остроконечники, отщепы с ретушью. Большинство их имеет удивительно мелкие размеры (отдельные экземпляры — до 2 см и меньше). Причем мелки не только отщепы, из которых сделаны орудия, но и нуклеусы, служившие для скальвания отщепов-заготовок.

Над описанным культурным слоем прослеживается граница размыва толщи глин, включающей культурные слои II–IV. Это является важным показателем очередного изменения климатических условий на последнем этапе существования стоянки. Климат стал еще более сухим и холодным. На склонах долины р. Или было мало растительности, при этом уровень реки сильно понизился, что привело к бурному развитию склоновой эрозии и накоплению на террасах

суглинков с большим количеством щебня из местных пород. Именно в таких условиях происходило формирование самого позднего, I культурного слоя стоянки. По времени это, вероятно, соответствует наиболее холодной фазе подстадии 5b океанической изотопно-кислородной шкалы, имевшей место около 85 тыс. лет тому назад (Jöris, 2001, S. 21, 22).

I культурный слой плохо сохранился. В нем почти нет костных остатков животных (сказалась близость слоя к современной поверхности), а каменные изделия еще в древности были частично переотложены дождевыми потоками. Тем не менее слой доставил интересные находки. По составу и формам орудий этот слой близок II культурному слою, но не тождественен ему. Для него также характерны мелкие простые орудия и соответствующие им отщепы и нуклеусы. Вместе с тем представлены орудия нормальных размеров, и среди них хорошие леваллуазские отщепы, а также двусторонне обработанные ножи и наконечники дротиков. Есть оригинальные орудия на гальках типа чопперов. Все это придает данному культурному слою определенные отличия от других культурных слоев стоянки.

Таким образом, Ильская стоянка предстает сейчас в совершенно новом свете. Впервые удалось определить хронологические рамки этого многослойного памятника. Стоянка оказалась не столь древней, как представлялось раньше, но и не слишком поздней в пределах среднего палеолита. Самый нижний ее культурный слой, по-видимому, не древнее 100 тыс. лет, а верхний культурный слой — не моложе 80–85 тыс. лет. На стоянке нет оснований видеть плавное развитие одной культуры. Напротив, культурные слои на ней во многом не похожи один на другой и в большей мере указывают на то, что среднепалеолитические охотники, посещавшие место стоянки на протяжении тысячелетий, имели разные культурные традиции, характеризующиеся высоким развитием техники

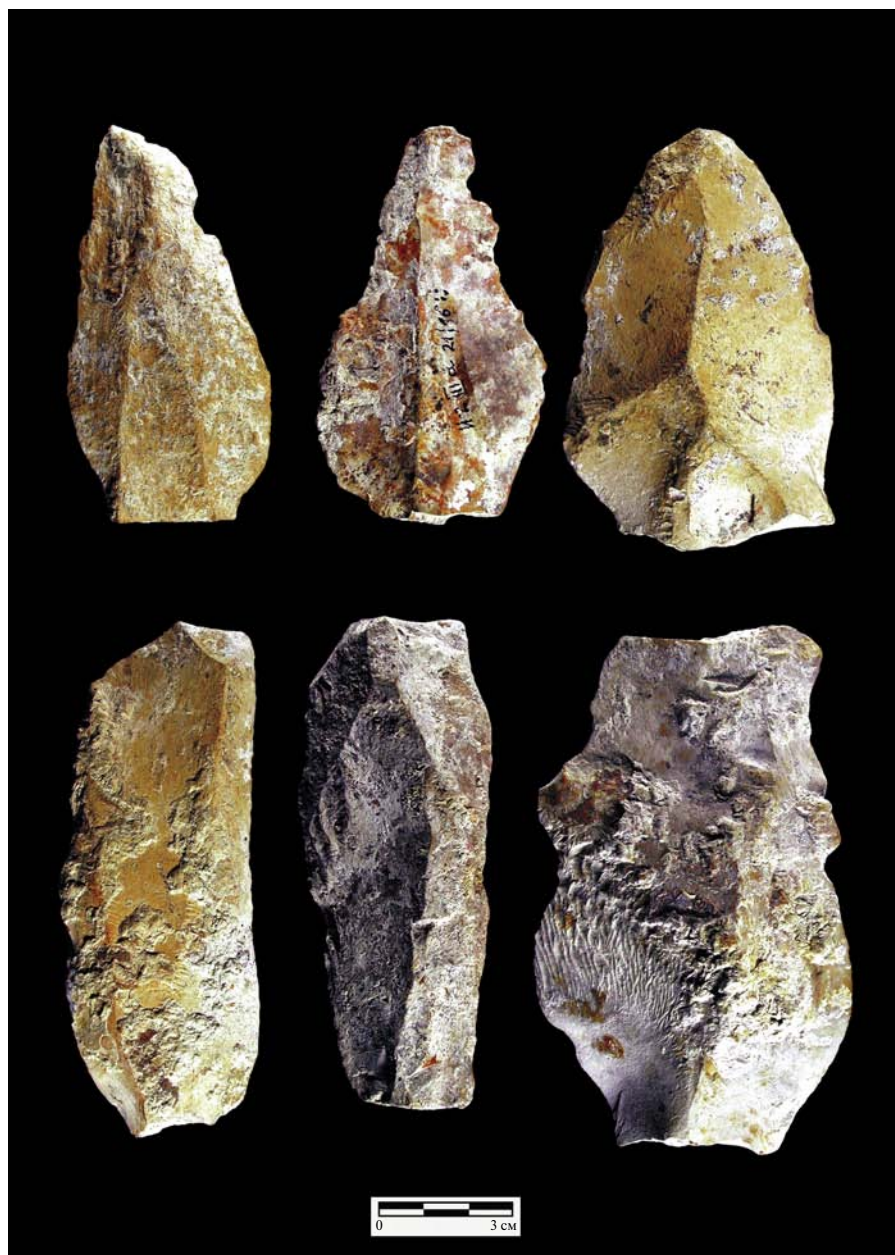

Рис. 10. *Ильская стоянка. Орудия из доломита (леваллуазский остроконечник, пластины, отщепы) из III культурного слоя.*

обработки камня и изготовления орудий труда и оружия. Это не были так называемые традиции кайльмессергруппен или же микокские традиции, устанавливаемые в настоящее время для ряда стоянок конца среднего палеолита Центральной и Восточной Европы, включая некоторые пещерные стоянки Крыма и Северо-Западного Кавказа. На Ильской мы видим иные культурные традиции среднепалеолитических охотников, которые развивались на основе

местных более ранних культурных традиций среднего палеолита Предкавказского региона, формировавшихся при осязательном культурном влиянии со стороны Северного и Южного Закавказья.

Дальнейшие раскопки Ильской стоянки, несомненно, позволят еще больше обогатить и конкретизировать наши знания о технических и культурных достижениях охотников далекого среднего палеолита на территории Европейской России.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анисюткин Н. К., 1968. Два комплекса Ильской стоянки // СА. № 2.
- Бозински Г., 2003. Средний палеолит: 250000 лет нашей истории // Археологические вести. Вып. 10.
- Голованова Л. В., 1993. Об истории одной мустьерской культуры на Северном Кавказе // Вторая кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Голованова Л. В., Дороничев В. Б., 2003. Палеолит Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3.
- Городцов В. А., 1937. Отчет об исследовании Ильской палеолитической стоянки в 1937 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2, оп. 1, № 201.
- Городцов В. А., 1940. Ильская палеолитическая стоянка по раскопкам 1937 года // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. Вып. 6–7. М, Л.
- Городцов В. А., 1941. Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки (предварительное сообщение) // МИА. Вып. 2.
- Ефименко П. П., 1953. Первобытное общество. Киев.
- Замятнин С. Н., 1925. Краткий отчет о раскопках стоянки Ильская // Архив ИИМК РАН. Ф. 2, оп. 1, № 112.
- Замятнин С. Н., 1934. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения // Тр. II междунар. конф. Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Л., М., Новосибирск.
- Иванова И. К., 1982. Ископаемый человек и его культура // Стратиграфия СССР. Четвертичная система. № 1. М.
- Любин В. П., 1977. Мустьерские культуры Кавказа. Л.
- Любин В. П., 1994. Итоги исследования Баракаевской пещерной стоянки // Неандертальцы Гупского ущелья. Майкоп.
- Муратов В. М., 1969. Геологический возраст палеолитических стоянок. Северный Кавказ // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.
- Праслов Н. Д., 1984. Развитие природной среды на территории СССР в антропогене и проблемы хронологии и периодизации палеолита // Палеолит СССР (Археология СССР). М.
- Праслов Н. Д., Муратов В. М., 1970. О стратиграфии Ильской стоянки // АО 1969 г.
- Рогачев А. Н., 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района // МИА. Вып. 59.
- Формозов А. А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.
- Щелинский В. Е., 1993. Исследование мустьерской стоянки Ильская II в Прикубанье // Новые открытия и методологические основания археологической хронологии: Тез. докл. конф. СПб.
- Щелинский В. Е., 2001. О соотношении формы и функции орудий труда нижнего и среднего палеолита // Археологические вести. Вып. 8.
- Baryshnikov G., Hoffecker J. F., 1994. Mousterian Hunters of the NW Caucasus: Preliminary results of recent investigations // Journal of Field Archeology. 21.
- Baye J. de, 1899. Au Nord de la chaîne du Caucase. Souvenir d'une mission // Revue de Géographie. 7–8.
- Bosinski G., 1967. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa // Fundamenta. A/4. Köln.
- Bosinski G., 2000–2001. El Paleolítico medio en Europa Central // Zephyrus. 53–54. Universidad de Salamanca.
- Capitan L., 1899. Etude sur les collections rapportées de Russie par M. le Baron de Baye // Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris. 10/4.
- Gábori M., 1976. Les civilisations du Paléolithique moyen entre les Alpes et l'Oural. Esquisse historique. Budapest.
- Gromova V., 1932. Der Säugetierfauna der mittelpaläolithischen station bei Il'skaja im nördlichen Kaukasus // Travaux de l'Institut Zoologique de l'Académie des Sciences de l'URSS. I (3–4).
- Hoffecker J. F., Baryshnikov G., Potapova O., 1991. Vertebrate remains from the Mousterian site of Il'skaja I (Northern Caucasus, U.S.S.R.): New analysis and interpretation // Journal of Archaeological Science. 18.
- Jöris O., 2001. Der spätmittelpaläolithische Fundplatz Buhlen (Grabungen 1966–1969) // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. 73. Bonn.
- Jöris O., в печати. Zur chronostratigraphischen Stellung der Keilmesserguppen. Der Versuch einer kulturgeographischen Abgrenzung einer mittelpaläolithischen Formengruppe im europäischen Kontext.
- äelinskij V. E., 1998. Der mittelpaläolithische Fundplatz Il'skaja II im westlichen Kubangebiet. Zur Charakterisierung des Mittelpaläolithikums im Kaukasusvorland // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 45.
- Zamiatnine S. N., 1929. Station moustérienne a Il'skaia, province de Kouban (Caucase du Nord) // Revue Anthropologique. 39.

Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы

Одним из важнейших достижений последнего десятилетия в археологии европейской части России является открытие памятников ранней поры верхнего палеолита (38–28 тыс. л. н.) на северо-востоке Русской равнины и западных предгорьях Среднего и Северного Урала, в бассейнах рек Камы и Печоры.

До недавнего времени стоянки этого хронологического интервала были известны в значительно более южных широтах — в бассейне Оки (Сунгирь), на верхнем Дону (Костенки), на Днестре (Молдова) и в Крыму (Сюрень) (Аникович, Рогачев, 1984).

Открытие памятников начальных этапов верхнего палеолита в арктических и субарктических широтах существенно расширили и значительно изменили современные научные представления о географии размещения и культурных особенностях стоянок начала верхнего палеолита в Евразии и показали, что человек был способен адаптироваться и успешно выживать в арктических и субарктических условиях, уже на самых ранних этапах заселения материка.

В статье кратко изложены важнейшие результаты исследований опорных памятников ранней поры верхнего палеолита в регионе — сто-

янок Мамонтова Курья, Заозерье, Гарчи I и Бызовая, проведенных международным коллективом исследователей под общим руководством автора в 1992–2004 гг.

К начальной поре верхнего палеолита (38–34 тыс. л.) в регионе относятся стоянки Мамонтова Курья и Заозерье.

Стоянка Мамонтова Курья

Памятник расположен на левом берегу р. Усы (крупнейший правый приток Печоры), непосредственно на Полярном круге на 66°34' с. ш. и 62°25' в. д. (Pavlov et al., 2001; Svendsen, Pavlov, 2003).

Абсолютный возраст памятника определен по большой серии (более 40) радиоуглеродных и OSL-датировок и составляет 38–34 тыс. л.

На стоянке помимо фаунистических остатков были найдены бивень мамонта с насечками и четыре каменных предмета: фрагмент бифаса, скребло на массивной пластинчатой заготовке, отщеп и осколок кварцито-песчаника. Наибольший интерес представляет бивень молодой самки мамонта. Орнамент на бивне составлен из рядов парных насечек, расположенных под углом друг к другу.

Наиболее четко выделяется параллельный ряд, состоящий из 23 насечек. Второй ряд насечек нанесен под углом к нему. Насечки нанесены перпендикулярно и под углом к поверхности и в профиле имеют V-образную форму. Подобные орнаменты известны на древнейших памятниках верхнего палеолита Западной Европы в хронологическом диапазоне от 40 до 35 тыс. лет.

Культурную принадлежность и тип памятника по имеющемуся материалу установить невозможно.

Датировки помещают стоянку Мамонтова Курья в финальный этап мустье или в начальную пору верхнего палеолита. Мы не знаем, кто оставил эту стоянку. Если это были *Homo sapiens sapiens*, это означает, что люди современного физического типа чрезвычайно быстро освоили даже арктическую зону Европы, так как самые ранние находки человека современного вида в Европе датируются 34–36 тыс. л. Если же это были неандертальцы, это означает, что этот вид распространялся на север вплоть до арктической зоны, что существенно меняет наши представления о возможностях адаптации неандертальцев.

В настоящее время Мамонтова Курья — самый северный памятник такого возраста в мире.

Стоянка Заозерье

Памятник расположен в нижнем течении р. Чусовой на 58°09' с. ш. и 56°59' в. д. (Павлов, 2004). Возраст культурного слоя установлен по серии (8) радиоуглеродных датировок и составляет 35–33 тыс. л. Таким образом, стоянка Заозерье является одним из древнейших памятников верхнего палеолита Восточной Европы.

Культурный слой залегает *in situ* в основании покровных отложений мыса третьей террасы р. Чусовая и приурочен к горизонту погребенной почвы среднего валдая. Площадь его распространения не менее 2500 м². В настоящее время исследовано около 100 м² культурного слоя стоянки.

В ходе полевых исследований памятника в 2002–2004 гг. были изучены несколько скопления культурных остатков. Все они могут быть интерпретированы как остатки кратковременных стоянок небольшого коллектива охотников. Основные виды деятельности — разделка охотничьей добычи, приготовление и потребление пищи, шитье шкур пушных животных, изготовление костяных орудий и украшений.

Стоянка Заозерье, вероятно, относится к числу охотничьих лагерей, постоянно посещавшихся в течение одного или нескольких сезонов. Несмотря на сравнительно небольшую раскопанную на стоянке площадь ее общую планировку можно установить вполне определенно. На памятнике культурные остатки располагаются скоплениями, которые являются, очевидно, жилыми площадками. Все преднамеренные скопления имеют, в целом, одинаковую структуру. Ее центральным элементом являлся очаг. В приочажной зоне концентрировались пищевые отбросы в виде расколотых костей животных. Зона производственной и хозяйственной деятельности располагалась вне зоны накопления пищевых отбросов. Скопления имели очень четкие границы в приочажной зоне, что позволяет предполагать наличие

вблизи очага конструкций типа ветровых заслонов.

Состав фаунистических остатков в культурном слое указывает, что основным объектом охоты для обитателей стоянки являлась лошадь. Отметим, что на стоянку приносились наиболее ценные в пищевом отношении части туш лошадей — задние и передние конечности и головы. Это, в свою очередь, предполагает, что место охоты располагалось в непосредственной близости от памятника. Скорее всего, место добычи животных находилось в устье обширного лога, в непосредственной близости от которого расположена стоянка. Наряду с лошадью постоянным объектом охоты являлось и такое мелкое животное как заяц. Кости этого грызуна найдены в приочажных зонах всех исследованных жилых площадок. Скорее всего, это животное добывалось ради его меха, который использовался для изготовления теплой одежды.

Результаты палинологического исследования культурного слоя показывают, что люди жили на пойме или низкой надпойменной террасе р. Чусовой, покрытой растительностью бореального или северобореального типа. Водораздельные пространства в окрестностях стоянки представляли открытые лесостепные ландшафты. Реконструируются умеренно холодные климатические условия.

Каменный инвентарь стоянки насчитывает около 2000 предметов, из них 80 изделий с вторичной обработкой. Техника первичного расщепления характеризуется призматическими нуклеусами. Орудийный инвентарь стоянки состоит из двух различных технико-морфологических групп изделий — пластинчатой и бифасиальной. Пластинчатая группа представлена пластинами с краевой ретушью, остриями и резцами (рис. 1, 11, 13–15). Выразительную группу составляют массивные пластины с крутой «ориньякской» чешуйчатой ретушью. Резцы представлены боковыми с ретушированной площадкой и угловыми. Среди острий выделяются дву-

конечные на крупных массивных пластинах и острия с дугообразно ретушированным или затупленным краем. К бифасиальной группе относятся скребла и ножи, в том числе схожие с восточномикокскими формами этих орудий (рис. 1, 4–5, 8, 10). Характерной особенностью техники изготовления большинства бифасов является применение мустьерской плоско-выпуклой ретуши.

На стоянке найдены украшения — подвески с двумя просверленными отверстиями, изготовленные из стенки речной раковины *Unio* и бусины, изготовленные из члеников ископаемых криноидей (рис. 4). Основной особенностью каменного инвентаря памятника является сочетание в нем верхнепалеолитических и среднепалеолитических элементов. Среднепалеолитические формы (плоско-выпуклые бифасы) каменного инвентаря имеют аналогии в индустриях восточноевропейской ветви восточного микока. Вероятно, стоянка Заозерье входит в круг восточноевропейских индустрий ранних этапов верхнего палеолита, формировавшихся на основе локальных среднепалеолитических индустрий восточного микока.

К ранней поре верхнего палеолита (32–28 тыс. лет) на северо-востоке Европы относятся стоянки Гарчи I (верхний слой) и Бызовая.

Стоянка Гарчи I (верхний слой)

Памятник расположен на верхней Каме на 59°04' с. ш. и 56°07' в. д. (Павлов, Макаров, 1988). Возраст стоянки около 29 тыс. л. Культурный слой залегает *in situ* в покровных отложениях мыса IV террасы Камы и приурочен к верхней части погребенной почвы брянского возраста. Раскопки проведены на площади около 120 м². В ходе раскопок памятника исследованы два скопления культурных остатков, представляющих остатки наземных жилых сооружений. Коллекции каменного инвен-

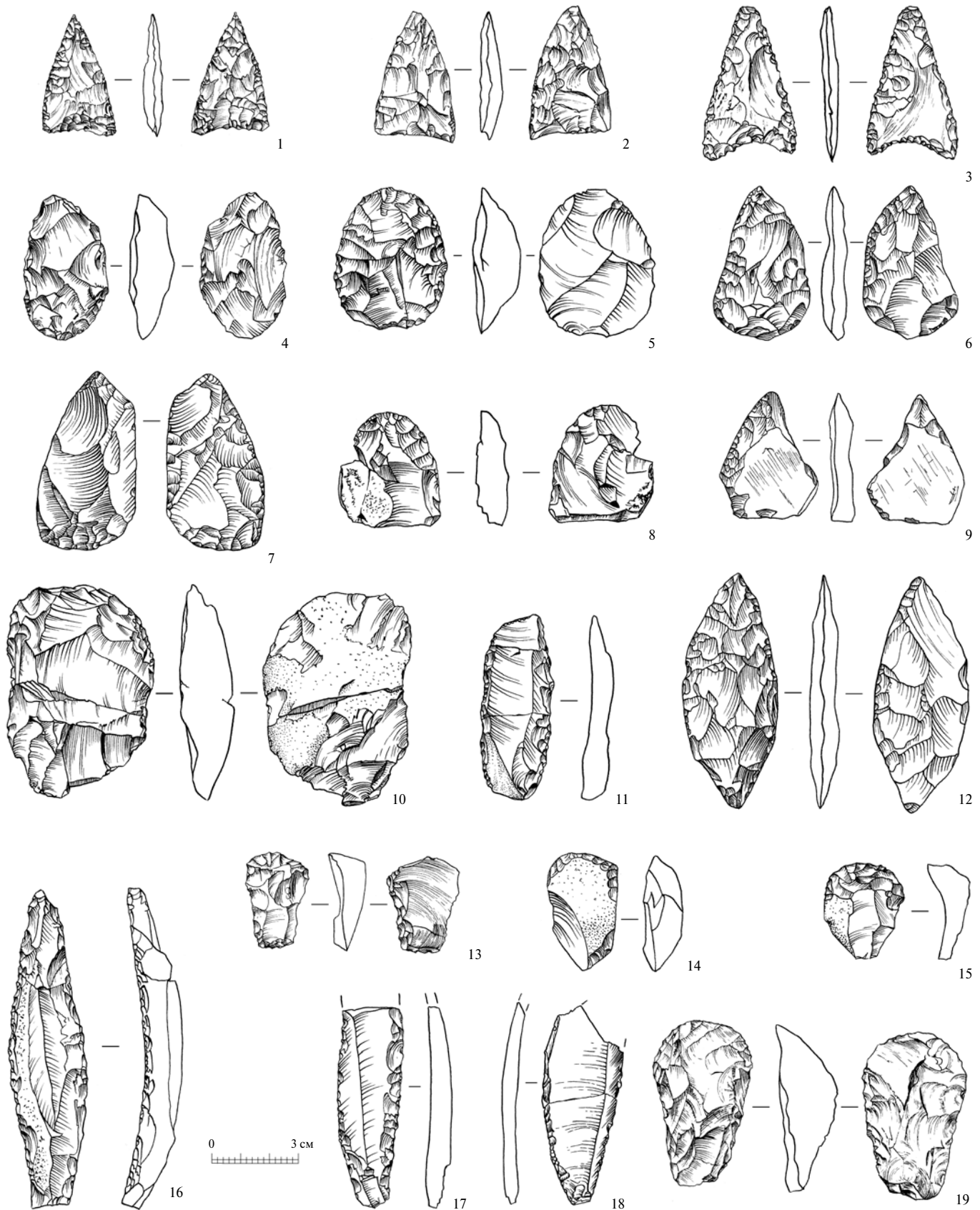
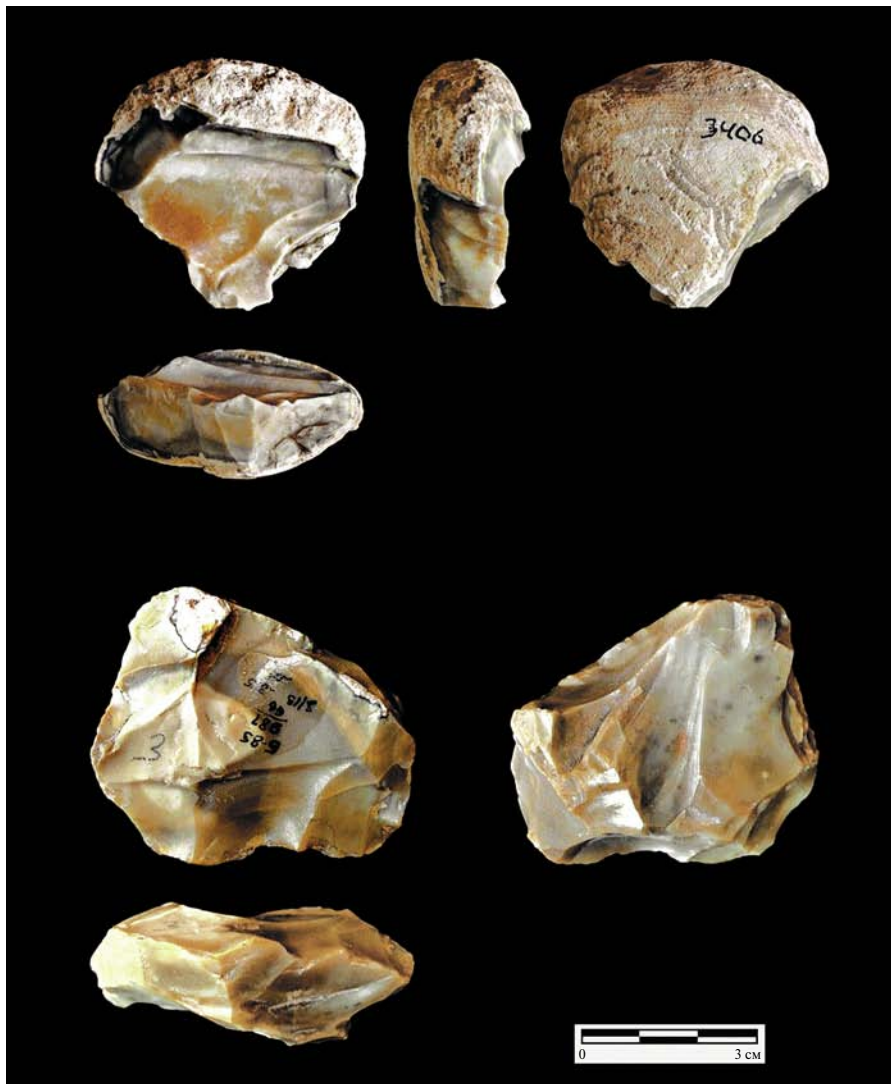

Рис.1. Каменный инвентарь стоянок ранней поры верхнего палеолита северо-востока Европы.

1–3, 13, 15, 19. Стоянка Гарчи I (верхний слой); 4, 5, 8, 10, 11, 16–18. Стоянка Заозерье; 6, 7, 9, 12, 14. Стоянка Бызовая.

1

2

Рис. 2. Стоянка Бызовая. Каменный инвентарь.
1. Нуклеусы; 2. Скребло типа Кина.

таря, происходящие из скоплений, идентичны и составляют единый комплекс.

Каменный инвентарь стоянки насчитывает около 6000 предметов, в том числе 120 орудий. Техника первичного расщепления характеризуется плоскими нуклеусами параллельного скалывания, единично представлены торцовые ядрища. Ведущая форма заготовки — отщеп; пластины в коллекции практически отсутствуют. Основная категория орудий — скребки. Среди них изделия высокой формы, кареноидные, подтреугольные с вентральной подтеской и округлые с ретушью по периметру заготовки (рис. 1, 16–18). Немного уступают им в численности двусторонне обработанные треугольные наконечники с вогнутым и прямым основанием (стрелецкого и сунгирского типов, рис. 1, 1–3). Скребла немногочисленны и изготовлены, как правило, на массивных удлиненных сколах. Найдены также острия, плитки кремня с двусторонней ретушью по одному из краев, поперечные и боковые резцы.

Орудийный набор памятника содержит все основные типы, характерные для стоянок костенковско-стрелецкой культуры (Аникович, 1991). Наиболее близкие аналогии прослеживаются в V слое стоянки Костенки I.

Судя по особенностям распространения культурного слоя и составу находок, памятник представляет неоднократно посещавшуюся охотничью стоянку с полным циклом изготовления каменных орудий, в основном, предметов охотничьего вооружения. Интересно отметить, что под обнажениями III террасы Камы в ближайших (до 300 м) окрестностях памятника найдено несколько небольших треугольных наконечников без сопутствующих находок. Не исключено, это утерянные во время охоты наконечники промыслового вооружения, вполне вероятно, стрел.

Стоянка Бызовая

Памятник расположен в среднем течении Печоры на 65°01' с. ш. и 57°25' в. д. (Канивец, 1976; Павлов, 1986). Возраст памятника — около 28 тыс. л. — установлен по серии (24) радиоуглеродных дат. Культурный слой памятника залегает в галечнике делювиально-солифлюкционного генезиса и перекрыт мощной (до 9 м) пачкой песков и супесей, которые имеют оловое происхождение. Памятник имеет довольно значительную площадь. Протяженность слоя с культурными остатками вдоль берега Печоры составляет 180 м с незначительными перерывами. В глубину террасы культурный слой распространяется на 20–30 м. Раскопано около 500 м² культурного слоя памятника.

Культурные остатки на стоянке представлены большим скоплением костей мамонта и сравнительно небольшим количеством каменных изделий, всего около 300 экз.

Технико-типологические параметры каменного инвентаря стоянки Бызовая демонстрируют сочетание верхнепалеолитических (призматические нуклеусы, концевые скребки (в том числе карене), *pieces esquilles*, тонкие листовидные бифасы) и мустьерских черт (восточномикокские формы ножей, разнообразные скребла), *рис. 1, 6–7, 12; 2, 1–4*. По основным характеристикам каменного инвентаря памятник имеет определенное сходство со стоянкой Заозерье.

Стоянка Бызовая имеет ряд особенностей в составе коллекций каменного инвентаря и фауны, а также в топографическом положении, которые позволяют ставить вопрос о специфическом типе памятника. Прежде всего, обращает на себя внимание значительное количество изделий с вторичной обработкой в коллекции стоянки Бызовая — 45% от всего инвентаря. Такое соотношение более всего соответствует показателям временных охотничьих лагерей. В то же время, в орудийном наборе стоянки

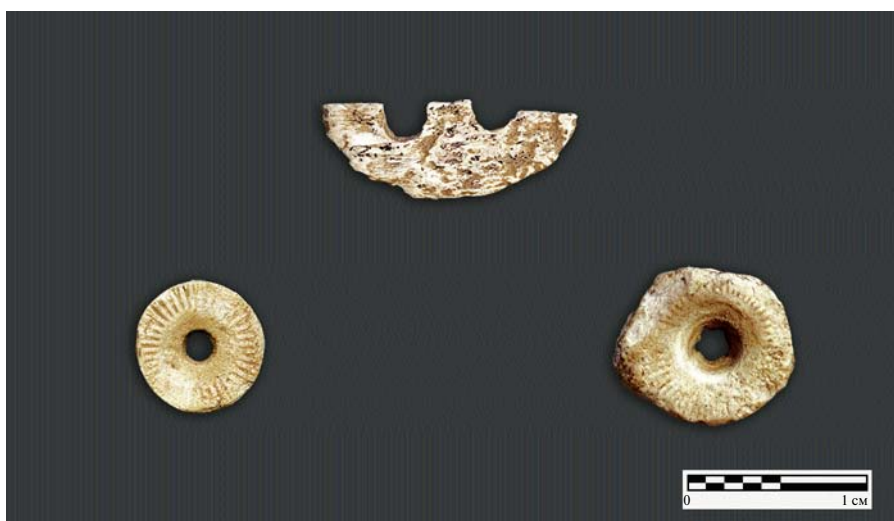
Рис. 3. Стоянка Бызовая. Каменный инвентарь.
1. Нож; 2. Скребло.

1

2

3

Рис. 4. Стоянка Заозерье. Украшения.
1, 2. Подвески из раковины *Urio*; 3. Костяная подвеска(?)
и бусы из ископаемых криноидей.

практически отсутствуют предметы охотничьего вооружения и преобладают орудия, предназначенные для утилизации туш животных — скребки, ножи, скребла, отщепы с ретушью и следами использования.

Также не характерен для временных охотничьих лагерей состав фауны памятника: более 4000 преимущественно целых костей животных. Среди них абсолютно доминируют кости одного вида — мамонта (97,6% от определенных костей).

Обращает на себя внимание и топографическое положение стоянки. Она расположена на крутой излучине Печоры в устьевой части лога, расположенного на ее вершине, т. е. в топографических условиях, весьма характерных для природных ловушек, где формировались естественные «кладбища» крупных млекопитающих, в том числе и мамонтов.

По нашему мнению, комплекс данных, полученных при исследовании стоянки Бызовая, позволяет с большой долей уверенности говорить о том, что она представляет редкий для ранней поры верхнего палеолита тип памятника — многократно(?) посещавшуюся стоянку на природном кладбище мамонтов.

Таким образом, определяющей чертой каменного инвентаря памятников начала верхнего палеолита северо-востока Европы является сочетание в гомогенных индустриях двух технико-морфологических групп изделий — верхнепалеолитической и мустьерской. Верхнепалеолитические формы включают орудия, изготовленные на призматических пластинах — скребки, резцы, острия, а также тонкие листовидные и подтреугольные бифасы. Мустьерские формы представлены во всех случаях плоско-выпуклыми бифасиальными скреблами и ножами, близкими типам *Kielmesser* и имеют прямые аналогии в среднепалеолитических комплексах восточного микрока юга Русской равнины, Северного Кавказа и Крыма. Эти выразительные аналогии позволяют предположить генетическую связь среднепалеолитических

индустрий восточного миксита и комплексов начальной и ранней поры верхнего палеолита северо-востока Русской равнины.

Первобытный человек на Севере

Сейчас можно считать окончательно установленным тот факт, что северо-восточная окраина Русской равнины и западные предгорья Среднего и Северного Урала являются одними из немногих регионов Восточной Европы, в которых найдены памятники ранней поры верхнего палеолита. Памятники ранней поры верхнего палеолита региона относятся к одним из древнейших стоянок этого периода в Восточной Европе и имеют возраст в интервале 38–28 тыс. л. Указанные хронологические рамки полностью соответствуют датировкам начальных этапов верхнего палеолита более южных регионов Евразии. Это свидетельствует о том, что человек современного типа практически одновременно смог освоить все климатические зоны материка, включая и арктическую. Все памятники располагаются полосой вдоль западного склона Уральских гор и приурочены к долинам крупных рек.

По нашему мнению, ранее проникновение человека в субарктические и арктические широты Европы, наряду с социокультурным и демографическим факторами в значительной степени было обусловлено также и природно-географическим условиями холмисто-увалистой полосы западного склона Уральских гор. Здесь, на сравнительно небольшой территории, сочетаются обширные равнины, холмистые предгорья и невысокие горы, пересеченные долинами крупных рек. Такая мозаичность ландшафтов создавала особо привлекательные условия для разнообразных видов травоядных животных так называемой «мамонтовой степи» и, следовательно, для первобытных охотников. Особо следует подчеркнуть, что в нестабильных климатических условиях характерных для среднего валдая, разнообразие биотопов должно было обеспечить сохранение относительно благоприятных условий, по крайней мере, на части этой территории в периоды климатических колебаний.

Данные изучения палеолитических стоянок начальных этапов верхнего палеолита свидетельствуют, что северо-восток Европы в верхнем палеолите заселялся теми первобытными коллективами, система жизне-

обеспечения которых была основана на неспециализированной охоте на крупных стадных копытных и характеризовалась высокой мобильностью населения. Эта особенность образа жизни древних мигрантов являлась решающим фактором процесса первоначального заселения северо-востока Европы, в том числе и заполярных районов европейского континента. Отражением специфического приема адаптации древнего населения к природно-климатическим условиям севера региона является наличие в бассейне Печоры особого типа палеолитических стоянок на природных захоронениях остатков крупных млекопитающих — «кладбищах мамонтов», не известных за пределами субарктической зоны Евразии.

Открытие памятников перехода от среднего палеолита к верхнему и ранней поры верхнего палеолита на северо-восточной окраине Русской равнины и западном склоне Уральских гор является одним из важнейших открытий последнего десятилетия в археологии Евразии. Исследования этих памятников, значительно изменивших научные представления о географии размещения и культурных особенностях памятников этого периода на Европейском континенте, продолжаются.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аникович М. В., 1991. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы. Автореф. дисс. ... доктора ист. наук. Спб.
- Аникович М. В., Рогачев А. Н., 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. Т. I. Палеолит СССР. М.
- Канивец В. И., 1976. Палеолит крайнего северо-востока Европы. М.
- Павлов П. Ю., 1986. Раскопки Бызовской палеолитической стоянки в 1983–1985 гг. // Памятники материальной культуры на Европейском северо-востоке (МАЕСВ. Вып. 10). Сыктывкар.
- Павлов П. Ю., Макаров Э. Ю., 1998. Гарчи I — памятник костенковско-стрелецкой культуры на северо-востоке Европы // Северное Приуралье в эпоху камня и металла (МАЕСВ. Вып. 15). Сыктывкар.
- Павлов П. Ю., 2004. Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье). Научные доклады. Коми научный центр УрО Российской академии наук. Вып. 467, Сыктывкар.
- Pavlov P., Svendsen J.-I. & Indrelid S., 2001. Human Presence in the European Arctic nearly 40,000 years ago. *Nature* 413, p. 64–67.
- Svendsen J.-I. & Pavlov P., 2003. Mamontova Kurya: an enigmatic nearly 40 000 years old Palaeolithic site in the Russian Arctic. — In: Zilhão, J. and d'Errico, F. (eds.) *The Chronology of the Aurignacian and the Transitional Technocomplexes: Dating, Stratigraphies, Cultural Implications*. *Trabalhos de Archaeologia*. Lisboa.

Новые открытия в Костенках и проблема становления верхнего палеолита в Восточной Европе

Открытие многослойных стоянок в Костенках (Воронежская обл., Хохольский р-н) (рис. 1) в послевоенные годы положило начало новому этапу исследования палеолита не только бассейна Дона, но и Восточной Европы в целом. Важнейшим ее результатом стала замена стадийной концепции представления верхнего палеолита концепцией локальных археологических культур и создание собственной периодизации палеолита, отличной от периодизации Западной и Центральной Европы.

I. Общая ситуация. На основании раскопок многослойных Костенковских памятников в 50–60-е годы, их культурные слои были разделены на три хронологические группы, связанные с отложениями покровных суглинков и двух гумусовых толщ, разделенных прослоем вулканического пепла (Рогачев, 1957; Величко, Рогачев, 1969). На основании серии радиоуглеродных дат, полученных в 70–90-е годы были определены их хронологические рамки в пределах: 20–27; 28–32 и 33–36 тыс. л. н. соответственно (Сеницын и др., 1997; Praslov, Soulerjytsky, 1997; Паслов, Сулержицкий, 1999).

Структура поздней хронологической группы определялась сосуще-

ствованием различных вариантов граветта и культур неопределенной видовой атрибуции; средней — сочетанием памятников городцовой и стрелецкой археологической культур, граветта типа II культурного слоя Тельманской стоянки (Костенки 8) и ориньяка III культурного слоя Костенок 1; ранней, наименее изученной, сосуществованием стрелецкой и спицынской культур при наличии иных вариантов, для выделения которых в отдельные культурные единицы, материала было недостаточно (Паслов, Рогачев, 1982; Рогачев, Аникович, 1984).

II. Состояние проблемы. Значение памятников древней хронологической группы определяется тем, что с памятниками этого этапа связаны кардинальные изменения структуры палеолитического мира — переход от среднего к верхнему палеолиту, сопровождающийся сменой населения. На смену человеку неандертальского типа приходят люди современного физического облика (*Homo sapiens sapiens*). Считается, что физическая эволюция вида на этом заканчивается и дальнейшее развитие человечества определяется исключительно культурной эволюцией. В Европе эта смена происходила резко, в пределах 45–35 тыс. лет назад, значительно

более быстро, чем это допускается современными представлениями о темпах биологической эволюции, и связывается с распространением нового населения, носителей ориньякской культурной традиции из Западного Средиземноморья или Центральной Азии (Bar-Yosef, 2000; Kozłowski, Otte, 2000; Otte, 2004; Otte, Derevianko, 2001).

Мозаичная структура среднепалеолитического мира, представленная вариантами мустьерского технокомплекса, кардинально меняется бинарной структурой раннего этапа верхнего палеолита, одним из компонентов которой является инородная для Европы ориньякская интрузия, вторым, серия автохтонных «переходных» культур.

Исключения из бинарной структуры раннего этапа верхнего палеолита стали появляться в последней трети прошлого века: Бокер Такит в Израиле, индустрия даббан и ряд иных комплексов Северной Африки, богуницкая индустрия в Моравии, индустрия сл. 11 пещеры Бачо-Киро в Болгарии. В конце века к ним добавились Буран-Кая (III сл.) в Крыму, Сокирница в Прикарпатье, Калисура и Казярника на Балканах, Мезмайская пещера на Северном Кавказе, Заозерье и Мамонтова Курья на Урале. Все эти комплексы очень различ-

ны и своеобразны: специфика материальной культуры каждого из них значительно доминирует над сходными показателями. Кроме «выпадения» из общей структуры раннего верхнего палеолита Европы и наиболее древних дат в своих регионах, их объединяет ряд моментов, скорее не содержательной, а логической природы:

— все они, по мнению авторов раскопок, не имеют местных корней, и все они не имеют продолжения в последующее время;

— многие из них содержат элементы, характерные или получившие развитие в более поздние эпохи каменного века, с разрывом в несколько ступеней археологической периодизации.

Ни господствующая «аккультурационная» гипотеза, основанная на аккультурации европейских неандертальцев пришлым ориньякским населением (Mellars, 1989), ни ее недавние альтернативы (Zilhão, d'Errico, 2000), оказались не в состоянии дать приемлемое объяснение сложившейся ситуации, и эти памятники оставались за пределами обеих объяснительных моделей.

До определенных пределов они могли рассматриваться как исключения, наличие которых допускается любыми концепциями. При выходе за эти пределы, концепции требуют изменений, а исключения должны быть включены в систему новых правил не как исключения, а как их составная часть.

III. Костенки 14 (Маркина гора), 1998–2004. То, что двучленное представление ранней хронологической группы Костенок требует уточнения, было ясно уже при создании схемы, поскольку из 8 относимых к ней памятников половина могла считаться, в лучшем случае, разведанными. Изменения в ее составе предполагались, но могли быть связаны только с увеличением объема фактического материала и новыми раскопками. Основную сложность их проведения составляла большая (до 7 м) глубина за-

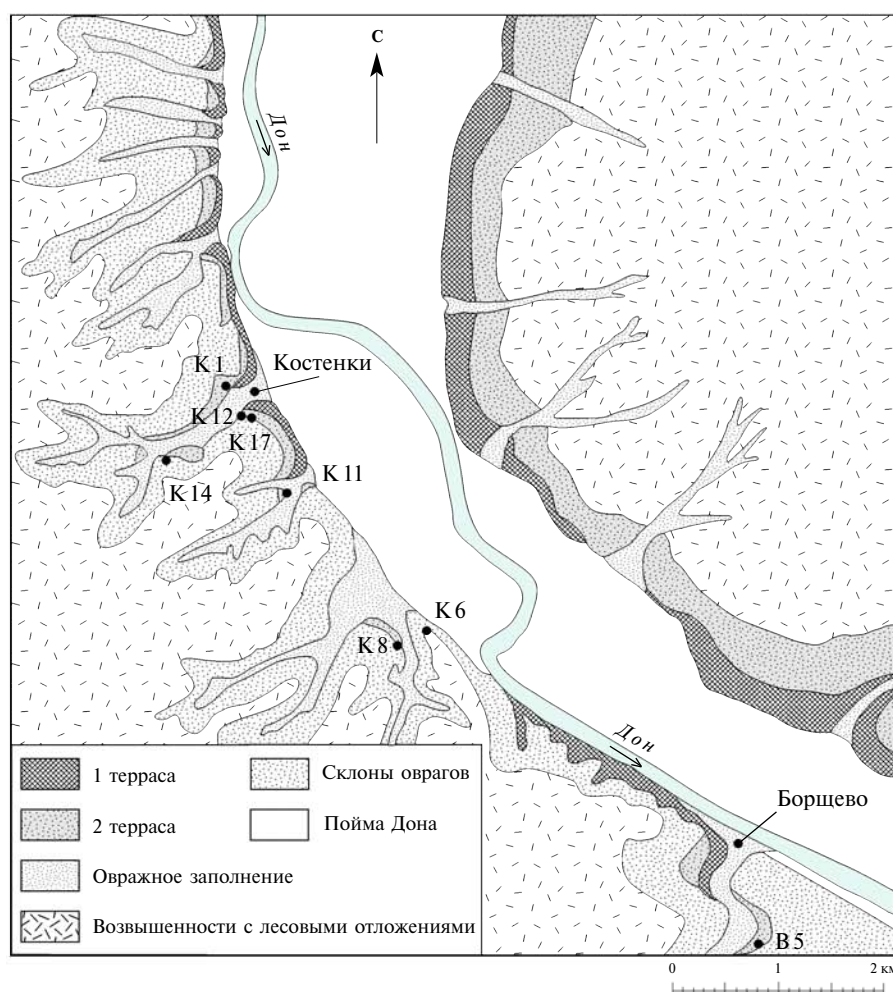

Рис. 1. Расположение древнейшей группы верхнепалеолитических стоянок около сел Костенки и Борщево.

легания древнейших культурных слоев и наличие культурных слоев над ними, исследование каждого из которых связано с решением своих собственных проблем и требует времени.

Необходимость изменения сложившихся представлений о составе древней хронологической группы Костенковской стала очевидной сразу при возобновлении раскопок на восточном участке ст. Костенки 14 (Маркина гора) в 1998 г., основную задачу которых составляло исследование нижних культурных слоев памятника на наиболее перспективном для этого участке. Вместо одного слоя, зафиксированного в 1953 г. в отложениях нижней гумусовой толщи, работами 1998–99 гг. было установлено наличие под пеплом четырех горизонтов находок.

Кроме того, в 2000 г. новый культурный слой был обнаружен в отложениях вулканического пепла.

К обычным проблемам раскопок любой многослойной стоянки здесь прибавилась проблема обозначения культурных слоев. По результатам раскопок А. Н. Рогачева 1953–54 гг. сложилась и была введена в научный оборот традиционная порядковая номенклатура. Проблема состояла в том, что все слои имели локальное распространение и ни на одном разрезе полная их последовательность зафиксирована не была. На всей площади памятника было установлено распространение только I культурного слоя, связанного с одним из горизонтов почвообразования в толще покровных суглинков. Присутствие II культурного слоя было зафиксирова-

но только в центральной, наиболее возвышенной части мыса, на ограниченном участке, в отложениях верхнего гумуса. III культурный слой, наоборот, был представлен только на восточном и западном склоне. Единственным индексом IV был обозначен переотложенный слой в делювиальном суглинке непосредственно под II культурным слоем в центральной части мыса и слой, залегающий *in situ* в гумусированных отложениях под пеплом на западном и восточном склонах. В последнем случае, вдобавок, культурные отложения были представлены двумя горизонтами, обозначенными как IVa и IVб. Тогда же, в отношении нижних культурных слоев было высказано предположение об их принадлежности разным поселениям (Рогачев, 1957).

В условиях открытия новых культурных слоев между уже известными, для их обозначения, единственно возможным оказалось введение, наряду со сложившимся порядковым обозначением (I, II, III, IV, IVa, IVб), описательной номенклатуры: «слой в пепле» (между III и IVa культурными слоями), «горизонт костей мамонта», «горизонт в почве» (между IVa и IVб), «горизонт очагов» (как сохранившаяся *in situ* часть культурного слоя IVб).

III. 1. Реперные горизонты. Два момента имеют принципиальное значение для понимания стратиграфии Костенок 14, а именно, наличие хронологических реперов: прослойки вулканического пепла и палеомагнитного экскурса в одной из погребенных почв под ним. Оба они соответствуют кратковременным событиям, моментальному в первом случае и относительно кратковременному во втором и являются наиболее надежными основаниями корреляции, как явления континентального значения в первом случае и планетарного во втором. Оба исследуются в течение продолжительного времени и имеют достаточно надежные датировки.

Наличие вулканического пепла в Костенках связано с уникальным

природным явлением — выпадением огромной массы вулканического стекла — тефры — на территории, далеко отстоящей от зон вулканической активности. Его значение для археологии состоит в том, что он является следствием единоразового, практически моментального события, которое является уникальным основанием корреляции геологических и культурных отложений тех разрезов, где этот пепел фиксируется. На основе аналитических исследований, проведенных в начале 80-х годов, происхождение Костенковского пепла было связано с одним из катастрофических извержений вулканической системы Флегрейских полей в Южной Италии (Мелекесцев и др., 1984). В донных отложениях Адриатического моря этому извержению соответствует горизонт Y5 (*Campanian Ignimbrite*), возраст которого определяется рамками 38–41 тыс. л. н. (Ton-That et al., 2001; Fedele et al., 2003).

Значение горизонта вулканического пепла в Костенках было оценено сразу после его определения как такового в начале 50-х годов прошлого века. Он был признан маркирующим горизонтом, разделяющим отложения верхней и нижней гумусовой толщи, и, соответственно, культурные слои первой (древней) и второй (средней) хронологических групп Костенковской периодизационной модели.

Значение второго стратиграфического репера — палеомагнитного экскурса Лашамп-Каргополово — определяется планетарными масштабами этого явления и достаточно твердо установленным возрастом в пределах 40–42 тыс. л. н.

III. 2. Нижний культурный слой (IVб — горизонт очагов). Особенность исследований 1998–2004 гг. состояла в том, что раскопом был вскрыт специфический участок древнего рельефа, связанный с функционированием и последующим заполнением русла небольшого водного потока или овражка. Основным достоинством подобного рода участков является то,

что накопление отложений внутри них в значительно меньшей мере, чем на обычных склонах, подвержено разрушению. Стратиграфические горизонты, представленные на склонах тонкими прослоями, в естественных западинах имеют значительно большую мощность. Часто в их заполнении сохраняются отложения, на склонах полностью уничтоженные.

Наиболее древний период обитания человека на Маркиной горе был связан с поселением, расположенным на двух берегах ручья или овражка. Культурный слой представлял собой сложную структуру культурных напластований, связанных с разными типами литологических отложений, отражающих этапы функционирования и последовательного разрушения стоянки. *In situ* слой сохранился только на одном берегу в виде четко локализованных линз кирпично-красного обожженного суглинки, связанных с горением («горизонт очагов»). На противоположном берегу культурные остатки были связаны с блоками разрушенного борта овражка (IVб/1), залегавшими ступенчато с общим уклоном в сторону его русла. Наибольшая часть находок была приурочена к естественным западинам дна ручья, заполненным меловой щебенкой (IVб/2). Значительно меньше их было в слоистых отложениях, заполнивших русло после окончания функционирования потока (IVб). Это обозначение сложилось в ходе исследования памятника как результат фиксации материала по литологическим горизонтам, и, согласно сложившимся представлениям, отражает реальную последовательность процесса формирования культурных отложений в ходе разрушения и перемещения культурных остатков одного культурного слоя.

Археологический материал всех четырех подразделов нижнего культурного слоя идентичен до деталей, хотя наиболее бедным находками является сохранившийся в первоначальном залегании «горизонт очагов». Косвенным подтверждением принци-

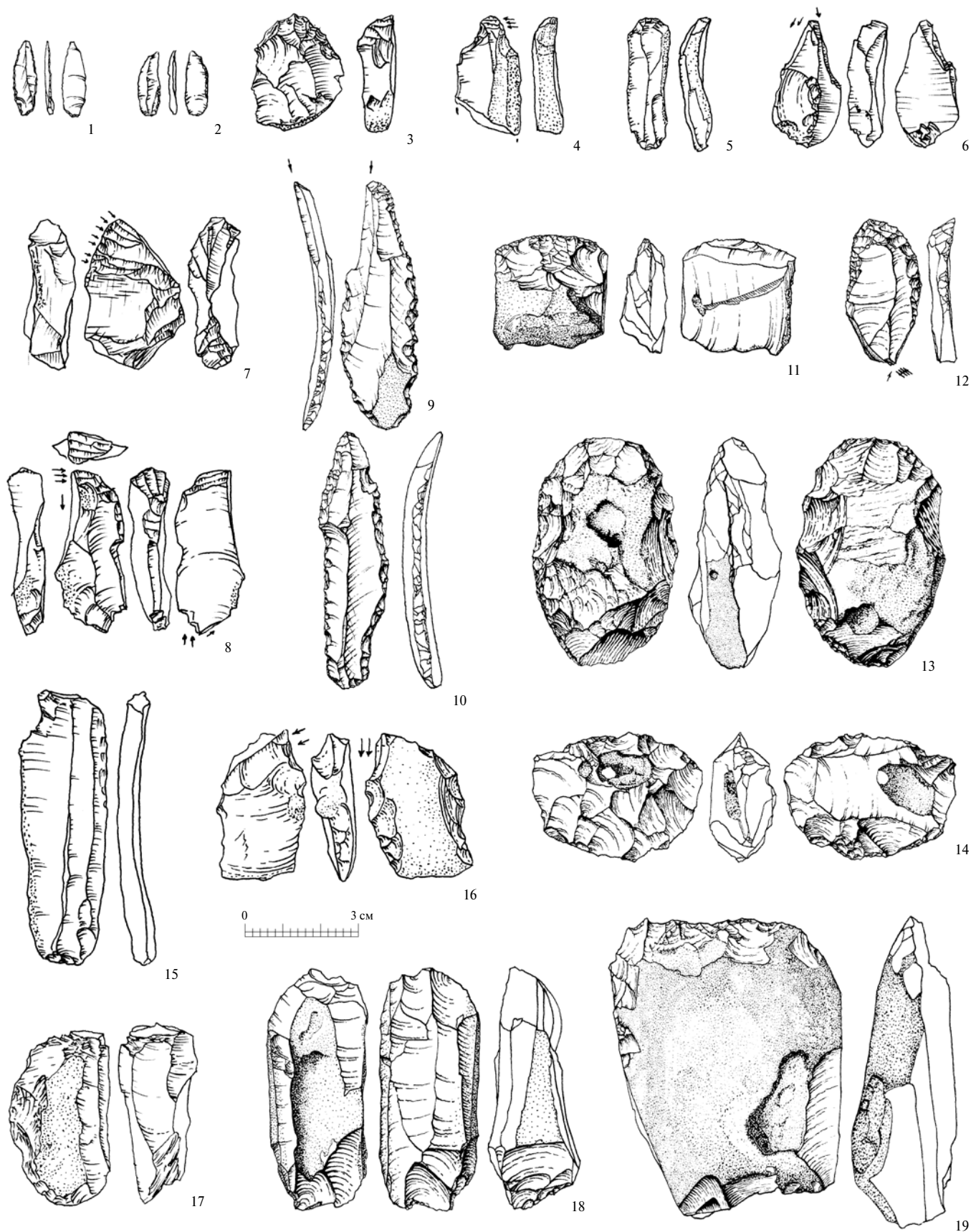

Рис. 2. Костенки 14 (Маркина гора). Кремневый инвентарь нижнего культурного слоя (IVб – «горизонт очагов»).

Рис. 3. Костенки 14 (Маркина гора). Нижний культурный слой (IVб – «горизонт очагов»). Костяной инвентарь.

пильной их одновременности и принадлежности остаткам одного поселения является серия радиоуглеродных дат (Синицын, 2002; Haesaerts et al., 2004).

Получение серии IRSL дат для нижнего слоя ($34,3 \pm 2,9$ и $44,9 \pm 3,9$ тыс. л. н. для «горизонта очагов» и $46,6 \pm 3,9$ тыс. л. н. для IVб слоя), в сочетании с данными палинологии, стратиграфии и палеомагнитного анализа, явилось основанием для формирования «длинной» хронологической шкалы памятника. Отсутствие в значительной и компактной серии радиоуглеродных дат определений старше 36–37 тыс. л. н. — для формирования «короткой» шкалы. По мере накопления дополнительных данных проблема соотношения двух хронологических шкал стала одной из основных в исследовании.

Кремневый инвентарь слоя характеризуется пластинчатой и микропластинчатой техникой первичного расщепления (рис. 2, 1–2, 9–10, 15) с использованием нуклеусов призматического (рис. 2, 17–18), плоского, торцового и радиального снятия. Типологический состав определяется наличием широко распространенных разновидностей скребков (рис. 2, 3, 5, 12), резцов (рис. 2, 6, 9) и долотовидных орудий (рис. 2, 11) в сочетании с двусторонне обработанными изделиями овальной и подтреугольной формы (рис. 2, 13, 14) и рубящими орудиями на отщепках (рис. 2, 19). Единичными предметами представлены ориньякские формы резцов: типа Вашон (рис. 2, 7) и бюске (рис. 2, 4, 8). Коллекция оригинальна; прямых аналогий среди Костенковских памятников не имеет.

Ее специфика подчеркивается своеобразным костяным инвентарем, включающим «мотыжки» оригинального облика из кости, рога и бивня мамонта (рис. 3, 3), ложила (рис. 3, 1), остря (рис. 3, 2), бивни мамонта с признаками расщепления и обработки, орнаментированный стержень из бивня мамонта (рис. 3, 4), ребро с искусственно прорезанным продольным пазом.

К находкам исключительного значения относится голова антропоморфной статуэтки из бивня мамонта (рис. 4), сломанная в процессе изготовления, подвеска из метаподия песка(?) с биконическим отверстием (рис. 5, 2) и подвеска (бусина) с двумя искусственными отверстиями из раковины *Columbellidae* (рис. 5, 1). Современная экология этого моллюска класса тропических гастропод

Рис. 4. Костенки 14 (Маркина гора). Нижний культурный слой (IVб – «горизонт очагов»).
Голова антропоморфного скульптурного изображения, бивень мамонта.

связывается с бассейном Средиземного моря, что является важным свидетельством направления культурных связей и, возможно, происхождения населения, использовавшего эти раковины в качестве нательных украшений. Об антропологическом типе населения свидетельствует коронка зуба 10-летнего ребенка современного физического облика (*Homo sapiens sapiens*).

Археологический материал слоя, как кремневый, так и костяной, составляют своеобразную и специфическую коллекцию, не имеющую аналогий в палеолите Восточной Европы. Необычный типологический набор кремневой индустрии в сочетании с необычным костяным инвентарем позволяют говорить о возможности выделения ранее неизвестной культурной традиции вдобавок на самом раннем этапе верхнего палеолита (Синицын, 2000; 2002; Sinitsyn, 2003б; 2004).

III. 3. Три горизонта заполнения овражка. Следующие этапы функционирования памятника связаны с

более чем 3-метровой толщиной слоистых отложений, составляющих заполнение русловой выемки.

На одном из этапов этого процесса внутри этой толщи было зафиксировано событие, во многом неординарное: в 2002 г. здесь была расчищена верхняя часть скелета мамонта с нарушенными анатомическими связями, но представленная полным набором костей, включая череп и нижнюю челюсть. Отсутствие на уровне костей культурных остатков и каких-либо иных следов деятельности человека свидетельствует о том, что мамонт погиб естественной смертью в условиях сильно увлажненного и, возможно, заболоченного участка. Слой не является культурным, но как палеонтологический объект представляет определенный момент существования памятника.

Следующий этап процесса заполнения овражного русла и нивелировки поверхности связан с процессами формирования серии погребенных почв, скорее всего, кратковременными. В отложениях нижней из них было встречено несколько

разрозненных осколков костей и расщепленных кремней, в том числе имеющих вторичную обработку. Значение этого горизонта находок состоит в том, что в нижней части почвы, с которой связано их залегание, было зафиксировано наличие палеомагнитной флуктуации, сопоставимой с экскурсом Лашамп-Каргополово (Герник, Гуськова, 2002). Расхождение радиоуглеродных дат (34 тыс.) и общепринятых определений возраста этого события (40–42 тыс.) пропорционально аналогичным расхождениям нижнего культурного слоя.

С окончанием цикла заполнения овражной выемки связано формирование еще одной погребенной почвы и приуроченных к ней отложений культурного слоя IVа, выделенного А. Н. Рогачевым в 1953 г. как горизонт находок, на участке, где он был отделен от горизонта IVб стерильным прослоем мощностью не более 15 см.

Слой представлен мощным скоплением костей лошади, по предварительным подсчетам, принадлежавшим не менее 50 особям. Состав, наличие анатомических групп, а также

Рис. 5. Костенки 14 (Маркина гора). Нижний культурный слой (IVб – «горизонт очагов»). 1. Подвеска из раковины *Columbellidae* (слева); 2. Подвеска из метаподия песка(?).

необычно малая коллекция сопровождающего кремневого инвентаря свидетельствует в пользу интерпретации скопления как места забоя стада лошадей в результате единоразовой загонной охоты. Наличие пятен очажной массы, местами выраженной упорядоченности в распределении костного материала, являются свидетельством деятельности, связанной с первичной разделкой туш убитых животных.

Значение этого слоя определяется тем, что он представляет собой достаточно редкий тип археологических памятников, наиболее ярким примером которого является Амвросиевское костыще охотников на бизонов и знаменитая скала Солютре, также связанные с местом проведения загонной охоты.

III. 4. Культурный слой в вулканическом пепле. Полная нивелировка поверхности овражного русла с общей поверхностью склона фиксируется на уровне горизонта вулканического пепла, к отложениям которого были приурочены остатки культурного слоя с ярко выраженным инвентарем ориньякского облика.

Слой имел узко локальное распространение и предельно четкие границы. Его наличие было зафиксировано в 2000 г. На вскрытой в 1998–99 гг. площади более 50 кв. м с горизонтом пепла была связана единственная находка камня зеленоватой породы без признаков воздействия человека.

После сезона 2000 г., когда была исследована узкая полоса культурного слоя шириной 1 м, казалось, что культурный слой был перекрыт пеплом. Это явилось основанием предполагать, что функционирование поселения было прервано катастрофическим природным событием, по масштабу сопоставимым с аналогичным катаклизмом, приведшим к гибели римских городов Помпеи, Геркуланума и Стабии в 79 г. (Sinityn, 2003a). В дальнейшем оказалось, что характер соотношения пепла и культурных остатков имеет более сложный характер, и на отдельных участках культурные отложения залежали на прослое пепла, и стоянка продолжала существование после катастрофы.

Места обитания человека, подвергшиеся воздействию катастро-

фических событий, имеют для археологии особое значение. Поселения, уничтоженные естественными или военными пожарами, перекрытые селевыми потоками, или отложениями паводков, как правило, дают более богатый археологический материал, чем поселения, оставленные людьми в спокойной обстановке.

Именно такая ситуация имела место при раскопках культурного слоя, связанного с горизонтом вулканического пепла на Маркиной горе. Кроме обычного в таких случаях состава находок — кремневых орудий, отходов производства, костяных изделий, кухонных отходов — здесь была найдена разнообразная серия украшений, как правило, редко встречающихся среди обычных следов жизнедеятельности поселения. Вдобавок, представлены они четырьмя разновидностями: пронизками из трубчатых костей песка (рис. 6, 2); раковинами с искусственно пробитым отверстием (рис. 6, 3); единичной подвеской из клыка песка (рис. 6, 1); уникальной подвеской из иглы морского ежа (рис. 6, 1). Только небольшая часть из них сломана, то есть к использованию не пригодна. Остальные, несмотря на наличие обычных заломов на концах, к использованию вполне пригодны. Характерная заполировка краев и поверхности от постоянного трения со шнурком, телом и одеждой свидетельствует о достаточно длительном употреблении большинства из них.

Костяные подвески украшены глубокими круговыми, редко спиральными, нарезками. Второй тип украшений представлен подвесками из раковин *Theodoxus fluviatilis* семейства *Neritidae*, среда обитания которых охватывает как пресноводные, так и морские водоемы. Эти моллюски широко представлены в современном биогеоценозе Дона. Из почти 50 раковин с одним или двумя отверстиями, более 30 принадлежали одному ожерелью и залежали плотным скоплением на площади не более 5 кв. см.

Рис. 6. Костенки 14 (Маркина гора). Культурный слой в вулканическом пепле. Украшения.
1. Подвеска из клыка песца и подвеска из иглы морского ежа; 2. Пронизки из диафизов костей песца;
3. Подвески из раковин Neritidae.

Рис. 7. Костенки 14 (Маркина гора). Кремневый инвентарь культурного слоя в вулканическом пепле.

Рис. 8. Костенки 14 (Маркина гора). Разрез южной стенки раскопа.

Кремневый инвентарь слоя достаточно выразителен. Первичное расщепление представлено нуклеусами призматического одностороннего параллельного скалывания (рис. 7, 22). Все орудия изготовлены на пластинах. Типологический облик коллекции определяется разнообразием скребков, в том числе веерообразных с заостренным основанием, стрелчатых и скребков высоких форм (рис. 7, 10, 11, 13–15, 17, 24), многофасеточных резцов (рис. 7, 18, 21), долотовидных орудий (рис. 7, 19–20, 23). Наиболее многочисленной серией являются пластинки Дюфур (рис. 7, 1–9). Специфические признаки их морфологии: асимметричность формы, «скрученный» профиль, и наличие выразительной серии с выраженной противоположной ретушью не позволяют сомневаться в их типологической атрибуции. Эта техника хорошо представлена широ-

ким кругом ориньякских индустрий раннего верхнего палеолита Западной, Центральной и Восточной Европы.

Проблема возраста культурного слоя в пепле характеризуется той же степенью неопределенности, что и для нижнего слоя, и для слоя в почве с магнитным экскурсом. Если принять наиболее распространенное мнение о возрасте горизонта Y5 в 38–40 тыс. лет, то его расхождение с радиоуглеродным определением возраста составит не менее 6 тыс. лет. В отличие от нижележащих слоев, в качестве аргумента в пользу «короткой» хронологии, здесь может быть использован археологический материал, который находит широкий круг аналогий на уровне 32 тыс. лет н., но не имеет их на уровне 38 тыс. л.

Проблема несоответствия радиоуглеродной хронологии календарному времени существует и в более

поздних подразделах палеолита, и в более поздних археологических эпохах. Везде ее решение связано с калибровкой радиоуглеродных дат. Для периода древнее 30 тыс. лет эта проблема стоит особенно остро, поскольку реальные основания для вычисления калибровочных кривых стали появляться только в последнее время (d'Errico, Sánchez Goñi, 2003; Jöris et al., 2003; Van Andel et al., 2003). Предполагалось, что «отставание» радиоуглеродной шкалы от астрономической составляет 3 тыс. л. (Van Andel, 1998). На основании результатов исследований последнего времени оказалось, что оно может достигать 6 тыс. лет (Shackleton et al., 2004), и данные по хронологии Костенковских стоянок соответствуют этим представлениям и могут служить аргументом в пользу их реальности.

IV. Новые материалы Костенок в контексте общей проблематики раннего верхнего палеолита Евразии. Раскопки 1998–2004 гг. на Маркиной горе привели к открытию нового пласта материалов раннего верхнего палеолита, во многом изменившего традиционные представления о хронологии, составе и структуре этого одного их важнейших периодов доистории. Благодаря этому:

1. Впервые в Костенках получена последовательная колонка культурной изменчивости в пределах древней хронологической группы;

2. На основании наличия хронологических реперов, таких как вулканический пепел и палеомагнитный экскурс, а также данных комплексных аналитических исследований, возникла проблема соотношения радиоуглеродной хронологии и хронологии, основанной на иных методах абсолютного и относительного датирования;

3. Материалы нижнего культурного слоя явились свидетельством существования новой, ранее неизвестной культурной традиции, относящейся к древнейшему этапу верхнего палеолита Восточной Европы.

Выделение новой, самостоятельной, культурной единицы, вдобавок самой древней, а также открытие культурного слоя в пепле, явилось основанием для пересмотра традиционных представлений о структуре раннего верхнего палеолита Костенок. Его верхний отдел, сопоставимый по структуре с этапом раннего верхнего палеолита Европы (Early Upper Palaeolithic — EUP), представленным кросс-континентальным

ориньяком и серией локальных «переходных» культур, в Костенках находит выражение в сосуществовании ориньякской индустрии «слоя в пепле» Маркиной горы и стрелецких индустрий Костенок 1 (V), Костенок 6, Костенок 11 (V), Костенок 12 (III). Стадиально более древний отдел, хронологическая позиция которого определяется залеганием под отложениями с палеомагнитным экскурсом, представлен оригинальными индустриями нижних культурных слоев Костенок 17 и 14. Специфика обеих является достаточным основанием для выделения их в отдельную структурную единицу начального верхнего палеолита, отличную от ориньякско-стрелецкой структуры последующего этапа. Аналогией ей в Европейском палеолите являются памятники, представляющие исключение из общей бинарной структуры раннего верхнего палеолита, увеличение числа которых уже не позволяет относиться к ним как к исключениям.

На основании технико-типологических характеристик, отличных как от ориньякских, так и от «переходных» комплексов, а также наиболее древних дат для верхнего палеолита своих регионов, они с полным основанием могут быть выделены не только в структурную, но и в периодизационную единицу, по крайней мере, Центрально- и Восточно-Европейского уровня.

В Европейской традиции для его обозначения чаще всего используется термин «начальный верхний палеолит» (Initial Upper Palaeolithic — IUP), не всегда однозначно и часто в отношении наиболее древних проявлений

«переходных» культур. Гораздо удачнее и ближе к содержанию этого, естественно, во многом непонятного явления представляется понятие «пласта», предложенное сначала для обозначения древнейшего верхнего палеолита Забайкалья (Макаровский пласт) (Аксенов и др., 1987), а в дальнейшем распространенное на более широкие территории (Кара-Бомский пласт) (Деревянко и др., 1998).

При том, что Сибирские материалы Кара-Бомского пласта по содержанию и по таксономии ближе к Европейским «переходным» индустриям, это, несомненно, однопорядковые и контактные понятия. Перспективы их дальнейшей дифференциации очевидны и реальны в ближайшем будущем. Также очевидно, что ни традиционная «аккультурационная» гипотеза, ни ее недавние альтернативы не в состоянии дать приемлемое объяснение моделируемой ситуации.

Главное значение новых открытий в Костенках определяются тем, что они значительно расширили и углубили проблематику раннего верхнего палеолита не только Восточной Европы, но и более широкой Евразийской ойкумены.

Возможность проведения раскопок 1998–2004 гг. целиком определяется поддержкой РГНФ (проекты: 98-01-18069, 99-01-18097, 00-01-18039, 01-01-18053, 02-01-18084, 03-01-18108, 04-01-18116) при дополнительной поддержке грантов NSF BCS-0132553 в 2002–03 гг. и Leakey Foundation в 2004 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аксенов М. П., Бердникова М. А., Медведев Г. И., Пержиков О. Н., Федоренко А. Б., 1987. Морфология и археологический возраст каменного инвентаря «макаровского палеолитического пласта» // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии. Иркутск.
Величко А. А., Рогачев А. Н., 1969. Позднепалеолитические поселения на Среднем Дону // Природа и развитие первобытного

общества на территории Европейской части СССР: К VIII Конгрессу INQUA, Париж, 1969. М.

Герник В. В., Гуськова Е. Г., 2002. Палеомагнитные характеристики отложений разреза ст. Костенки 14 (Маркина гора) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы — Костенки в контексте палеолита Евразии. Труды Костенковской экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1. СПб.

- Деревянко А. П., Петрин В. Т., Рыбин Е. П., Чевалков Л. М., 1998. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). Новосибирск. Мелекесцев И. В., Кирьянов В. Ю., Праслов Н. Д., 1984. Катастрофическое извержение в районе Флегрейских полей (Италия) — возможный источник вулканического пепла в позднплейстоценовых отложениях Европейской части СССР // Вулканология и сейсмология, 3. М.
- Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (ред.), 1982. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1979–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л.
- Праслов Н. Д., Сулержицкий Л. Д., 1999. Новые данные по хронологии палеолитических стоянок в Костенках на Дону // Доклады РАН, сер. Геология. Т. 365. № 2. М.
- Рогачев А. Н., 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА, 59.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В., 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. Т. I. Палеолит СССР. М.
- Сеницын А. А., Праслов Н. Д., Свеженцев Ю. С., Сулержицкий Л. Д., 1997. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб.
- Сеницын А. А., 2000. Нижние культурные слои Костенок 14 (Маркина гора) в контексте проблематики раннего верхнего палеолита // Время последних неандертальцев — Stratum plus, 1. Кишинев.
- Сеницын А. А., 2002. Нижние культурные слои Костенок 14 (Маркина гора) (раскопки 1998–2001 гг.) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы — Костенки в контексте палеолита Евразии. Труды Костенковской экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1. СПб.
- Bar-Yosef O., 2000. The Middle and the Upper Paleolithic in Southwest Asia and neighboring regions // The geography of Neanderthals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean. Peabody Museum Bull., 8. Harvard.
- Davies W., 2001. A very model of a Modern Human industry: new perspectives on the origins and spread of the Aurignacian in Europe // Proceedings of the Prehistoric Society, 67.
- D'Errico F., Sánchez Goñi M. F., 2003. Neandertal extinction and the millennial scale climatic variability of OIS 3 // Quaternary Science Review. Vol. 22.
- Fedele F. G., Giaccio B., Orsi R. I., Orsi G., 2003. The Campanian Ignimbrite Eruption, Heinrich Event 4, and Palaeolithic Change in Europe: a High-Resolution Investigation // Volcanism and Earth's Atmosphere. Geophysical Monograph, 139.
- Haesaerts P., Damblon F., Sinitsyn A., van der Plicht J., 2004. Kostenki 14 (Voronezh, Central Russia): new data on stratigraphy and radiocarbon chronology // Acts of the XIVth UISPP Congress (Liège, 2001). General Sessions and Posters. Section 6. The Upper Palaeolithic — British Archaeological Reports (BAR), International Series, 1240. Oxford.
- Jöris O., Álvarez Fernández E., Weninger B., 2003. Radiocarbon evidence of the Middle to Upper Palaeolithic transition in southwestern Europe // Trabajos de Prehistoria. Vol. 60. No. 2.
- Kozłowski J. K., 2000. The problem of cultural continuity between the Middle and the Upper Paleolithic in Central and Eastern Europe // The geography of Neanderthals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean. Peabody Museum Bull., 8. Harvard.
- Kozłowski J. K., Otte M., 2000. The formation of the Aurignacian in Europe // Journal of Anthropological Research. Vol. 56.
- Mellars P., 1989. Major issues in the emergence of modern humans // Current Anthropology. Vol. 30.
- Otte M., 2004. The Aurignacian in Asia // The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe. University of California Press. Berkeley, Los Angeles, London.
- Otte M., Derevianko A. 2001. The Aurignacian in Altai // Antiquity. Vol. 75. No. 287.
- Praslov N. D., Soulerjytsky L. D., 1997. De nouvelles données chronologiques pour le paléolithique de Kostenki-sur-Don // Préhistoire Européenne. Vol. 11. Liège.
- Shackleton N. J., Fairbanks R. G., Tzu-chien Chiu, Parrenin F., 2004. Absolute calibration of the Greenland time scale: implications for Antarctic time scale and for $\Delta^{14}\text{C}$ // Quaternary Science Review, 23.
- Sinitsyn A. A., 1999. Chronological problems of the Palaeolithic of Kostenki-Borschevo area: geological, palynological and ^{14}C perspectives // ^{14}C et Archeologie. 3ème Congrès International (Lyon, 6–10 avril 1998). Memoires de la Societe Prehistorique Francaise. T. XXVI et Supplement 1999 de la Revue d'Archeometrie. Lyon.
- Sinitsyn A. A., 2003a. A Palaeolithic 'Pompeii' at Kostenki, Russia // Antiquity. Vol. 77. No. 295.
- Sinitsyn A. A., 2003b. The most ancient sites of Kostenki in the context of the Initial Upper Paleolithic of northern Eurasia // The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications: Proceedings of Symposium 6.1 of the XIV Congress of the UISPP — Trabalhos de Arqueologia, 33. Lisboa.
- Sinitsyn A. A., 2004. Earliest Upper Palaeolithic layers at Kostenki 14 (Markina gora): preliminary results of the 1998–2001 excavations // Acts of the XIVth UISPP Congress (Liège, 2001). General Sessions and Posters. Section 6. The Upper Palaeolithic — British Archaeological Reports (BAR), International Series, 1240. Oxford.
- Ton-That T., Singer B., Paterne M., 2001. $^{40}\text{Ar}/^{39}\text{Ar}$ dating of latest Pleistocene (41 ka) marine tephra in the Mediterranean Sea: implications for global climate records // Earth and Planetary Science Letters, 184.
- Van Andel T. H., 1998. Middle and Upper Palaeolithic environments and the calibration of ^{14}C dates beyond 10,000 BP // Antiquity. Vol. 72.
- Van Andel T. H., Davies W., Weninger B., Jöris O., 2003. Archaeological dates as proxies for the spatial and temporal human presence in Europe: a discourse on the method // Neanderthals and modern humans in the European landscape during the last glaciation: archaeological results of the Stage 3 Project. Cambridge.
- Zilhão J., d'Errico F., 2000. La nouvelle «bataille aurignacienne». Une révision critique de la chronologie du Châtelperronien et de l'Aurignacien ancien // L'Anthropologie. Vol. 104. No. 1.

**О работах Валдайской экспедиции ИИМК РАН
по исследованию финальнопалеолитических стоянок
у истоков Волги в 1991–2004 гг.**

Исследованиями последних десяти лет на Валдае, у истоков Волги, были открыты и исследованы стоянки, связанные с первичным освоением человеком территории, освободившейся от ледникового щита 12–10 тыс. лет назад.

Период освобождения обширных пространств Северной Европы от ледникового покрова по данным всех естественнонаучных дисциплин характеризуется резким изменением природных условий.

В геологической литературе рассматриваются несколько факторов (солнечная активность, взаимодействие Земля – Космос, палеомагнитные изменения), послуживших причиной смены постепенного хода геологических процессов. В. А. Зубаков (1986, с. 264, 265) основную причину видит в росте солнечной активности 16–14 тыс. лет назад, которая «...привела к сокращению площади морских льдов и к таянию наземных ледниковых щитов. Происходит катастрофически быстрый выброс в океан огромных объемов льда, повышающих уровень мирового океана до 1–2 м, а возможно, и до 5 м за короткий промежуток времени. Талые воды оп-

ресняют океан, происходит замедление вертикальной циркуляции в океане и установление устойчивой стратификации вод... возникают условия для накопления избыточного CO₂».

Среди причин резкого изменения климата допускается действие космических факторов, предположительно, столкновение Земли с кометой около 11,5 тыс. л. н., которое вызвало событие, сопоставимое с описанным в «Ветхом завете» Всемирным потопом. «Столкновение с Землей кометы, обломки которой упали в океан, породило землетрясение небывалой силы, мощные извержения вулканов, огромные волны цунами, ураганы и ливни глобального масштаба, резкое повышение температуры, лесные пожары, общее затемнение, затем похолодание типа ‘ядерной зимы’» (Хаин, 1994, с. 90). «Повышение среднегодовой температуры составило 10С° и обусловило исчезновение значительной части крупных млекопитающих животных верхнепалеолитического комплекса» (Лаврушин и др., 2002, с. 145). Важным аргументом в пользу космической обусловленности катастрофических изменений планетарного масштаба считаются «стеклян-

ные шарики-тектиты, выпавшие наподобие дождя на огромных пространствах приэкваториальной зоны восточного полушария. Особую проблему составляет образование и выпадение тектитов, не только для сравнительной планетологии и космологии, но также и для четвертичной геологии и прогноза, поскольку массовое выпадение на Землю австрало-азиатских тектитов совпало с резким изменением климата, вымиранием крупных групп фауны и, возможно, определило саму границу между плейстоценом и голоценом» (Добрецов, Коваленко, 1995, с. 24).

Изменения сопровождаются значительным, но кратковременным изменением магнитного поля Земли — экскурсом Гетенборг в интервале 13–11 тыс. л. н. (Гуськова и др., 2006).

Реакция приледниковой Европы на эти изменения была однозначной. Унифицированный континентальный мир мадленских охотников распался на серию более мелких образований, по большинству культурных показателей значительно уступающих блестящей мадленской цивилизации с ее уникальными шедеврами пещерной наскальной живописи и не менее по-

разительными шедеврами косторезного искусства.

На смену им приходят культуры охотников на северного оленя, ведущих подвижный образ жизни. Впервые в это время проявляется связь археологических культур с природно-ландшафтной зональностью, характерная для последующей неолитической эпохи.

На севере Центральной Европы в этот период установлено распространение круга культур с черешковыми наконечниками стрел. Хронологические рамки их существования определены палеоклиматическими периодами: белингг — дриас младший.

До недавнего времени на северо-западе и в центре Русской равнины датированные стоянки периода аллерда и дриаса III не были известны. Специфика переходного периода от плейстоцена к голоцену состоит в том, что процессы эрозии отложений, к которым приурочены стоянки, повсеместно преобладали над процессами осадконакопления. Культурные слои стоянок этого времени, как правило, разрушены, что затрудняет применение естественнонаучных методов для определения их возраста. Это послужило причиной того, что хронологические позиции некоторых стоянок переходного периода от плейстоцена к голоцену были омоложены и отнесены к мезолиту.

В 1990 г. Валдайской (Тверской) экспедицией ИИМК РАН на северном берегу озера Волго, близ д. Ланино (рис. 1) были открыты стоянки Подол III/1, Подол III/2, Баранова гора (Сеницына, 1996), в материальной культуре которых присутствовали выраженные элементы культуры бромме-лингби, существовавшей в Дании в конце плейстоцена. Значение этих стоянок определяется тем, что культурные слои финального палеолита на отдельных участках раскопанной площади сохранились в первичном залегании.

Поселение располагалось на узкой наклонной площадке между озером Волго и прилегающим коренным склоном, сложенным известняками

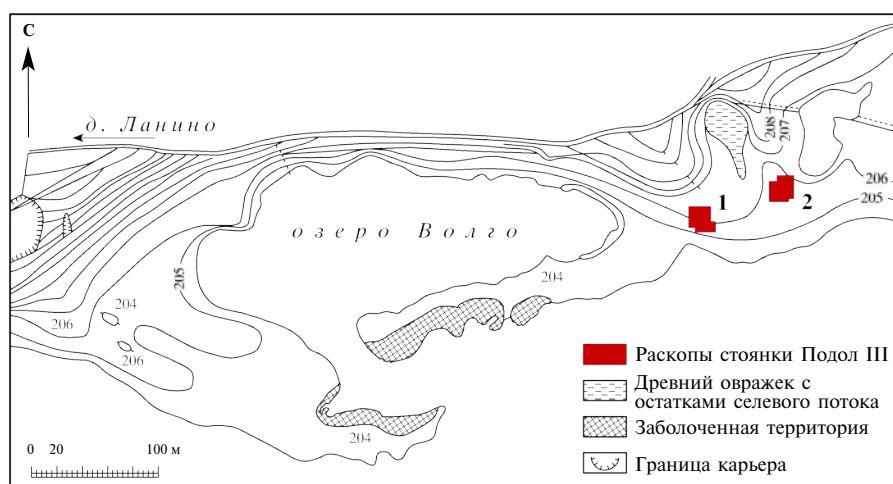

Рис. 1. Топографический план стоянки Подол III на северном берегу озера Волго близ д. Ланино Тверской области.

карбонового возраста, на двух бортах древнего овражка. Оно было исследовано двумя раскопами Подол III/1 на правом и Подол III/2 на левом берегу. Культурный слой стоянки Подол III/1 был приурочен к отложениям четко выраженной погребенной почвы. Ее отнесение к аллереду получило подтверждение сначала результатами пыльцевого анализа (Спиридонова, Алешинская, 1999), а затем наличием палеомагнитного экскурса гёттенборг (Гуськова и др., 2006)

Несмотря на то, что находки аллередского времени и времени дриаса III были зафиксированы на обоих участках поселения, культурный слой времени аллереда сохранился только на участке раскопа 1 (Подол III/1), а культурный слой времени дриаса III — только в конусе выноса селевого потока раскопа 2 (Подол III/2). Находки кремневых изделий финальнопалеолитического облика, близко по своим технико-типологическим характеристикам инвентарю культуры бромме-лингби были приурочены к основанию песков и, вероятнее всего, первоначально находились на поверхности погребенной почвы (слой II). По данным палинологического анализа ей соответствует лесная растительность, сопоставимая с условиями конца аллередского межстадиала.

Культурный слой финального палеолита на правом берегу овражка со-

хранил выраженную планиграфическую структуру в виде ряда бытовых объектов: жилища с углубленным основанием овально-вытянутой формы с коридорообразным входом и очагом в центре, хозяйственных ям, «рабочей площадки», скопления мелких кальцинированных костей. По результатам спорово-пыльцевого анализа заполнения жилища, выполненного Е. А. Спиридоновой (ИА РАН), установлено, что пол жилища был выстлан ветками сосны.

Основным видом сырья обитателям поселения служил светло-серый желвачный кремль местного происхождения.

На раскопанном участке ст. Подол III/2 культурный слой сохранился только в конусе выноса селевого потока. По спорово-пыльцевому анализу время формирования этих отложений было определено хронологическими рамками дриаса III. Аллередская почва здесь не сохранилась. На вскрытом участке площадью 172 кв. м культурные остатки были представлены тремя скоплениями расщепленного кремня. Техника первичного расщепления характеризуется одноплощадочными и призматическими нуклеусами с негативами снятий широких массивных пластин, на которых были изготовлены все орудия. Орудия представлены типичным набором, характерным для се-

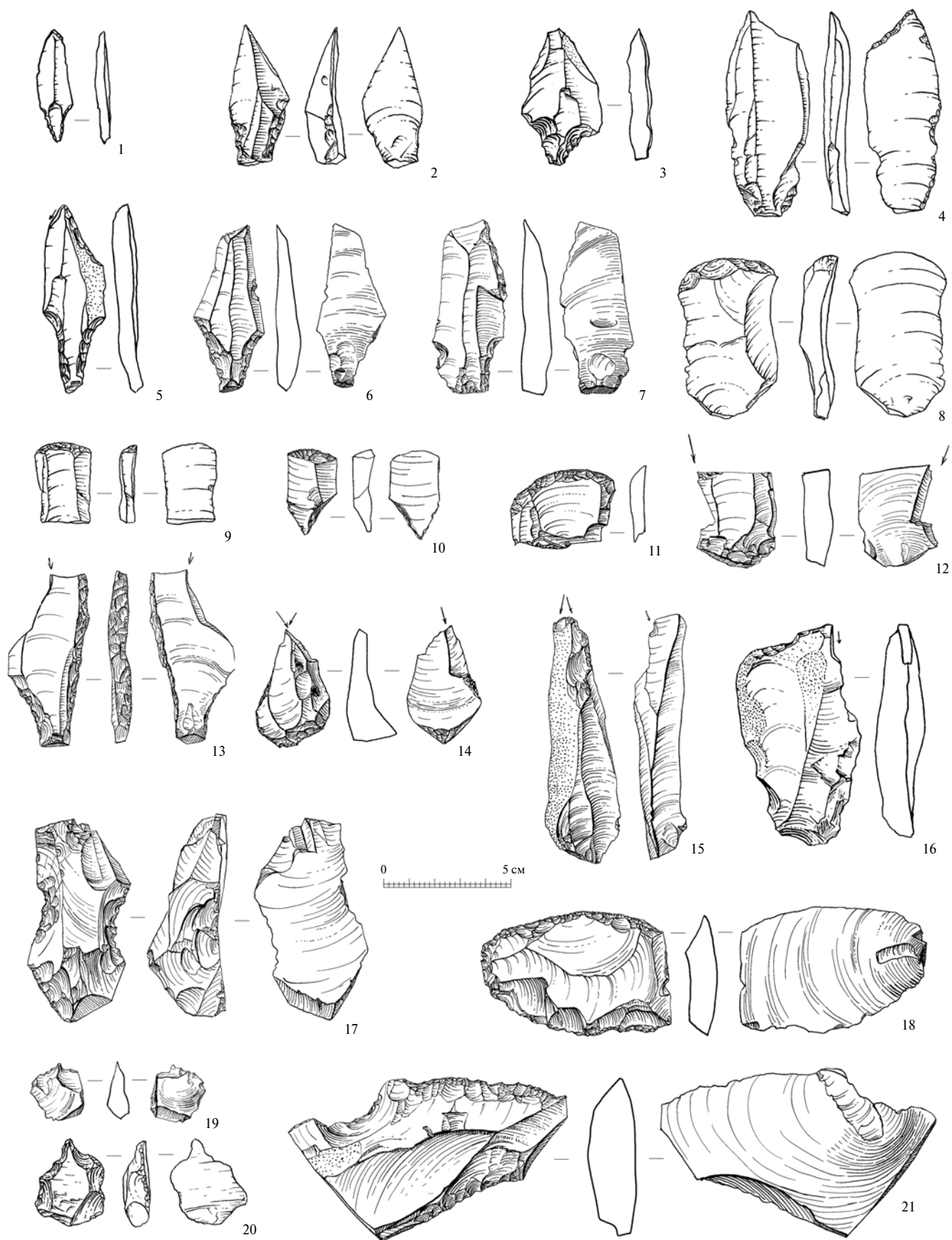

Рис. 2. Инвентарь подольской культуры.

1–7. Наконечники стрел; 8–11. Скрепки; 12–16. Резцы; 17. Тесло; 19, 20. Проколки; 18, 21. Скребла.

зонных стоянок охотников. Расщепление кремня и изготовление орудий производилось в пределах стоянки. Несмотря на обилие сырья, нуклеусы использовались до предела, с постоянной подправкой ударной площадки и нижнего конца ядрища. Черешковые наконечники стрел (рис. 2, 1–7), концевые скребки (рис. 2, 8–11), угловые и боковые резцы (рис. 2, 12–16), тесло (рис. 2, 17), массивные скребла (рис. 2, 18, 21), проколки (рис. 2, 19–20) — большая часть орудийного набора имеет прямые аналогии в инвентаре технокомплекса бромме. Особенно выразительно это сходство проявляется в типах охотничьего вооружения — наконечниках стрел (рис. 3; 4). В то же самое время в материальной культуре представлены типы изделий, характерные только для памятников Верхней Волги.

Стратиграфическая последовательность культурных слоев стоянок Подол III/1 и Подол III/2 и типологический анализ инвентаря поселений явились основанием для установления развития культуры во времени. Круг материалов, сопоставимых с инвентарем стоянок Подол III, в последние годы был значительно расширен за счет таких памятников, как Троицкое 3 (Ланцев, Мирецкий, 1996), Усть-Тудовка 1 (Жилин, Кравцов, 1991), Ладыжино 3 (Кравцов, Кононов, 2002), Ростиславль (Трусов, 2004), Теплый ручей 2 (Кольцов, 1994, раскопки А. Мирецкого). Стоянки эпохи аллереда-дриаса младшего, объединенные сходством материальной культуры и территориальной близостью, было предложено выделить в подольскую культуру (Сеницына, 2000). Название дано по наиболее древней стоянке. Определение возраста ст. Подол III/1 двумя независимыми методами, вдобавок к традиционному археологическому сравнительно-типологическому, явились основанием для соотнесения подольской культуры и бромме не только в культурном, но и в хронологическом плане.

Типологическое сходство инвентаря стоянок подольской культуры

Рис. 3. Подол III/1. Наконечник стрелы.

усиливается использованием сходного сырья (светло-серый кремень) на раннем этапе ее развития.

Четкой границы культурной изменчивости материалов конца палеолита и начала мезолита не прослеживается. Единственной практической основой их разделения остается палеогеографический критерий: рубеж, фиксируемый сменой перигляциальных условий лесными, и, как следствие этого, возникновение экономики, связанной с охотой на лесных животных.

Проявление технокомплекса бромме-лингби в Восточной Европе традиционно связываются с миграцией охотников на северного оленя из Ютландии. Стоянки этой культурной традиции зафиксированы на территории Польши, (Schild, 1975), Литвы (Риманетене, 1971), Украины (Зализняк, 1989; 1998), Белоруссии (Ксензов, 1994). На территории северо-запада России их появление в виде подольской культуры также рассматривалось как следствие миграции древнего населения (Сеницына 1996; 1997; 2000) с запада на восток.

По классификации памятников культуры бромме С. Андерсена (Andersen, 1988), Подол III, представляет собой базовую стоянку с использованием местного сырья и углубленным в землю жилищем. Сложившаяся структура поселения, в совокупности с ориентацией населения на использование локальных ресурсов, может рассматриваться как свидетельство эволюции уже адаптированных к местным условиям коллективов охотников.

Значительную роль в подвижках населения в пограничный между двумя эпохами период, вероятно, играло изменение состава промысловых животных на большей части Русской равнины. После исчезновения мамонтовой фауны основным обитателем северо-европейских равнин стал северный олень. Население культур с черешковыми наконечниками традиционно считается охотниками на северного оленя (Зализняк, 1989), хотя данные для реконструкции узкой охотничьей специализации недостаточны. В материалах стоянки Подол III/1 имеется лишь один мелкий

Рис. 4. Подол III/1. Наконечники стрел.

кальцинированный фрагмент кости, определенный В. А. Каспаровым, как кость северного оленя.

В условиях глобальных изменений рубежа плейстоцена-голоцена миграции вслед за стадами животных являлись основным способом выживания человека в экстремальных условиях.

Сложение, длительное существование и продолжение подольской культуры является следствием высокой адаптивной способности пришлого населения к сложным и быстро меняющимся условиям. Традиции подольской культуры были продолжены и получили развитие в мезолитической

иеневской общности, памятники которой широко распространены в лесной зоне Валдая.

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 02-06-80497 и программы «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гуськова Е. Г., Распопов О. М., Иосифиди А. Г., Сеницына Г. В., Сеницын А. А., 2006. Палеомагнитные исследования отложений многослойной стоянки Подол III/1 на озере Волго в Тверской области // ТАС. Вып. 6. Тверь.
- Добрецов Н. Л., Коваленко В. И., 1995. Глобальные изменения природной среды // Геология и геофизика. Т. 36. № 8. М.
- Жилин М. Г., Кравцов А. Е., 1991. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка I // Археология Верхнего Поволжья: Материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Нижний Новгород.
- Зализняк Л. Л., 1989. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев.
- Зализняк Л. Л., 1998. Передісторія України X–V тис. до н. е. Київ.
- Зубаков В. А., 1986. Глобальные климатические события плейстоцена. Л.
- Кравцов А. Е., Кононов С. Б., 2002. Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.) // ТАС. Вып. 5. Тверь.
- Кольцов Л. В., 1994. О первоначальном заселении Тверского Поволжья // ТАС. Тверь. Вып. 1.
- Ксензов В. П., 1994. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Минск.
- Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Холмовой Г. В., 2002. Календарно-событийная стратиграфия позднего неоплейстоцена // Третье Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода. Т. 1. Смоленск.
- Ланцев А. П., Мирецкий А. В., 1996. Стоянка Троицкое 3 — один из древнейших памятников Тверского Поволжья // ТАС. Вып. 2. Тверь.
- Римантене Р. К., 1971. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс.
- Сеницына Г. В., 1996. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях // Археологические изыскания. Вып. 39.
- Сеницына Г. В., Спиридонова Е. А., Лаврушин Ю. А., 1997. Природная среда и возможные миграции первобытного человека на рубеже плейстоцена-голоцена на севере Русской Рав-

нины и Скандинавии // Первые Скандинавские чтения: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.

Сеницына Г. В., 2000. Финальный палеолит и ранний мезолит — этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // ТАС. Вып. 4. Тверь.

Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., 1999. Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья // Забелинские научные чтения. 1955–1996. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Тр. ГИМ. Вып. 103.

Трусов А. В., 2004. Финальнопалеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья: Мат. науч. семинара. М.

Хаин В. Е., 1994. Основные проблемы современной геологии // Геология на пороге XXI в. М.

Andersen S., 1988. A survey of the late palaeolithic of Denmark and Southern Sweden. // British Archaeological Reports, International Series, 444(II). Ed. by M. Otte. Liège.

Schild R., 1975. Pozny paleolit // Prahistoria ziem polskich. T. I: Palaeolit i mezolit. Warszawa, Kraków, Gdańsk.

Исследования на памятниках иеневской культуры (финальный палеолит — мезолит Волго-Окского бассейна)

В 1991—начале 2000-х гг. автор продолжил исследования на памятниках финала палеолита—мезолита, относящихся к одной из выделенных (Крайнов, Кольцов, 1979, с. 23, 24) на материалах Волго-Окского бассейна археологических культур — иеневской. Эти исследования были начаты несколькими годами ранее с традиционными целями уточнения хронологии памятников, разработки периодизации данной культуры, реконструкции поселений и т. д. Работы проводились Подмосковной экспедицией МИГМ (до 1994 г.), а затем Мезолитической экспедицией ГИМ на территориях Московской, Тверской, Ярославской, Калужской областей. Раскопками исследовались памятники Беливо 4А* и 6В*, Дальний Остров*, Ладыжино 3** и 3А**, шурфами и зачистками — Иенево 2, Дмитровское 1, Черная Грязь 1, Титово 1*, Авсерьгово 2*, Брагино и некоторые другие¹. Цели исследований в полной мере осуществить не удалось. Однако их результаты заметно дополнили фактическую базу для разработки вышеуказанной проблематики и, что представляется более важным, способствовали осмыслению характера изучавшихся источников — археологических памятников, сходных по условиям расположения и залегания

между собой и с множеством памятников других культур финального палеолита—мезолита в лесной зоне Восточной Европы.

Эти памятники располагаются на площадках надпойменных террас (*рис. 1, 1*), иногда — озерных террас или других возвышенных элементов рельефа речных долин и озерных котловин. Они представляют собой культуросодержащие, или культурные, горизонты (далее — к. г.) в верхней (обычно до 50–70 см), в той или иной мере преобразованной почвообразованием части покровных толщ минерального состава. Эти к. г. имеют мощность, как правило, до 50 см, распространены на площадях от нескольких десятков до нескольких десятков тысяч кв. м. В профилях вскрытых толщ они различаются только по включениям изделий из камня и иногда объектов антропогенного характера, устанавливаемых в отложениях по составу, цветности, структуре заполнения.

К началу 1990-х гг. к иеневской культуре было отнесено около 50 памятников (к 2003 г. — около 60; *рис. 2, 1*), из которых половина исследовалась раскопками. На основании типологических аналогий и разрозненных палинологических данных культура в целом интерпретировалась как позднемезолитическая, генетиче-

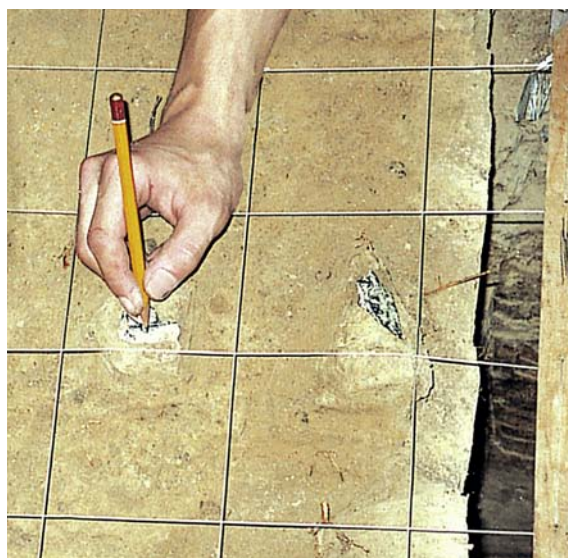
ски связанная с мезолитом бассейнов Верхнего Днепра и Десны (Кольцов, 1989, с. 81). В публикациях анализировался, главным образом, каменный инвентарь. Стратиграфии и планиграфии памятников большого внимания не уделялось. Причиной этому была методика раскопок, предполагавшая вскрытие отложений по пластам, стратиграфическую фиксацию находок в границах пластов, планиграфическую — в границах квадратов 2 × 2 (иногда 1 × 1) м. Это приводило к искусственной группировке находок, утрате информации об их контексте, обобщенной характеристике к. г., основанной почти исключительно на визуальных наблюдениях. Вследствие недостатка хронологических, стратиграфических и планиграфических данных сложилось упрощенное представление о к. г. памятников как о культурных слоях, каждый из которых содержит остатки человеческой жизнедеятельности, отложившиеся в исторически непродолжительный период времени, связанных, скорее всего, с определенным коллективом и поселением. В соответствии с этим все изделия мезолитического облика, все объекты, обнаруживавшиеся в одном к. г. в границах одного раскопа (или памятника), рассматривались в качестве единого комплекса и характеризова-

1

2

3

4

Рис. 1. Ладыжино 3 и 3А. 1. Вид на памятник Ладыжино 3 от р. Ока (слева — привражный мыс надпойменной террасы; 2. Ладыжино 3А, вскрытие культурного горизонта; 3. Ладыжино 3А, фиксация находок по масштабной рамке; 4. Ладыжино 3А, антропогенный объект, разрез.

лись суммарно. При культуроразличении и хронологической периодизации древностей комплексы такого рода приобретали значение единиц сравнительного анализа; они же составляли основу исторических реконструкций.

Автору представлялись спорными выводы о генезисе иеневской культуры и ее принадлежности к позднему мезолиту, небезупречные с типологической точки зрения и не подтвержденные надежными естественнонаучными датировками. Вызывала сомнение корректность автоматически положительного решения вопроса о единстве комплексов, выделявшихся по признаку обнаружения изделий и объектов в границах какого-либо раскопа или памятника. Принимая во внимание модели хозяйственной адаптации, реконструируемые для обществ эпох финального палеолита и мезолита равнин Восточной Европы (Зализняк, 1989, с. 98–108; 1991, с. 99–136), следовало полагать, что территории многих памятников иеневской культуры могут представлять собой места, на которых поселения в указанные эпохи возобновлялись неоднократно, иногда в той или иной мере совпадая друг с другом в плане. Предположения подкреплялись фактом наличия двух культурных слоев на окском памятнике финального палеолита–мезолита Исток 1, установленным (Сорокин, 1991, с. 4–8) благодаря усовершенствованной методике раскопок и стратиграфических наблюдений; известными фактами неоднократного возобновления поселений на определенных местах в эпохи верхнего палеолита и неолита. Вопросу о единстве комплексов придавалось принципиальное значение: в зависимости от его решения представлялось необходимым определять, в каких исследовательских целях допустимо использование материалов, полученных при раскопках того или иного памятника.

Основным инструментом решения этого вопроса первоначально представлялись микростратиграфические наблюдения, при помощи

которых автор надеялся выяснить, имеются ли в исследуемой на памятнике толще два или более «культурных слоев» (к. г.) либо только один. В первом случае каждый стратиграфически обособленный к. г. должен был бы рассматриваться как культурный слой определенного поселения. «Однослойность» воспринималась как аргумент в пользу вывода о хронологическом единстве комплекса. Хронологию памятников предполагалось установить посредством радиоуглеродного анализа образцов древесного угля, встречавшегося в заполнении объектов, а также интерпретации данных спорово-пыльцевого анализа, почвенные образцы для которого отбирались по разрезам толщ, включающих к. г.

Применявшаяся автором методика раскопок (рис. 1, 2, 3) неоднократно описывалась (Кравцов, 2004 и др.). Это позволяет, не вдаваясь в подробности, отметить только, что важнейшими ее элементами были фиксация в трехмерных системах координат всех обнаруживавшихся изделий, объектов, мест отбора образцов для лабораторных анализов и составление подробных полевых описей. В кабинетных условиях строились системы «микропрофилей», основами которых являлись вычерченные разрезы вскрытых толщ и виртуальные вертикальные плоскости, проводившиеся от уровня поверхности на глубину раскопа по линиям квадратной сетки. На основы наносились проекции находок и объектов, зафиксированных на прилежащих квадратах или «секторах». Также составлялись планиграфические схемы, отражавшие распределение совокупности находок и объектов, категорий и классов изделий, выделявшихся по типологическим, а иногда и другим (например, функциональным) признакам.

Вопреки ожиданиям, выявить по «микропрофилям» «неоднослойные» памятники иеневской культуры не удалось: каждый был представлен одним к. г., в стратиграфических границах которого различался один

уровень концентрации расщепленных кремней (рис. 3). Кроме того, во всех раскопах и ряде шурфов встречались немногочисленные культурные остатки, несомненно более поздние, чем мезолитические. Чаще всего это были фрагменты деревенской керамики. Также в Беливо 4А была встречена керамика эпохи бронзы, в Ладыжино 3 — эпохи раннего железа, на Дальнем Острове — эпох неолита и бронзы, ряд каменных орудий неолитического облика, и т. д. Уровень концентрации мезолитических изделий отмечался в средней–нижней части вскрытых раскопками к. г. Он соотносился с элювиальным (Е) и/или иллювиальным (В) горизонтами подзолистых песчаных и супесчаных почв либо с горизонтами АЕ (гумусово-элювиальным), ЕВ (элювиально-иллювиальным) серых лесных суглинистых почв. Находки изделий неолита-эпохи бронзы отмечались на разных, в основном верхних и средних, отметках уровня концентрации мезолитических находок (рис. 3, 1). Находки изделий раннего железного века и позднейшие — в основном, несколько выше этого уровня и, иногда, на его верхних отметках (рис. 3, 2); они соотносились с горизонтами А (гумусовым) или Ап (пахотным) подзолистых песчаных либо АЕ серых лесных суглинистых почв. Стерильных прослоек внутри к. г. не было. Некоторая часть мезолитических изделий всегда обнаруживалась на меньшей глубине, чем часть более поздних.

Такое распределение разновременно отложившихся культурных остатков в почвенных горизонтах покровных толщ минерального состава для территории Волго-Окского бассейна (вне пойм) соответствует стратиграфической норме. Она обусловлена, прежде всего, особенностями захоронения культурных остатков в голоцене, когда глобальная роль в этом процессе эолового осадконакопления уменьшилась, а различных, в том числе турбирующих, факторов почвообразования возросла. Кроме того, отложившиеся остатки турбиру-

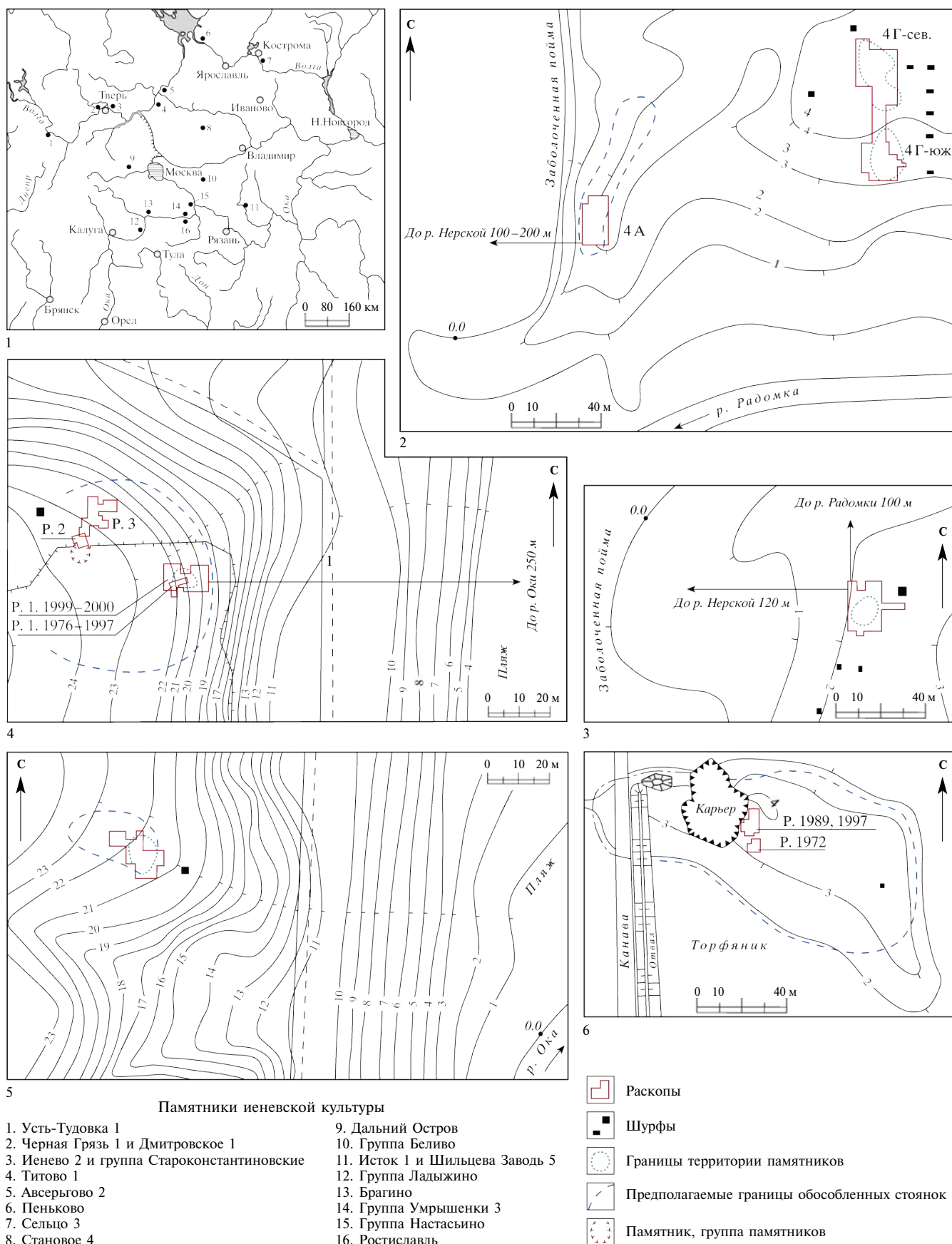

Рис. 2. 1. Карта памятников иеневской культуры; 2–6. Планы памятников иеневской культуры. 2. Беливо 4А, 4Г-северная, 4Г-южная; 3. Беливо 6В; 4. Ладыжино 3; 5. Ладыжино 3А; 6. Дальний Остров.

ются множеством природных факторов, не связанных непосредственно с образованием почв, а на неоднократно заселявшихся (или посещавшихся в иных хозяйственных целях) местах возобновляющейся деятельностью человека. В связи с этим сколько-нибудь полное стратиграфическое вычленение из к. г. археологических комплексов, относящихся даже к удаленным друг от друга эпохам, оказывается проблематичным, а вычленение комплексов совпавших в плане стоянок финала палеолита — мезолита (как и установление самого факта такого совпадения) — крайне маловероятным. Случаи отклонения от этой нормы могут быть связаны только с локальными эпизодами интенсивного осадконакопления (эолового или других видов). Очевидно, они уникальны, причем и в таких случаях возможности вычленения из отложений разновременных комплексов оказываются крайне ограниченными (Кравцов, 2004). По этим причинам они не способны серьезно влиять на практику исследований, которая должна основываться преимущественно на материалах массового характера.

Представляется, что обычную исследовательскую ситуацию отражают материалы раскопок на памятнике Беливо 4А (рис. 2, 2; 3, 1), где в культурно-почвенном горизонте на площади 245 м² были зафиксированы более 20 объектов антропогенного и природного характера и один стратиграфический уровень концентрации объектов и расщепленных кремней мезолитического облика. После раскопок 1984–1985 гг., принимая во внимание стратиграфическое единство к. г. и связи по ремонту расщепленных кремней между некоторыми планиграфически обособленными группами находок, автор пришел к заключению о том, что исследовались остатки одного (или преимущественно одного) поселения. Наличие в комплексе различительных типов изделий иеневской и бутовской культур интерпретировалось как отражение взаимодействия этих

культур (Кравцов, Луньков, 1994). Однако результаты датирования по ¹⁴C образцов древесного угля из заполнения объектов показали ошибочность этого вывода. Для семи антропогенных объектов даты почти равномерно распределились в диапазоне 10,2/9,6–8,3/8,2 тыс. л. н. Два объекта, характер которых был не вполне ясен, датировались 7,9/7,8 и 5,7/5,2 тыс. л. н. (Леонова, 1998, с. 11; Кравцов, 2004, с. 42, 43; рис. 2, 1). Данные анализа свидетельствовали о том, что в к. г. Беливо 4А залегают стратиграфически не членимые остатки ряда разновременных поселений.

Нечеткость стратиграфии памятников заставила в поисках подхода к вычленению хронологически единых комплексов обратиться к планиграфическим наблюдениям. Для Беливо 4А после раскопок 1987, 1994 гг. серия таких наблюдений была проведена Е. В. Леоновой (1998, с. 11), установившей, что находки орудий различительных «иеневских» типов с антропогенными объектами не коррелировали, а значительное число изделий, характерных для бутовской культуры, группировалось в заполнении и вокруг разновозрастных мезолитических объектов преимущественно в северной и южной частях раскопа. Отмечены хаотичное чередование зон с высокой, средней и низкой насыщенностью находками, аморфность этих зон, отсутствие выраженных границ между ними. Орудия массовых категорий и различительных типов иеневской культуры распределялись, не образуя фракций. Структура вскрытых раскопками культурных отложений была нечеткой. К. г. Беливо 4А оказался не только стратиграфически, но и планиграфически не членимым «стояночным комплексом», лишь в неясной мере связанным с иеневской культурой. По данным шурфа и сборов, к. г. был распространен на территории площадью более 1000 м², границы которой повторяли очертания возвышенной части мыса надпойменной террасы (рис. 2, 2).

Памятником с нечеткой структурой культурных отложений является и Дальний Остров, исследовавшийся двумя раскопами (1972 г. — 30 м²; 1989, 1997 гг. — 76 м²), шурфами, зачистками, сбором подъемного материала (Сидоров, Жилин, 1975; Кравцов, Леонова, 1992; Кравцов, 2004, с. 36; рис. 5, 4) (рис. 2, б). Насыщенный находками к. г. распространен в границах территории (ок. 7000 м²) возвышающегося над уровнем торфяника флювиогляциального острова, в поверхностных супесчано-суглинистых отложениях которого сформировалась почва подзолистого типа. Среди находок доминируют расщепленные кремни мезолитического облика, широко представлены орудия различительных типов иеневской культуры. Встречаются каменные изделия финально-палеолитического и неолитического облика, керамика верхневолжской, льяловской, фатьяновской культур. Участки культурных горизонтов, вскрытые на Дальнем Острове и Беливо 4А, планиграфически различаются по равномерности распределения и концентрации находок на 1 м² вскрытия, больших на Дальнем Острове. Еще одним заметным различием является отсутствие в к. г. последнего древних объектов; к объяснению причин этого различия необходимо вернуться несколько ниже.

Кроме Беливо 4А и Дальнего Острова, может быть назван ряд «иеневских» памятников с аналогичными планиграфическими признаками: Пеньково, Сельцо 3, Титово 1, Староконстантиновская 4, Брагино, Шильцева Заводь 5, «верхний культурный слой» Истока 1 и др. Присущая им (и подобным) нечеткость структуры культурных отложений, обычно сопровождающаяся высокой насыщенностью к. г. находками, должна, скорее всего, объясняться неоднократным возобновлением поселений и трудовой деятельности на ограниченных участках местности, по Л. Л. Зализняку (1991, с. 91) — оптимальных с точки зрения хозяйственной адаптации и традиционных. С

природными границами таких выраженных в рельефе участков коррелируют на данных памятниках границы распространения к. г. Вероятная продолжительность периодов возобновления человеческой жизнедеятельности намечается серией радиоуглеродных дат Беливо 4А. Следует отметить, что в «верхнем слое» Истока 1, в к. г. Староконстантиновской 4, Брагино, Шильцевой Заводи 5, судя по типологическим признакам, содержатся, как и в Беливо 4А, остатки ряда поселений не только иеневской, но и бутовской культуры, смешанные в разных соотношениях. При этом «верхний слой» Истока 1, в связи с преобладанием в инвентаре «бутовских» признаков, интерпретируется его исследователем (Сорокин, 1990, с. 20–26, 72–84) в качестве опорного памятника позднего этапа бутовской культуры. А материалы Дальнего Острова, Пеньково, Сельцо 3, Титово 1, Староконстантиновской 4, Брагино фигурируют в схемах хронологической периодизации иеневской культуры (Кольцов, 1989, с. 81, 82; Сорокин, 2004, с. 172 и др.).

Иные планиграфические характеристики имели к. г., вскрытые раскопом на памятнике Беливо 6В (рис. 2, 3) (Жилин, Кравцов, Леонова, 1998; Кравцов, 2004, рис. 3, 1) и раскопом 1 на памятнике Ладыжино 3 (далее — Ладыжино 3-1) (рис. 1, 1; 2, 4) (Жилин, Фролов, 1981; Кравцов, Коннов, 2002; Кравцов, Агеева, 2006, с. 201–205, рис. 1, 2). Здесь различалось по одной зоне концентрации находок, границы которой не совпадали с природными границами элементов рельефа. В Беливо 6В из 3525 предметов, зафиксированных в раскопе площадью 344 м², более 70% концентрировалось на площади около 90 м², в Ладыжино 3-1 — из 4900, встреченных в раскопе площадью 104 м², — 60–65% на площади около 23 м². В Беливо 6В зона концентрации расщепленных кремней имела подовальные очертания. В ее периферийной части вблизи друг от друга располагались объекты котловидного и чашевидного профиля с углистым запол-

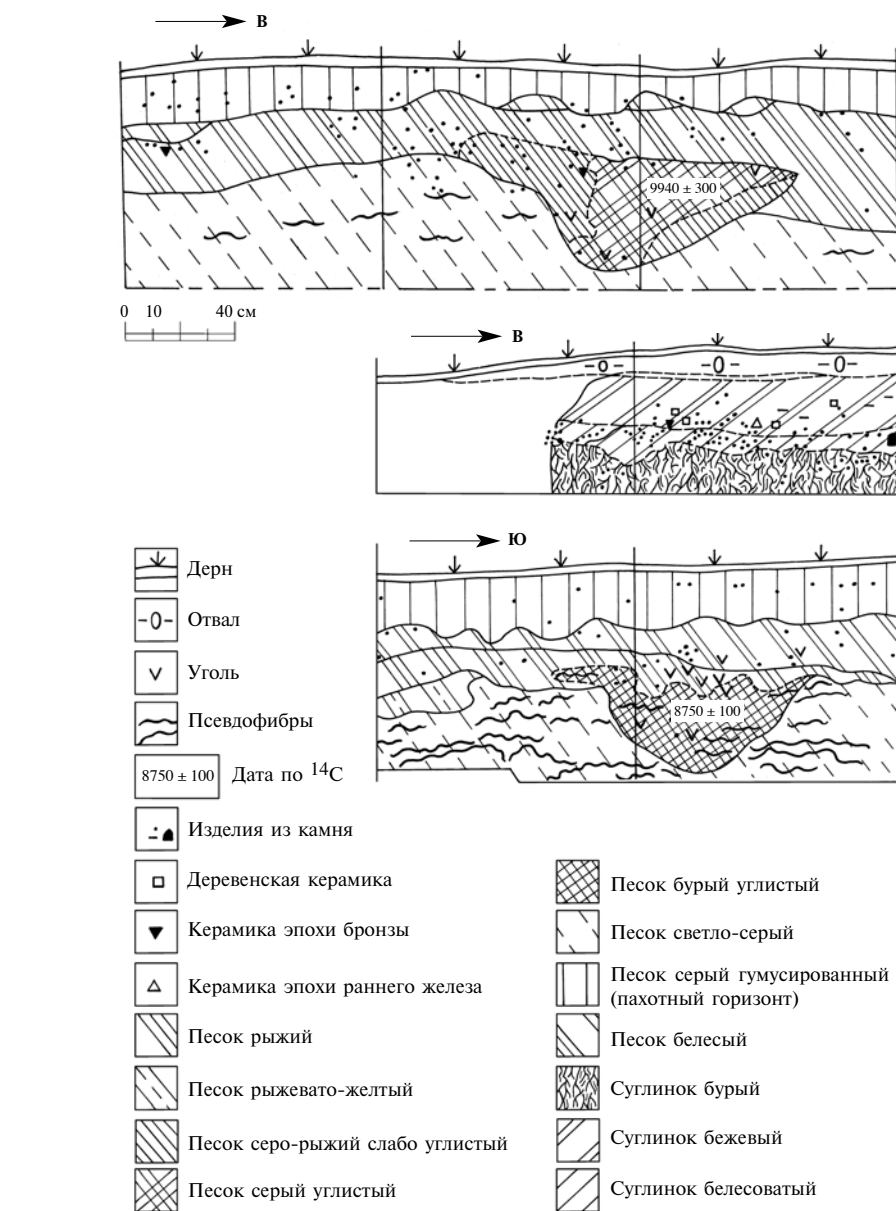

Рис. 3. Фрагменты микропрофилей. 1. Беливо 4А. Разрез через центр антропогенного объекта. 2. Ладыжино 3. Разрез по участку стенки раскопа 1 1999 г. 3. Беливо 6В. Разрез через центр антропогенного объекта.

нением. Для первого (рис. 3, 3) удалось получить дату по ¹⁴C 8750 ± 100 л. н. (ГИН-7026). В Ладыжино 3-1 подобная зона к. г. оказалась поврежденной перекопом. Она распространялась за границу раскопа, имела, вероятно, площадь до 32 м² и подовальные очертания. В обеих коллекциях были представлены изделия основных категорий волго-окского мезолита, орудия различительных

типов иеневской культуры, а различительных типов других (выделяемых для этого региона) культур отсутствовали. Некоторая размытость границ зон концентрации культурных остатков отчасти может объясняться характером деятельности на поселениях. Кроме того, в Беливо 6В она является следствием распашки верхней части культурно-почвенного горизонта, а в Ладыжино 3-1 — пере-

отложения части культурных остатков по склону площадки террасы.

Подобные зоны концентрации культурных остатков в почвенных горизонтах исследованы на ряде памятников иеневской культуры, например Настасьино 4 (Трусов, Энговатова, Панченко, 2004, с. 92–97), Ростиславль (Трусов, 2004), Умрышенки 3 (Сидоров, Энговатова, 1992 и др.) и др. Их общими признаками являются: небольшая площадь (как правило, от 10 до нескольких десятков кв. м); подовальные или подокруглые очертания; несовпадение границ с природными границами элементов рельефа; наличие в каменном инвентаре нуклеусов, основных разновидностей сколов, скребков, резцов, усеченных ретушью пластин, предметов оснащения проникающих частей метательного оружия. Изделия менее массовых категорий встречаются факультативно. Орудия различных типов археологических культур, кроме иеневской, отсутствуют. Выраженная локализация культурных остатков в пространстве, категориальный и типологический состав комплексов совместно обнаруживаемых изделий дают основания считать, что они отложились в результате кратковременных периодов жизнедеятельности конкретных коллективов. Планиграфически обособленная зона концентрации культурных остатков может соответствовать следам какого-либо эпизода хозяйственной деятельности на территории памятника, сезонной (кратковременной) стоянке в целом или фрагменту более сложной поселенческой структуры. Изделия мезолитического (финально-палеолитического) облика и антропогенные объекты, обнаруженные в границах таких зон, представляется возможным рассматривать в качестве полузамкнутых, единых в хронологическом отношении комплексов. При культурной дифференциации и периодизации древностей, представленных памятниками с нечеткой стратиграфией, необходимо опираться преимущественно на такие комплексы. В то же время следует принимать во

внимание их вероятную неполную для археологической культуры типологическую представительность.

Существование в эпоху мезолита поселений со сложной структурой, на территориях которых имелось несколько зон жизнедеятельности (жилищ, различных хозяйственных площадок и т. д.), не вызывает сомнений. Вычленение в к. г. памятников остатков таких поселений, их отличие от конгломератов хронологически разобщенных артефактов представляется одной из наиболее сложных задач археологических исследований.

Стоянку, состоящую из нескольких элементов, удалось вычленить в к. г. на памятнике Беливо 4Г (рис. 2, 2) (Кравцов, 1999, с. 82–85; Кравцов, 2004, с. 36, рис. 2, 2). Здесь при раскопках второй половины 1980-х гг. были зафиксированы четыре компактные (ок. 0,5; 4; 9 и 12 м²), планиграфически обособленные зоны концентрации расщепленных кремней и зоны с немногочисленными находками, в которых содержались функционально специализированные наборы изделий. В двух зонах концентрации находок отмечены объекты — предположительно кострища и остатки неуглубленного жилища. Между различными зонами к. г. выявлена синхронизирующая система «связей» по ремонту расщепленных кремней, охватывающая площадь до 120–150 м², которая, вероятно, соответствовала территории поселения. Четкость структуры культурных отложений, выраженная не только в наличии планиграфически обособленных групп находок и объектов, но и в раздельном залегании значительной части орудий разных категорий и функциональных классов, вероятно, объясняется его кратковременным характером.

Фрагмент стоянки со сложной структурой, возможно, выявлен в к. г. на памятнике Ладьино 3А (рис. 2, 5). Из 2850 каменных изделий, обнаруженных при раскопках 2000–2003 гг., более 70% было встречено на 50–55 м² в центральной и северной частях раскопа, площадь которо-

го составляла 128,5 м². Вне связи с границами элементов рельефа насыщенность к. г. находками резко сокращалась на западе, юге и востоке. На северо-западе после некоторого уменьшения она возрастала на периферии вскрытой площади. На северо-востоке зона к. г., насыщенная расщепленным кремнем, распространялась за пределы раскопа. Ее очертания, вероятно, подовальные, площадь может достигать 70–80 м². В центре и на юго-западе оказалось сосредоточенным большинство орудий, главным образом резцов, а также резцовых отщепов; по внутреннему периметру различались места первичного расщепления кремня. В 0,5 м от одного из них — объект котловидной формы (рис. 1, 4) с углистым заполнением, поврежденный современной ямой с органикой (из-за чего датирование по ¹⁴C не проводилось). К местам расщепления были приурочены находки рубящих орудий и почти всех встреченных предметов оснащения метательного оружия. Более 300 кремней было отремонтировано в «складни»; многочисленные «связи» по ремонту отмечались между разными участками охарактеризованной зоны концентрации культурных остатков. В распределении последних заметны следы упорядоченной трудовой деятельности на территории поселения, выраженность которых, вероятно, свидетельствует о его кратковременном характере. В качестве единственного признака культурно-хронологической неоднородности комплекса можно рассматривать наличие в нем нескольких регулярных пластинок с точечной площадкой, не соответствующих найденным при раскопках грубым нуклеусам и не характерных для иеневской культуры. Уточнение степени единства комплекса представляется возможным по мере продолжения раскопок и проведения технологического анализа продуктов расщепления (Гиря, 1997), хотя, несомненно, ограничивается отсутствием дат по ¹⁴C, которые могли бы быть соотнесены с локализованными в пространстве группами находок.

Малочисленность надежных датировок — одна из общих проблем в изучении стоянок финального палеолита — мезолита лесной зоны Восточной Европы, залегающих в вышеописанных условиях, и стоянок иеневской культуры в частности. В настоящее время радиоуглеродная дата Беливо 6В — 8750 ± 100 л. н. — единственная для комплексов иеневской культуры. Еще три получены для иеневского, по мнению его исследователей, культурного слоя IIIa многослойного торфяникового памятника Становое 4 (Зарецкая, Успенская, Жилин, 2004, с. 120; Аверин, 2004): 9620 ± 60 ; 9620 ± 50 ; 9590 ± 40 л. н. С точки зрения автора этой статьи, опирающегося на морфологию изделий, принадлежность всего комплекса находок из слоя IIIa одной культуре сомнительна. Более корректным представляется характеризовать данный слой как культурный горизонт, в котором встречены наконечники и трапеция, образующие различительную типологическую группу иеневской культуры. Обстоятельства их отложения в торфяник не ясны, но наличие в слое изделий иеневской культуры очевидно. Приведенные даты, несомненно важные для ее хронологии, подтверждены серией дат по ^{14}C , привязанных ко всему разрезу памятника, и палинологическими данными, по которым период формирования слоя IIIa отнесен ко второй четверти пребореала.

В связи с единичностью дат по ^{14}C автором была предпринята попытка установления хронологии памятников иеневской культуры по данным спорово-пыльцевого анализа. Она основывалась на более ранних опытах «палинологического датирования» стоянок, залегающих в почвенных горизонтах в поверхностной части покровных толщ минерального состава (Третьяков, 1950; Кольцов, 1989, с. 81 и др.), и современной методике палинологических исследований Е. А. Спиридоновой и А. С. Алешинской (1996). Образцы для анализа на ряде памятников иеневской культуры были отобраны

автором и Е. В. Леоновой. Результаты этих исследований (Кравцов, Спиридонова, 1996; Кравцов, 1999 и др.) в комплексе с палинологическими данными по памятникам Усть-Тудовка 1, раскоп 2 (Жилин, Кравцов, 1991, с. 18), Становое 4 и приведенными выше датами по ^{14}C позволили соотнести период существования поселений иеневской культуры в целом с заключительными фазами позднего дриаса — серединой бореала. Для нее были намечены хронологические рамки 10,2/10 — 8,6/8,2 тыс. лет н., которые, как отмечалось, «могут еще уточняться, но вряд ли будут пересмотрены кардинально» (Кравцов, 1999, с. 103); наиболее ранние памятники относились к финалу палеолита, большая часть — к раннему мезолиту.

Не отказываясь от этих выводов, автор считает необходимым разъяснить свою позицию в вопросе о допустимости использования данных палинологического анализа для определения возраста стоянок финального палеолита — мезолита, залегающих в вышеописанных условиях. Корректность этих данных иногда ставится под сомнение археологами, хотя причины сомнения ими не раскрываются, а «палинологические датировки», соответствующие хронологическим представлениям исследователей, продолжают использоваться для подтверждения различных гипотез (см. напр., Сорокин, 2004, с. 172, 173 и др.).

Представляется, что основания для ограничения использования палинологических данных в целях косвенного датирования археологических памятников действительно имеются. По мнению автора, они заключаются, прежде всего, в следующем. Используя данные спорово-пыльцевого анализа в указанных целях, археологи должны предполагать, что захоронение культурных и палеоботанических остатков происходило в результате осадконакопления. Однако по окончании ледникового глобального олового накопление осадков прекращается и в голоцене на большинстве

возвышенных территорий, вне пойм и котловин, основным фактором захоронения отложившихся остатков, по А. Л. Александровскому (2003), становится зоотурбация почвенной массы деятельностью землероев, прежде всего дождевых червей. Землероющие животные выносят на поверхность мелкозем, который, накапливаясь вокруг отложившихся артефактов, со временем их перекрывает. По мере выноса породы и проседания полостей червороин и кротовин они как бы погружаются в почвенную толщу. Погружение артефактов постепенно замедляется и совсем останавливается, когда они опустятся до глубины, на которой прекращается деятельность землероев (Александровский, 2003). Аргументы, приводимые автором данной гипотезы, убедительны. В ее поддержку можно засвидетельствовать, что в культурно-почвенном горизонте Ладжино 3, где наблюдается активная деятельность землероев, границы раскопов 1970-х гг., в засыпке которых содержался плотный материковый суглинок, уже к концу 1990-х гг. практически не различались. В подстилающих материковых суглинках, куда дождевые черви и кроты почти не проникали, границы тех же раскопов продолжали оставаться четкими.

Очевидно, что микроскопические размеры пыльцы и спор исключают целостное погружение их комплексов в почвенную толщу вместе с комплексами артефактов. Следует полагать, что в процессе направленной зоотурбации некоторая часть палинологического материала погружается вместе с артефактами, а другая — выносится землероями на поверхность с мелкоземом. В случаях действия вышеописанного механизма захоронения, которые имеют массовый характер, палинологические диаграммы, соотносящиеся с разрезами почвенных толщ, могут отражать динамику климата лишь в самых общих чертах и мало пригодны для косвенного датирования археологического материала, хотя, вероятно, могут использоваться для установления от-

Рис. 4. Изделия из кремня. 1–19. Ладыжино 3-3; 20–35. Ладыжино 3-1; 36–48. Ладыжино 3А.
 1, 9, 14, 15, 29–31, 43–45. Резцы; 2, 7, 16, 32, 34, 35, 46, 47. Скребки; 8. Усеченная пластинка;
 3–6, 10–13, 17–22, 24–26, 36, 37, 39, 40. Наконечники стрел; 23, 48. Острия с притупленным краем; 27. Микрорезец;
 33, 38, 41. Рубящие орудия; 42. Трапеция. 9, 17, 25. По Жилину, Фролову, 1981.

носительной хронологии и синхронизации археологических комплексов внутри микрорегиональных групп памятников². Однако решающая роль зоотурбации в процессе захоронения и на внепойменных территориях не повсеместна. По крайней мере, в зонах зандров, где распространены слабогумусированные подзолистые песчаные почвы, действие этого фактора ослаблено, а культурные остатки голоценового возраста захоранивались, как представляется, преимущественно эоловыми осадками, скорость накопления которых зависела от локальных условий.

Особенностями механизмов захоронения должны во многих случаях объясняться факты наличия и отсутствия антропогенных объектов (и других литологически различимых структур, кроме позднейших) в культурно-почвенных горизонтах на памятниках. Очевидно, что когда захоронение происходит в процессе зоотурбации почвенной массы, могут сохраниться только те объекты, которые являются остатками значительно углубленных (ниже турбирующегося почвенного горизонта) сооружений. Таковые на поселениях финала палеолита — мезолита, судя по всему, были немногочисленными или отсутствовали. Следовательно, ожидать обнаружения объектов на памятниках, где культурно-почвенные горизонты сильно подвержены зоотурбации, почти не приходится. Вероятно, именно по этой причине они отсутствуют в к. г. на Дальнем Острове, Ладыжино 3, Брагино и на многих других памятниках, а в Ладыжино 3А антропогенный объект единичен. Его котловидный профиль (рис. 1, 4) не оставляет сомнений в том, что соответствующее сооружение было углубленным.

Наличие в к. г. на памятниках объектов, формы которых свидетельствуют о неуглубленном или слабоуглубленном характере сооружений, позволяет считать, что в процессе захоронения культурных остатков фактор зоотурбации существенной роли не играл, а захоронение происходило

преимущественно вследствие осадко-накопления. По этой причине объекты сохранились в к. г. Беливо 4А, 4Г, 6В, Иенево 2, Исток 1 и множества других памятников на внепойменных территориях в зонах зандров. По той же причине данные спорово-пыльцевого анализа для подобных памятников рассматриваются автором как в целом надежные, хотя и ориентировочные.

Имеющиеся для некоторых из них даты по ¹⁴С и палинологические заключения о периодах формирования к. г. серьезных противоречий не обнаруживают: Беливо 6В — 8750 ± 100 л. н. — конец пребореала; Бутово 1 — 9310 ± 110 л. н. — конец пребореала (Кольцов, Жилин, 1999, с. 55); Черная 1 — 8060 ± 100; 8190 ± 120; 8630 ± 40; 8720 ± 200; 8730 ± 300; 10000 ± 400 л. н. — вторая половина/конец бореала (Кравцов, Лозовский, Спиридонова, 1994). Следует принять во внимание, что на памятнике бутовской культуры Черная 1 образцы для палинологического анализа отобраны колонкой, а датировавшиеся объекты распространены на значительной площади. Замечание об ориентировочном характере палинологических данных особенно относится к случаям, когда к. г. турбировались неоднократно возобновлявшейся на одном месте человеческой деятельностью (что, судя по датам, происходило на территории памятника Черная 1).

В соответствии с этим при разработке хронологической проблематики иеневской культуры наряду с датами по ¹⁴С для Беливо 6В и слоя IIIа Становое 4, представляется необходимым учитывать палинологические данные о периодах формирования к. г. на памятниках: Усть-Тудовка 1 (раскоп 2) — конец позднего дриаса; Становое 4, слой IIIа и Авсерьгово 2 — вторая четверть пребореала; Беливо 6В — конец пребореала; Черная Грязь 1 и Дмитровское 1 — начало и первая половина бореала; Иенево 2 — середина/вторая половина бореала, кроме заключительных фаз. Имеющихся данных не-

достаточно для полноценной хронологической периодизации, но предварительный вывод о хронологических рамках культуры представляется правомерным. Судя по облику кремневого инвентаря нескольких памятников в бассейнах Оки и Верхней Волги, в дальнейшем могут быть получены и более ранние (позднедриасовые) датировки.

К числу таких памятников относится часть культурного горизонта, вскрытая на северной периферии Ладыжино 3 соединенными раскопами 2 и 3 (1977 и 2000–2003 гг.; далее — Ладыжино 3-3) (рис. 2, 4), в которых на площади 83 м² было обнаружено всего 490 расщепленных кремней. Находки встречались в 30–45-сантиметровом горизонте легкого суглинка, в поверхностной части прокрашенного почвенным гумусом; в средней бежевого; в нижней, уплотненной, белесоватого. Горизонт с находками подстилался неоднородной толщей суглинков, в верхней части которой местами различался горизонт погребенного гумуса неясного генезиса, нигде более на памятниках группы Ладыжино не отмеченный. Среди находок (рис. 4, 1–19) — 15 предметов оснащения метательного оружия. Одиннадцать из них (рис. 4, 3, 4, 10, 12, 13, 17, 19) — наконечники из грубых широких пластин и пластинчатых отщепов с острием, скошенным дорсальной вертикальной ретушью либо не ретушированным, и более или менее асимметричным черешком, выделенным аналогичной, реже противоположащей крутой, ретушью, в четырех случаях дополненной уплощающей вентральной. Больше половины — крупные (судя по целым, длиной 55–85 мм). Черешки двух выделены на дистальных концах заготовок. Наконечники этой группы напоминают некоторые разновидности черешковых острий типа Лингби, характерных для памятников аллередского и позднедриасового возраста, типов Арнсбург и Хвалибоговице, характерных для памятников периода позднего дриаса на севере Средней

Европы (Taute, 1968, S. 90, 99, 101, 106, 140, 234–242; Taf. 87, 94, 109, 134). Массовая на большинстве иеневских памятников группа наконечников с полностью притупленным одним краем и выемкой по другому представлена единичным крупным экземпляром (рис. 4, 18). Тремя — предметы трапециевидной формы, подобные которым называются то «высокими асимметричными трапециями», то косо-, поперечно-лезвийными наконечниками (рис. 4, 5, 6, 11). Следует отметить, что строгому типологическому определению трапеции, предполагающему двойное скошенное усечение ретушью концов скола-заготовки, величину углов между усеченными концами и длинным неретушированным краем $< 90^\circ$, отношение длины короткого неретушированного края к ширине заготовки < 2 (Laplace, 1964, p. 54), они не удовлетворяют. Орудия других категорий малочисленны, в основном крупные. Скрепки — концевые и концевые с ретушью края. Резцы преимущественно с ретушированной площадкой. Имеются выемчатые. Единична косо усеченная пластинка. Анализ распространения находок показал, что большинство изделий финальнопалеолитического облика залегало в основании к. г., в белесоватом суглинке, до контакта с горизонтом погребенного гумуса, а 11 наконечников образовывали компактную группу на площади около 10 м². Несколько выше других наконечников залегали два небольших трапециевидных. Часть кремней, обнаруженных в верхней половине и середине к. г., скорее всего, смыта по склону с более высоких уровней площадки террасы, где ранее имелся культурно-почвенный горизонт, разрушенный пахотой. Однако преобладание в комплексе финальнопалеолитических изделий не вызывает сомнения. Аналогии им дают памятники бассейнов Оки, Верхней Волги, Верхнего Днепра: Ростиславль (Трусов, 2004), Усть-Тудовка 1 (раскоп 2), Аносово (Лисицын, 2002) и другие, сближаемые исследователями с куль-

турами Бромме-Лингби и Аренсбург.

Сравнение по одноименным группам изделий комплексов Ладыжино 3-3 и 3-1 (рис. 4, 20–35) (см. выше) обнаруживает значительное сходство между ними. В группах пластин доминируют грубые, среди скребков — концевые, среди резцов многочисленны ретушные. В группах наконечников преобладают черешковые; отмечены случаи оформления черешка на дистальном конце заготовки, уплощающей вентральной ретуши черешка; встречены трапециевидные формы. В Ладыжино 3-1 заметно меньшие средние размеры изделий всех сопоставимых групп. Отличаясь большей представительностью, этот комплекс также включает: до 200 целых и раздробленных галек (единичные — со следами использования в качестве отбойников); плитки-абразивы с желобками; серии нуклеусов от грубых пластин и отщепов, «технических» сколов; острий с выпуклым и прямым притупленным краем, усеченных ретушью пластинок и отщепов, комбинированных орудий; рубящие орудия (частично ретушированное из отщепа и обломки бифаса), сверла из пластин, фрагменты пластинок и пластин с крутой и полукрутой ретушью края, микрорезцы. В сравнении с Ладыжино 3-3 финальнопалеолитические («аренбургские») черты Ладыжино 3-1 представляются ослабленными, хотя на фоне инвентарей большинства иеневских памятников их можно считать отчетливо выраженными.

При сравнении комплекса Ладыжино 3-1 с планиграфически вычлененным комплексом стоянки на соседнем памятнике Ладыжино 3А (рис. 4, 36–48) (см. выше) отмечается, что в группе нуклеусов последнего больше доля экземпляров, с которых, кроме отщепов, скальвались и пластины; заметна большая регулярность оживления поверхностей площадок, систематичность ретуши их кромок. Меньше средние размеры пластинчатых сколов. Отбойники единичны, раздробленные отсутствуют, что косвенно указывает на

использование иных, чем в Ладыжино 3-1, приемов расщепления. Группы скребков аналогичны. Среди резцов выше доля орудий на сломе заготовки. Наконечники в Ладыжино 3А только с боковой выемкой, в том числе трапециевидные; острое одно ориентировано на проксимальный конец заготовки. Имеются «настоящая» крупная широкая трапеция (рис. 4, 42); острое с притупленным краем; рубящие орудия на сколах, обработанные частичной ретушью. Сходство Ладыжино 3А и 3-1 и принадлежность к одной культуре не вызывают сомнения, но выраженных финальнопалеолитических признаков в Ладыжино 3А уже не отмечается.

Принимая во внимание установленные тенденции развития культур Лингби, Аренсбург, Фосна-Хенсбака в финальном палеолите — мезолите севера Средней Европы (Taute, 1968, S. 212–231, 234–242, 280–282 и др.), сравнительные характеристики инвентарей более или менее надежно датированных стоянок иеневской культуры, следует считать, что комплексы Ладыжино 3-3, 3-1, 3А отражают последовательные изменения этой культуры в микрорегионе. Присутствие в комплексах (особенно Ладыжино 3-3) незначительной посторонней примеси не исключается. Их возраст подлежит уточнению, преемственность не вызывает сомнения. Поэтому автор не видит оснований для отнесения комплексов с выраженными финальнопалеолитическими признаками (Ладыжино 3-3, Ростиславль и т. п.) к какой-то особой («протоиеневской») культуре.

Следует отметить, что «выделение» (различение) самой иеневской культуры справедливо только для территории Волго-Окского бассейна. Типологические понятия, используемые в археологии финального палеолита — мезолита лесной зоны Восточной Европы, не позволяют определить, чем различаются (и различаются ли) иеневская, песочноровская, гренская и другие родственные культуры, «выделенные» в границах крупных водных бассейнов отчасти по

территориальному признаку, отчасти интуитивно, с опорой на комплексы, единство которых в большинстве случаев проблематично. Не приспособлены они и для определения различий между финальным палеолитом и мезолитом, а тем более между разновременными комплексами археологической культуры. По этой причине (как и по причинам малочисленности достоверно единых комплексов и надежных датировок) периодизация памятников иеневской культуры представляется делом будущего. В настоящее время возможно установить лишь некоторые тенденции развития культуры, которые наиболее четко должны проследиваться внутри микрорегиональных групп памятников. Попытку периодизации, осно-

ванную на признаке наличия/отсутствия в комплексах трапещей (Сорокин, 2004, с. 172, 173), нельзя признать убедительной, т. к. критерии, по которым ее автор различает некоторые разновидности острий с боковой выемкой (наконечников) и трапещей, неясны, а ряд сравниваемых комплексов неоднороден как в хронологическом, так и в культурном отношении.

Вышеизложенное позволяет наметить следующие приоритетные направления в изучении памятников иеневской культуры: 1. выяснение и сравнительная характеристика структуры культурных отложений на памятниках; 2. вычленение в культурных горизонтах зон, связанных признаками структурного единства зале-

гающих в них изделий и объектов (пространственными, прежде всего планиграфическими; хронологическими; а также типологическими, технологическими, функциональными), т. е. культурных слоев, каждый из которых «равен одному поселению» (Амирханов, 2000, с. 43); 3. типологическая классификация изделий иеневской культуры; 4. технологический анализ комплексов продуктов расщепления иеневской культуры; 5. разведка в зонах зандров памятников, содержащих пригодный для радиоуглеродного датирования материал, независимые радиоуглеродные и палинологические исследования на этих памятниках; 6. исследования почв на памятниках иеневской культуры.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Грант № 06-06-80066-а. Археологические исследования на памятниках, отмеченных в тексте *, проводились совместно с Е. В. Леоновой, отмеченных ** — при участии Н. В. Фролова и С. Б. Коннова. Радиоуглеродные исследования выполнены Л. Д. Сулержицким

(ГИН РАН), палинологические — Е. А. Спиридоновой (ИА РАН), исследования почв на территории Ладыжино 3 и 3А — М. А. Бронниковой, О. А. Фишкис (ИГ РАН), Н. В. Фироновой (биофак МГУ).

² Автор благодарит за консультацию А. Л. Александровского.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аверин В. А., 2002. Иеневский слой торфяникового поселения Становое 4 // ТАС. Вып. 5.
 Александровский А. Л., 2003. Зоотурбации и эволюция почв // Проблемы эволюции почв. Мат. IV Всерос. конф. Пушкино.
 Амирханов Х. А., 2000. Зарайская стоянка. М.
 Гиря Е. Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. СПб. Ч. 2.
 Жилин М. Г., Кравцов А. Е., 1991. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород.
 Жилин М. Г., Кравцов А. Е., Леонова Е. В., 1998. Мезолитическая стоянка Беливо 6В // Тр. ГИМ. Вып. 96.
 Жилин М. Г., Фролов А. С., 1981. Мезолитическая стоянка Ладыжино 3 (по материалам раскопок 1976 и 1977 гг.) // СА. № 2.
 Зализняк Л. Л., 1989. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев.
 Зализняк Л. Л., 1991. Население Полесья в мезолите. Киев.
 Зарецкая Н. Е., Успенская О. Н., Жилин М. Г., 2002. Возраст

и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое 4 (Ивановская область) // ТАС. Вып. 5.
 Кольцов Л. В., Жилин М. Г., 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. М.
 Кравцов А. Е., 1999. Некоторые результаты изучения иеневской мезолитической культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980-х-1990-х гг.) // Тр. ГИМ. Вып. 103.
 Кравцов А. Е., 2004. Об источниках для изучения волго-окского мезолита и некоторых принципах их анализа // Проблемы каменного века Русской равнины. М.
 Кравцов А. Е., Коннов С. Б., 2002. Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.) // ТАС. Вып. 5.
 Кравцов А. Е., Агеева К. Е., 2006. Находки финальнопалеолитического облика на стоянке Ладыжино 3 в Калужской области (к проблеме единства археологического комплекса) // Тр. ГИМ. Вып. 158.
 Кравцов А. Е., Леонова Е. В., 1992. Новые исследования стоянки Дальний Остров в Подмосковье // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.

- Кравцов А. Е., Лозовский В. М., Спиридонова Е. А., 1994. Материалы к обоснованию возраста стоянки Черная 1 // Тр. ГИМ. Вып. 85.
- Кравцов А. Е., Луньков В. Ю., 1994. Новая мезолитическая стоянка в западной части Мещерской низменности // РА. № 2.
- Кравцов А. Е., Спиридонова Е. А., 1996. О возрасте и природном окружении стоянок иеневской культуры в Тверском Поволжье // ТАС. Вып. 2.
- Леонова Е. В., 1998. Планиграфический анализ «дюнных» мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Лисицын С. Н., 2002. Технология расщепления кремня на финальнопалеолитической стоянке-мастерской Аносово 1 // ТАС. Вып. 5.
- Сидоров А. В., Энговатова А. В., 1992. Отчет о работах Подмосковной экспедиции в 1992 году // Архив ИА РАН. Р.-1. № 17772.
- Сидоров В. В., Жилин М. Г., 1975. Мезолитическая стоянка Дальний Остров в Подмосковье // СА. № 2.
- Сорокин А. Н., 1990. Бутовская мезолитическая культура. М.
- Сорокин А. Н., 1991. Новые данные по мезолиту реки Оки // Кравцов А. Е., Сорокин А. Н. Актуальные вопросы волго-окского мезолита. М.
- Сорокин А. Н., 2004. О мезолите Волго-Окского бассейна // Проблемы первобытной археологии Евразии: К 75-летию А. А. Формозова.
- Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., 1996. Периодизация мезолита Волго-Окского междуречья по палинологическим данным // Палинология в России. М.
- Третьяков П. Н., 1950. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн // МИА. № 13.
- Трусов А. В., 2004. Финальнопалеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья: Мат. науч. семинара. М.
- Трусов А. В., Энговатова А. В., Панченко К. И., 2004. Настасьино 2 и 4 — стоянки иеневской культуры на реке Северке (Московская обл., Коломенский р-н) // Археология Подмосковья: Мат. науч. семинара. М.
- Laplace G., 1964. Essai de Typologie Sistématique // Paleontologia Umana e Paleoetnologia. Ferrara.
- Taute W., 1968. Die Stielspitzen-Gruppen im Nördlichen Mitteleuropa. Köln.

Костяная индустрия Верхнего Поволжья в начале мезолита

До начала 1990-х гг. мезолит Верхнего Поволжья, как и большей части Русской равнины, был представлен почти исключительно стоянками, на которых не сохранились изделия из органических материалов. Работами Верхневолжской экспедиции ИА РАН под руководством автора с 1989 по 2004 г. было открыто 15 торфяниковых мезолитических памятников с хорошей сохранностью изделий из кости, рога и других органических материалов, 12 стоянок было изучено раскопками (Жилин, 1996; 1997; 2001; 2004; Жилин и др., 2002). В результате этих работ получены обширные коллекции разнообразных изделий из кости и рога из опорных памятников мезолита Верхнего Поволжья. Значение костяных и роговых орудий для эпохи мезолита чрезвычайно велико, поскольку многие из них не имеют аналогов из камня. Кроме того, как показали раскопки мезолитических торфяниковых стоянок, именно из кости и рога изготавливалась большая или очень значительная часть оружия и орудий труда в мезолите многих регионов лесной зоны Европы и Зауралья. Из этих материалов сделаны и различные произведения искусства, которые на большинстве стоянок на минеральных грунтах совершенно неизвестны.

Наиболее ранним мезолитическим памятником Верхнего Поволжья

является нижний (IV) культурный слой стоянки Становое 4 в Комсомольском районе Ивановской области. Палинологический анализ относит время формирования этого слоя к концу позднего дриаса (Алешинская, 2001). Около $10\,300 \pm 70$ (ГИН-10012) лет назад (все радиоуглеродные даты в настоящей статье некалиброванные) эта стоянка была затоплена в результате трансгрессии палеозера. Даты образцов сапропеля и ила: $10\,060 \pm 120$ (ГИН-10127 I), $10\,040 \pm 90$ (ГИН-10027 II), $9\,970 \pm 50$ (ГИН-10026 I), $9\,940 \pm 50$ (ГИН-10026 II), $9\,850 \pm 60$ (ГИН-8379) $9\,690 \pm 230$ (ГИН-10112 II) определяют продолжительность этой трансгрессии (Зарецкая, Успенская, Жилин, 2002). Нижний слой вскрыт на площади около 500 м^2 , раскопана часть стоянки, занимавшей низкий берег протоки, соединявшей залив крупного озера с маленьким озерком, и часть шлейфа культурного слоя в озерных отложениях.

Следующий этап раннего мезолита представлен нижним (IV) слоем стоянки Ивановское 7 в Переславском районе Ярославской области. Палинологический анализ относит время формирования этого слоя к началу пребореального периода голоцена (Алешинская, Спиридонова, 2002). Радиоуглеродные даты по обработанной кости $9\,650 \pm 110$ (ГИН-9520) и необработанной древесине

$9\,640 \pm 60$ (ГИН-9516) лет назад из этого слоя определяют время заселения стоянки, которая также была затоплена в результате трансгрессии палеозера. Даты начала этой трансгрессии, полученные по образцам сапропеля из нижней части перекрывающих культурный слой озерных отложений $9\,690 \pm 120$ (ГИН-9367), $9\,500 \pm 110$ (ГИН-9517) и $9\,500 \pm 100$ (ГИН-9385) л. н. (Жилин и др., 2002, с. 23). Нижний слой этой стоянки вскрыт на площади 492 м^2 , исследована центральная часть стоянки, частично ее периферия и шлейф культурного слоя в озерных отложениях. Оба памятника относятся к раннему этапу бутовской культуры.

Как показали палинологические и остеологические исследования (Алешинская, 2001; Жилин, 2004; Карху, Кириллова, Жилин, 2003) население, оставившее нижние слои стоянок Становое 4 и Ивановское 7 жило в условиях лесного окружения. Основными объектами охоты были лось и бобр, составляющие 62,4% костей млекопитающих в Становом 4 и 73,6% костей млекопитающих в Ивановском 7. В значительно меньшем количестве, вероятно, от случая к случаю добывались бурый медведь, барсук, заяц, косуля, выхухоль, куница, выдра, волк, лисица, норка, хомяк, белка. Кости северного оленя составляют 0,5% костей млекопитающих в нижнем слое Ивановского 7, а

в нижнем слое Станового 4 отсутствуют. В обоих памятниках значительной серией костных остатков представлена домашняя собака. Среди птиц доминируют различные водоплавающие, представлена боровая дичь и дневные хищники. Прочие виды единичны. Среди рыб доминирует щука, составляя 71,9% в Становом 4 и 84,3% в Ивановском 7. В значительно меньшем количестве в зависимости от специфики водоема добывались окунь, ряпушка, сиг. Единичными костями представлены судак, лещ, линь, карась, плотва, налим, язь, ерш. Оба памятника функционировали в теплое время года, что, возможно, повлияло на состав охотничьей добычи и уловов.

Хорошая сохранность органических материалов и значительная раскопанная площадь дали возможность получить представительные коллекции изделий из кости и рога и отходов их производства на обоих памятниках. Сырьем для изготовления орудий служили, главным образом, длинные трубчатые кости конечностей лося, а также его рога. Прочие кости использовались значительно реже, как правило, для изготовления определенных изделий, для которых они наиболее подходили. В первичной обработке кости применялись рубка, отеска, раскалывание и разрезание кости и рога. Вторичная обработка включала оббивку и ретушь, резание, скобление, строгание, пиление, сверление, абразивную обработку, гравировку и полировку поверхности (Жилин, 2001). Перед обработкой кость вымачивалась, возможно, и распаривалась. В нижнем слое Ивановского 7 был найден «клад» из трех трубчатых костей лося, на двух намечены кремневым резчиком линии для последующего продольного разреза на половинки. Кости были зарыты почти вертикально вплотную друг к другу в прибрежной части стоянки явно ниже уровня грунтовой воды, вероятно, для вымачивания перед разрезанием.

Заготовки получались несколькими основными способами. В первом

случае трубчатые кости раскалывались с последующей оббивкой от краев в сторону внутренней поверхности кости, в результате получались довольно широкие крупные плоские заготовки. Второй способ заключался в продольном разрезании кости на пластины заданной ширины (рис. 1, 1) кремневым резцом или резчиком. После прорезания пазов кость раскалывалась по надрезам при помощи клина и пластина отделялась. Часто при этом заготовка ломалась. Рог надрубался с двух сторон до губчатой массы, после чего обламывался по надрубам. Сломом по надрезу, как правило, удалялись лишние части при изготовлении орудий из других костей, например, широких ножей из лопаток. После чистовой обработки тонким строганием нередко костяные изделия, особенно оружие, полировались при помощи куска кожи или шкуры. Следы на некоторых костяных орудиях указывают на применение шкуры, посыпанной мелким песком — прообраза современной «шкурки». Отверстие в муфтах и выпрямителях прорезалось с двух сторон до губчатой массы, которая выдалбливалась узкой костяной стамеской или выбиралась резцом из нижней челюсти бобра. Перед обработкой рог замачивался, что делало его мягким и податливым. Материалы нижних слоев стоянок Становое 4 и Ивановское 7 показывают, что все основные способы обработки кости были освоены населением Верхнего Поволжья уже в раннем мезолите.

Охота, являвшаяся основным занятием населения Верхнего Поволжья в начале мезолита, требовала надлежащего оружия. Уже в нижнем слое Станового 4 оно достаточно хорошо представлено. Прежде всего, это костяные узкие уплощенные составные наконечники стрел с одним или двумя пазами для вкладышей по краям. Найдено 5 таких наконечников, в двух сохранились и сами вкладыши — кремневые микропластинки очень правильной огранки, полученные отжимной техникой (рис. 1, 3, 4). Наряду с ними встречен подоб-

ный наконечник без пазов (рис. 1, 2). О том, что это не заготовка, говорят следы попаданий на острие и остатки черной смолы со следами обвязки на насаде. Технология изготовления таких наконечников проста — строгальным ножом заострялись концы пластины-заготовки, выравнивались края, и — наконечник готов. Составным наконечникам резанием и скоблением придавалась более правильная форма с максимальным расширением у перехода пера в насад и очень плавным сужением к острию, затем кремневым резчиком прорезались по краям пазы, и только после этого проводилось чистовое выстругивание. Примечательно, что на 6 костяных наконечников приходится только один кремневый. Значительное преобладание костяных наконечников над каменными характерно для всех памятников бутовской культуры, на которых сохранились изделия из органических материалов.

В нижнем слое Ивановского 7 представлены обломки подобных наконечников и появляются новые типы и варианты костяных наконечников стрел. Найден целый узкий уплощенный наконечник с двумя пазами с сохранившимися вкладышами с коротким, но достаточно отчетливо выделенным насадом (рис. 1, 9). В пазах сохранилось темное клеящее вещество. Анализ под микроскопом, проведенный автором, показал, что в состав клея, вероятно, входит хвойная смола, пчелиный воск и угольная пыль. Этим клеем заполнялись пазы, затем основа нагревалась, и в расплавленный до полужидкого состояния клей погружались микропластинки. Примечательно, что часть из них подправлена по краю мельчайшей ретушью, в то время как другие оставлены без обработки. Вероятно, это сделано для выравнивания составного лезвия уже после установки вкладышей в оправу.

В нижнем слое Ивановского 7 встречена серия игловидных наконечников стрел. Большинство из них тонкие длинные, один с маленькой «шишечкой» на острие (рис. 1, 5), у

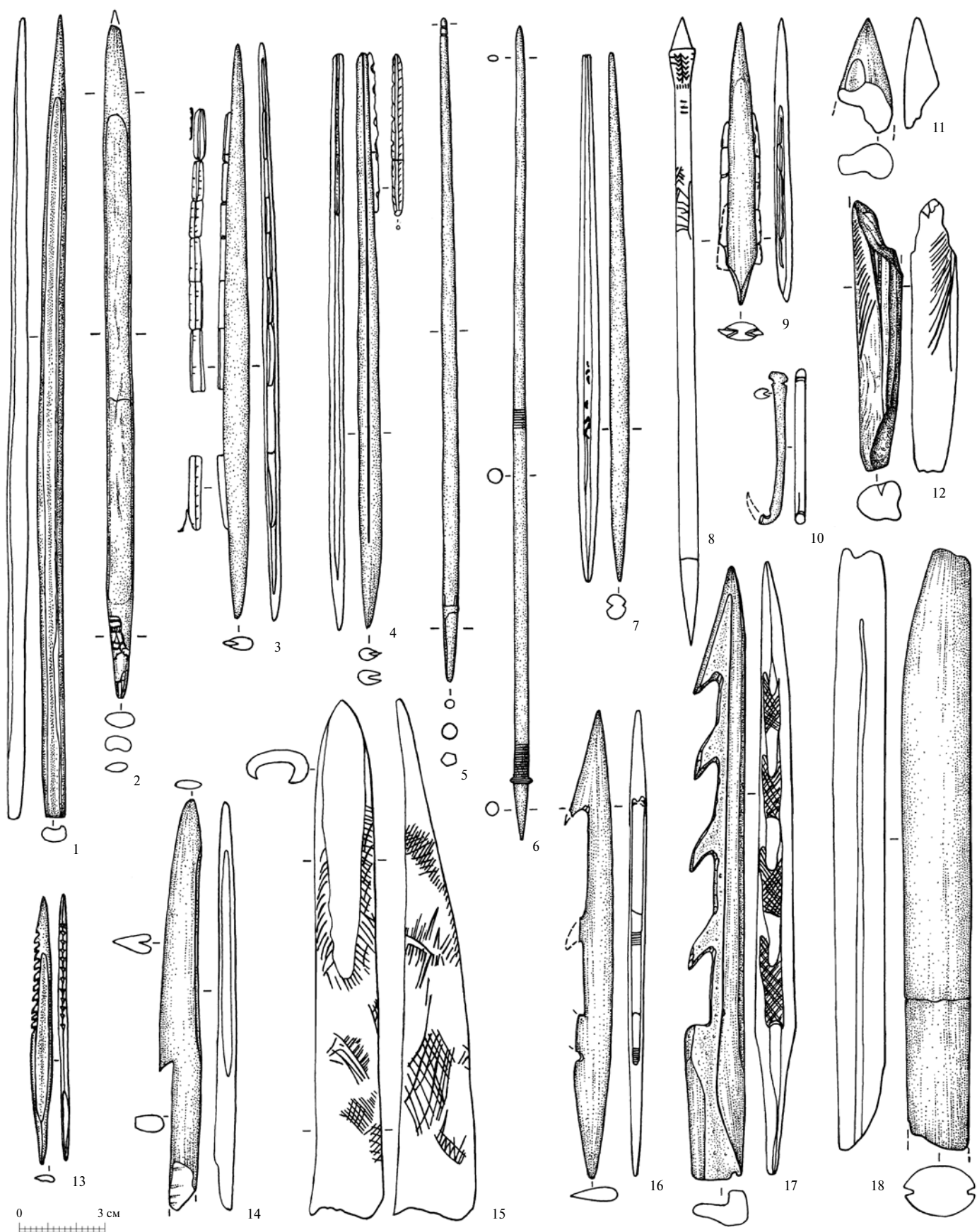

Рис. 1. Предметы вооружения и орудия промысла из кости.
 1, 5–9, 10, 12–17. Ивановское 7, нижний слой; 2–4, 11, 18. Становое 4, нижний слой.

другого сделан рельефный поясок-упор при переходе стержня в насад (рис. 1, 6). В этом же слое найдена узкая длинная пластина-заготовка наконечника стрелы, вырезанная из трубчатой кости. Один конец ее заострен продольным строганием (рис. 1, 1). Резцом и скобелем подобным заготовкам придавалась форма игловидного наконечника, чистовая обработка велась продольно строгальным ножом. Один игловидный наконечник из нижнего слоя Ивановского 7 орнаментирован на стержне очень тонкой разреженной опоясывающей спиралью, гравированной углом сломанной пластинки или отщепа после чистового строгания, а затем отполирован до зеркального блеска. В средней части стержня другого наконечника, и перед рельефным пояском-упором после чистового строгания перед полировкой нанесены короткие отрезки опоясывающей спирали с очень плотными тонкими витками (рис. 1, 6). Анализ техники выполнения этого орнамента позволяет говорить о применении токарного станка (Жилин, 2001, с. 62). Серия игловидных наконечников из этого слоя снабжена длинным продольным пазом для вкладышей (рис. 1, 7). В нижнем слое Ивановского 7 найден длинный наконечник стрелы с короткой биконической головкой правильной формы с уступом в сторону острия в средней части головки (рис. 1, 8). В нижней части головки выгравирован орнамент из трех фигур в виде елочки вершиной к насаду, опоясывающий головку. Фигуры разделены парными поперечными отрезками линий, на переходе головки в стержень поясок коротких продольных линий, а ниже — три группы коротких поперечных линий. После нанесения орнамента поверхность наконечника, кроме насада, отполирована до зеркального блеска. В верхней части стержня после полировки нанесен неясный рисунок из тонких пересекающихся линий, что встречается крайне редко. Это наиболее ранний из известных наконечников с биконической головкой. В этом же

слое найдено два обломка крупных длинных однокрылых наконечников стрел с шипом на конце крыла и пазом для вкладышей на противоположном крае (рис. 1, 14). По размерам, форме насада и характеру его обработки к наконечникам стрел следует относить мелкое острие с частыми мелкими зубцами вдоль одного края (рис. 1, 13). Этот наконечник был найден воткнувшимся в озерное дно в прибрежной части стоянки. Вероятно, он попал туда в результате промаха при стрельбе из лука по крупной рыбе, скорее всего, щуке, на мелководье.

Из нижнего слоя Ивановского 7 происходят четыре массивных зубчатых наконечника дротиков или рыболовных копий (зубчатых острия): два с редкими мелкими клювовидными зубцами и одно с подобными, но частыми. Последнее острие с частыми глубокими нарезками. У всех зубцы идут вдоль одного края. Наконечники гарпунов представлены обломками плоских изделий с крупными редкими клювовидными зубцами и расширенным со стороны зубцов насадом. Найден почти целый плоский наконечник гарпуна с двумя редкими крупными клювовидными зубцами и зубцом, направленным в обратную сторону у насада (рис. 1, 16). Еще два целых наконечника гарпунов массивные с редкими крупными клювовидными зубцами и расширенным насадом (рис. 1, 17).

Наконечники копий образуют небольшую, но выразительную серию. Наиболее многочисленны обломки массивных наконечников рогатин, сделанных из продольно разрезанных трубчатых костей лося. Острие продольным строганием заточено на конус, на противоположном конце, являющимся насадом, стесан эпифиз кости. Обломки острий таких рогатин встречаются и в нижнем слое Станового 4 (рис. 1, 11). В Ивановском 7 найден обломок насада крупного массивного игловидного наконечника копья с продольным пазом для вкладышей (рис. 1, 12). В пазу сохранилось темное клеящее вещество,

такое же, как в описанном выше вкладышевом наконечнике стрелы, и обломок кремневой микропластинки. Особый интерес представляет целый втульчатый наконечник копья из Ивановского 7, сделанный из трубчатой кости млекопитающего. Боевой конец срезан наискось, края среза и большая часть поверхности изделия орнаментированы группами параллельных и пересекающихся линий и косой сеткой (рис. 1, 15). После нанесения орнамента поверхность наконечника отполирована до зеркального блеска.

Оружие ближнего боя в раннем мезолите Верхнего Поволжья представлено кинжалами и клевцами. Обломок рукояточной части длинного составного кинжала с двумя пазами для вкладышей по краям найден в нижнем слое Станового 4 (рис. 1, 18). Еще один обломок подобного, но более массивного изделия встречен в нижнем слое Ивановского 7, возможно, это был клевец. В этом же слое найдены 2 обломка лезвий плоских прямых кинжалов с пазами для вкладышей по обоим краям. Из Ивановского 7 происходят три кинжала со скошенным лезвием, один из них сделан из локтевой кости лося, два других — из трубчатых костей. Здесь же найдена изогнутая вставка клевца из отростка рога лося. Боевой конец заточен на конус, обух заужен для вставки в муфту, а в средней части на вогнутом крае сделан глубокий широкий паз для массивных вкладышей.

Орудия рыболовства помимо зубчатых острий, применявшихся для битья, главным образом, крупной щуки, включают четыре цельных рыболовных крючка из нижнего слоя Ивановского 7. Все довольно крупные с прямым тонким стержнем и выделенной головкой. Кончик острия обломан, вероятно, был без бородки (рис. 1, 10). Такие крючки предназначались для лова крупных рыб, кости которых представлены в культурном слое этой стоянки (Сычевская, 2002; Жилин, 2004).

Бытовой и производственный инвентарь нижних слоев Станового 4 и

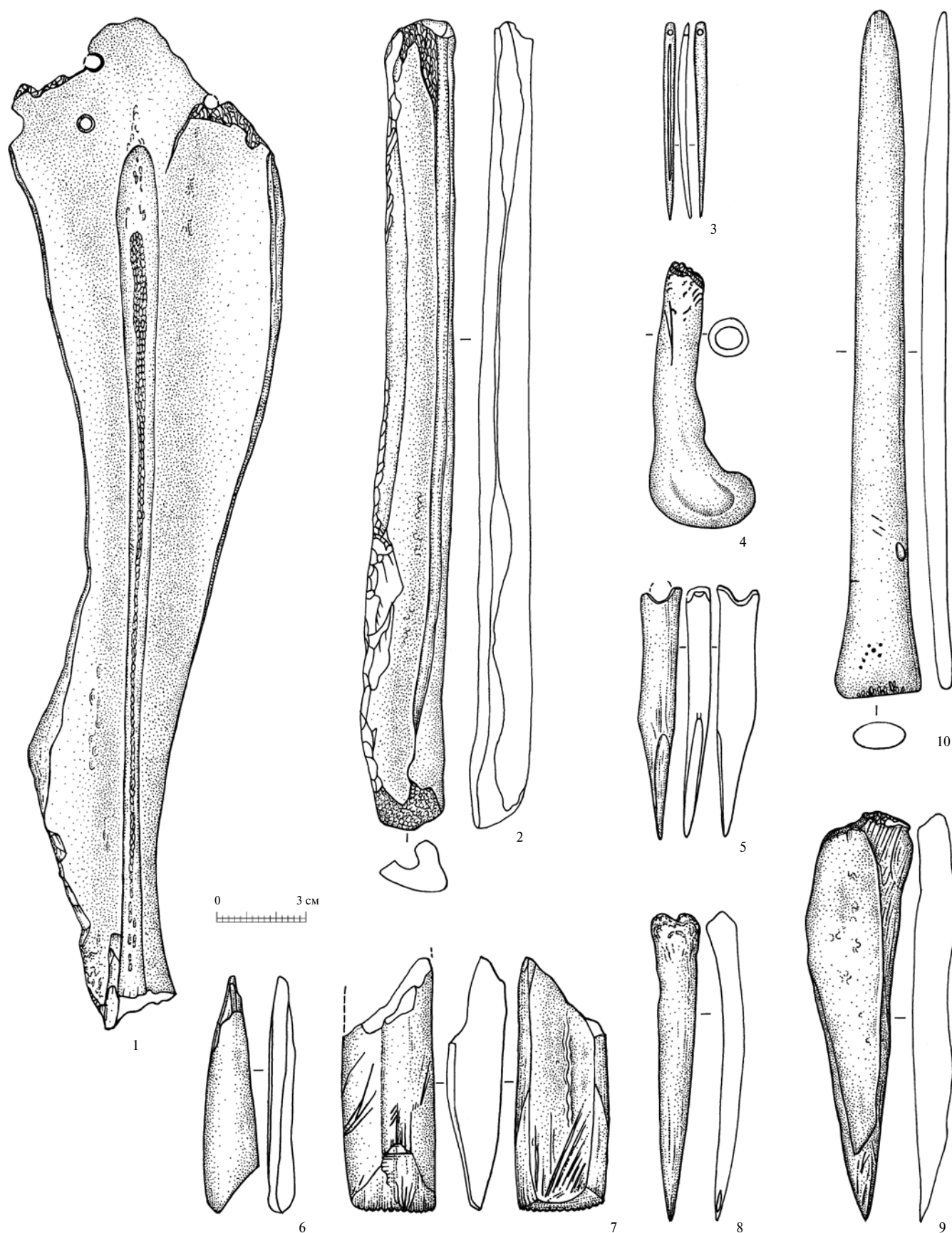

Рис. 2. Орудия для обработки шкур и растительных материалов.

1, 6, 9, 10. Становое 4, нижний слой; 2–5, 7, 8. Ивановское 7, нижний слой. 9. Рог, остальное кость.

Ивановского 7 включает разнообразные изделия из кости и рога. Для очистки свежеснятой шкуры использовались широкие ножи из лопаток лося, представленные сериями в обоих памятниках (рис. 2, 1). Гребень лопатки сбивался каменным отбойником, после чего края сколов подправлялись резцом или скобелем. Эпифиз кости чаще удалялся, края сколов выравнивались ударной ретушью и заглаживались. Один или оба боковых края приострялись продольным строганием, образуя лезвия. Шкура обрабатывалась на бревне, нож держали двумя руками, в результате интенсивнее срабатывалась середина лезвия. В результате неоднократных подправок оно становилось вогнутым. На дистальном конце некоторых ножей просверлены парные отверстия. Для обработки шкуры применялись струги, также встреченные в обоих памятниках. В качестве стругов использовались ребра животных без вторичной обработки с характерным износом от длительной работы. Второй тип стругов изготавливался из пластин, продольно вырезанных из трубчатых костей лося. Один край пластины оставался тупым и служил обушком орудия, а другой приострялся продольным строганием, образуя лезвие (рис. 2, 2). Стругами работали также на бревне, держа орудие двумя руками. В результате износа и подправок лезвие становилось вогнутым. В Ивановском 7 найден еще один струг из цельной трубчатой кости лося, в средней части которой пробито удлиненное отверстие. Один край его приострен продольным строганием и служил лезвием, а другой выровнен ударной ретушью. Таким орудием также работали двумя руками, прикладывая значительное усилие. Струг этого типа снимал мездру тонкой стружкой наподобие рубанка. Для работы по шкуре в Ивановском 7 использовались и желобчатые концевые скребки из трубчатых костей. Они отличаются от долот мелкими зубчиками, аккуратно вырезанными на рабочем крае (рис. 2, 7) и следами

сработанности, характерными для скребков. Для прокалывания и расширения отверстий в шкуре на обеих стоянках применялись шилья из грифельных костей лося (рис. 2, 8) и обломков трубчатых костей (рис. 2, б). В Становом 4 найдено массивное шило из отростка рога лося (рис. 2, 9). Раскроенные шкуры сшивали при помощи иголок с ушком. В Ивановском 7 найдена целая игла из шипа спинного плавника судака (по определению Е. К. Сычевской), ушко прорезано с двух сторон (рис. 2, 3). Иглы хранились в игольниках из трубчатых костей с сохраненным эпифизом. Такой игольник (рис. 2, 4) из кости собаки (по определению И. В. Кирилловой) встречен в Ивановском 7. Острие из грифельной кости лося с обломанным отверстием в тыльной части из Ивановского 7 могло служить иглой для вязания сетей (рис. 2, 5). Следов работы, характерных для шильев, на нем не обнаружено, а грузила для сетей с отпечатками обмотки встречены в этом слое. Для обработки растительных волокон, наиболее вероятно, крапивы, служили плоские ножи с тупым концом из Станового 4 (рис. 2, 10). Яркая заполировка и характерные линейные следы располагаются по обоим краям этих ножей.

Жизнь в лесном окружении требовала различных деревообрабатывающих орудий. Для обработки дерева в нижних слоях Станового 4 и Ивановского 7 использовались, наряду с каменными рубящими орудиями и роговые вставки топоришков и тесел (рис. 3, 3, 4, 6, 7) с плоским обухом, прямоугольным в плане. Для закрепления этих вставок и увеличения веса орудия служили роговые муфты (рис. 3, 8–10), форма и размеры паза которых точно соответствуют обухам роговых клинков. В отверстиях одной муфты из Станового 4 (рис. 3, 9) был найден фрагмент сломанной рукоятки, наиболее вероятно, из ивы. На треснувшем рабочем конце этой муфты резцом вырезана полая канавка, вероятно, для обвязки с целью предохранения муфты от дальнейше-

го раскалывания. Такая же канавка вырезана на рабочем конце расколовшейся муфты из Ивановского 7 (рис. 3, 10). У другой муфты из Станового 4 откололся боковой край, в результате чего обнажился паз для клинка (рис. 3, 8). В Ивановском 7 найдено 32 обломка желобчатых долот из трубчатых костей лося (рис. 3, 5) и две стамески с прямым лезвием. Здесь же встречены две роговые вставки кирок.

Серия орудий из половинок нижних челюстей бобра с удаленным входящим отростком применялась для резания и строгания дерева на обоих памятниках. Лезвием служила кромка резца, а тело челюсти — рукояткой. У большинства орудий вскрыт боковой край резца, кромка эмали продольно подточена кремневым резцом, у некоторых пробито отверстие у основания суставного отростка (рис. 3, 1). По мере срабатывания боковое лезвие тупилось и подправлялось, угол заточки становился круче, что делало его непригодным для строгания, и под конец эти орудия нередко служили для скобления кости. Такие орудия определяются как резцы-ножи-скобели (Жилин, 2001, с. 144–146). Некоторые из них дополнительно использовались в качестве ретушеров-отжимников.

Для скалывания пластин с нуклеусов в Становом 4 и Ивановском 7 применялись посредники из отростков рога лося. Для получения пластин и ретуширования орудий применялись роговые отжимники в виде стержня (рис. 4, 3, 4). В Становом найден ретушер-отжимник с двумя рабочими концами, сделанный из роговой пластины (рис. 4, 5), а в Ивановском 7 — массивный изогнутый ретушер из отростка рога (рис. 4, б). В этой же стоянке встречено 4 роговых выпрямителя с отверстиями. Первый служил также ретушером (рис. 4, 1), а другой переделан из вставки тесла (рис. 4, 2).

Из украшений в нижнем слое стоянки Становое 4 найден диск из расщепленного рога лося, края его затуплены ретушью и заглажены, в

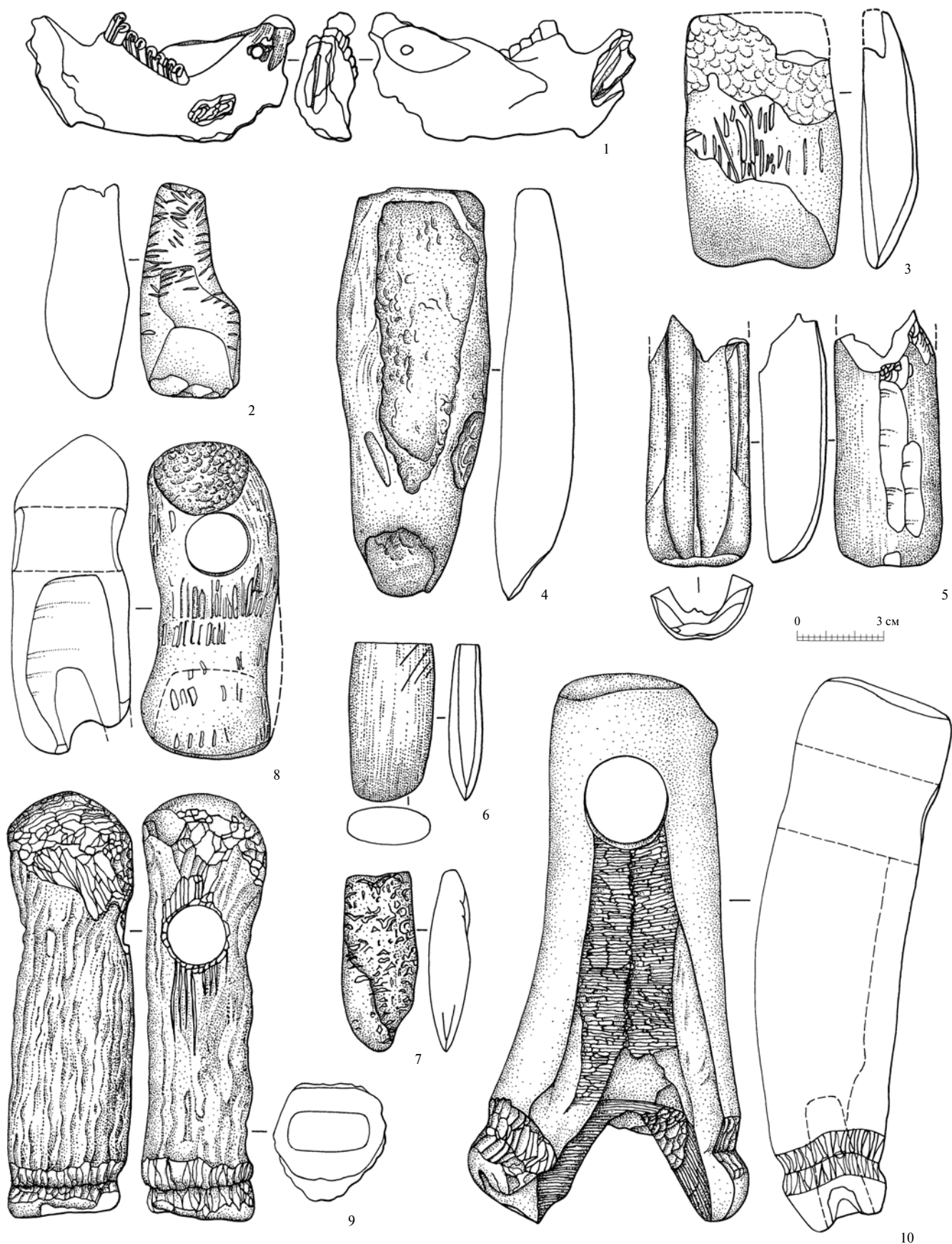

Рис. 3. Орудия для обработки дерева.

1, 2, 7–9. Становое 4, нижний слой; 3, 6. 10. Ивановское 7, нижний слой. 15. Кость, остальное дерево.

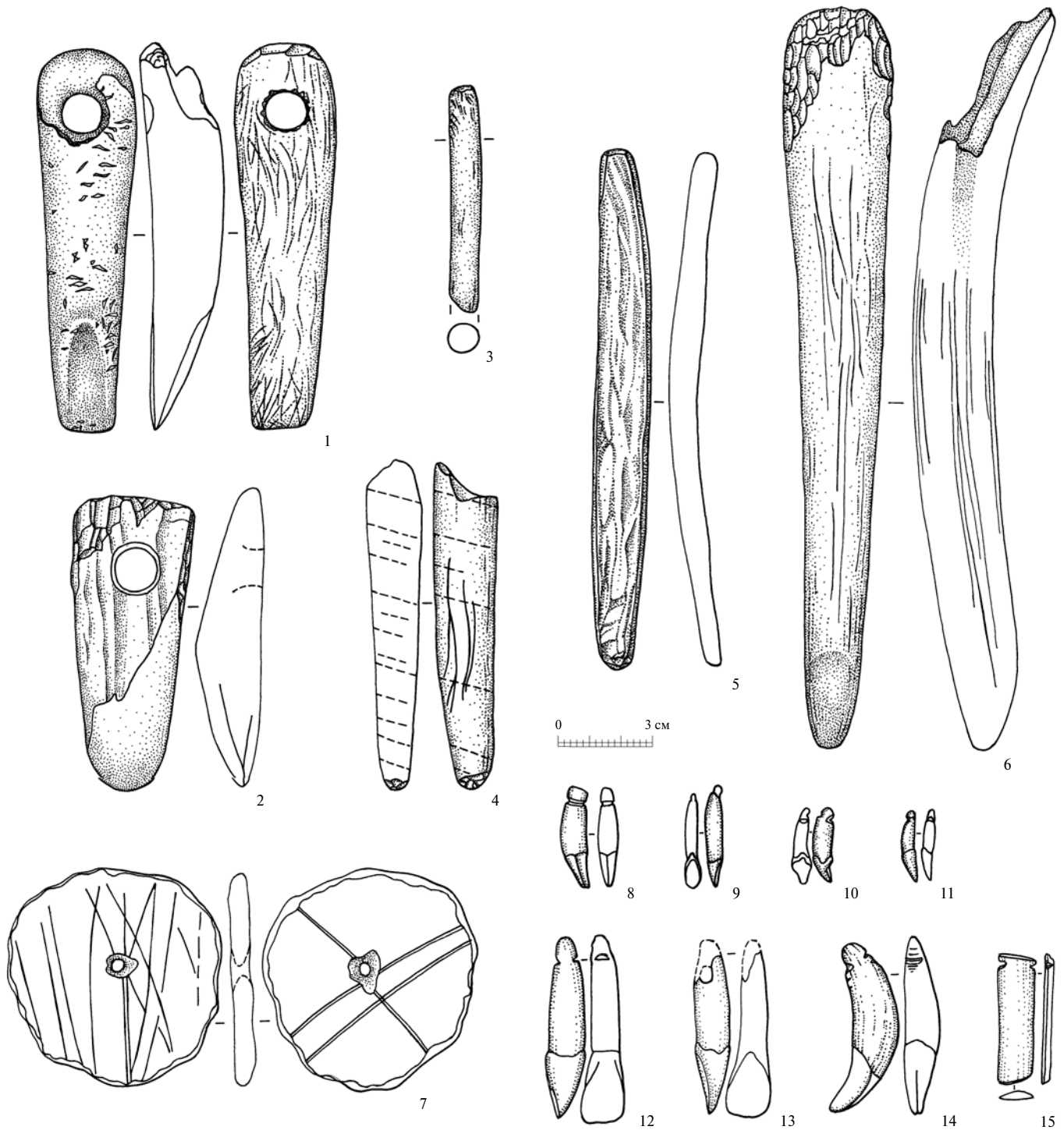

Рис. 4. 1, 2. Выпрямители, 3–6. Орудия для обработки камня; 7–15. Украшения.
1, 2, 4, 6, 8–15. Ивановское 7, нижний слой; 3, 5, 7. Становое 4, нижний слой.

центре с двух сторон процарапано отверстие, на обеих сторонах нанесен орнамент из пересекающихся линий (рис. 4, 7). В Ивановском 7 представлены подвески из резцов лося с нарезками (рис. 4, 12) и одна с про-

резанным отверстием (рис. 4, 13). Нарезками по краям на конце корня оформлены подвески из резца северного оленя (рис. 4, 9), из клыков мелких хищников (рис. 4, 8, 10, 11), молодого медведя (рис. 4, 14) и пло-

ская удлиненная из кости (рис. 4, 15).

Проведенный обзор показывает, что богатая и разнообразная костяная индустрия сложилась в основных чертах в Верхнем Поволжье уже в

самом начале мезолита. В это время уже были известны все способы обработки кости и рога и большинство типов костяных и роговых орудий и оружия. Дальнейшее ее развитие шло довольно плавно и характеризовалось постепенной заменой одних типов изделий другими при сохранении

ряда устойчивых типов орудий. Формирование этой индустрии, как и сложение типа хозяйства лесных охотников-рыболовов-собирателей в финале плейстоцена в центре Русской равнины можно расценивать как индикатор перехода от палеолита к мезолиту и успешной адаптации

населения к новым условиям существования.

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии». Проект 1.4.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алешинская А. С., 2001. Палеогеографические условия обитания древнего человека в мезолите в Волго-Окском междуречье (по палинологическим данным). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Алешинская А. С., Спиридонова Е. А., 2002. Природная среда и периодизация голоцена по стоянке Ивановское VII // Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энговатова А. В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII). М.

Жилин М. Г., 1996. Некоторые итоги раскопок стоянки Озерки 5 в 1990–1994 гг. // ТАС. Вып. 2.

Жилин М. Г., 1997. Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края. Сергиев Посад.

Жилин М. Г., 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.

Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энговатова А. В., 2002. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего

Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII). М.

Жилин М. Г., 2004. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.

Зарецкая Н. Е., Успенская О. Н., Жилин М. Г., 2002. Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое 4 (Ивановская область) // ТАС. Вып. 5.

Карху А. А., Кириллова И. В., Жилин М. Г., 2003. Охотничий промысел древнего населения стоянки Ивановское 7 // Антипина Е. Е., Черных Е. Н. (ред). Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В. И. Цалкина. М.

Сычевская Е. К., 2002. Состав промысловых уловов и характер рыбного промысла у жителей поселения Ивановское 7 // Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энговатова А. В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII). М.

Заболотский торфяник: находки и проблемы

Заболотский торфяник располагается в 100 км к северу от г. Москвы на границе Сергиев-Посадского и Талдомского р-нов Московской области, в среднем течении р. Дубны, на южной окраине Верхневолжской низменности. В эпоху максимума валдайского оледенения эта территория была покрыта водами Тверского приледникового озера, северная граница которого была ограничена ледником и находилась на левобережье нынешней Волги, а южная — склонами Клинско-Дмитровской гряды, которая запирала сток ледниковых вод на юг. Отступление Валдайского ледника привело сначала к падению уровня, а позднее — и к исчезновению Тверского приледникового озера. В процессе обсыхания Верхневолжской низменности в ее юго-восточной части около 15–14,5 тыс. л. н., на вепсовской стадии валдайского оледенения, произошло формирование цепочки озер, дренируемых руслом р. Пра-Дубны. Одним из них и было Заболотское палеозеро.

Палеорельеф и естественная история исследуемой территории характерны для многих приледниковых районов Северной Европы, а памятники, расположенные на торфяниках, как объекты изучения обладают особой исследовательской ценно-

стью в связи с их уникальностью и высокой информативностью. Для них характерны ненарушенная толща с четкой стратиграфией, хорошая сохранность органических остатков, включая древесину, растительные волокна, кость и рог, наличие погребений людей, обилие находок и их последовательное залегание, присутствие ярко выраженных ранне-среднеголоценовых погребенных почв. Погребенные почвы и мощная торфяная толща служат источниками информации о природной среде и ее изменениях в течение всего голоцена. Данное обстоятельство повышает информативность и самих археологических источников.

В ходе работ 1996–2002 гг. на Заболотском торфянике наиболее интересные результаты получены на многослойной стоянке и могильнике Замостье 5 и стоянке-могильнике Минино 2. Они располагаются по обоим берегам р. Дубны на расстоянии в 150 м друг от друга.

Стоянка и могильник Замостье 5

Памятник приурочен к правому искусственному берегу р. Дубны, в 100 м к югу от устья р. Сулать (рис. 1). Это один из самых уникальных памятников Русской равнины.

Достаточно сказать, что здесь обнаружено максимальное для равнинных территорий число культурных слоев — не менее девяти, а общая мощность напластований составляет около 3 м. Общая площадь раскопа равняется 120 м², до материка прокопана лишь половина из них.

Самый верхний слой делювиального происхождения содержит перетолженные разновременные находки. Слои 2–4 связаны с суходольными отложениями и представляют собой жилые площадки поселений эпохи развитого неолита–бронзы. Наиболее выразителен среди них слой позднего этапа льяловской культуры, включающий пласт кухонных куч с развалами десятков сосудов, скоплениями костей, раковин и обожженных камней. Численно преобладают костяные орудия, на их фоне кремневые орудия немногочисленны, хотя исчисляются сотнями и дают весь «поселенческий спектр». Наличие в «льяловском горизонте» раковинных пластов, образующих особые мергелевые прослои, создает четкую стратиграфию и дает основание объективной периодизации материалов льяловской культуры. На «льяловский горизонт» спроецирован могильник волосовской культуры, в котором исследовано пять погребений (рис. 2). Достоверного инвентаря

1

2

*Рис. 1. Стоянка и могильник Замостье 5.
Рис. 2. Замостье 5. Погребение волосовской культуры.*

при погребенных нет, однако рядом с костяками встречены типичные волосовские костяные подвески, кремневые фигурки и двусторонние наконечники стрел листовидной и черешковой формы. По данным микроэлементного анализа, предоставленных М. В. Добровольской, женщины питались рыбой и продуктами зоособирательства (моллюски, ракообразные, насекомые). Мужской рацион состоял из мяса наземных позвоночных, хотя растительный компонент также присутствовал.

Отсутствие признаков могильных ям и наличие волосовских погребений в льяловском культурном слое позволяют говорить о проблеме негативного почвенного воздействия и влиянии процессов заболачивания на переработку и трансформацию структуры слоя. Эти природные процессы неизбежно сказываются и на интерпретации археологических данных.

Под суходольными отложениями залегают слои и прослойки водно-аккумулятивного генезиса (слои 5–9). Они включают ранние льяловские, верхневолжские и мезолитические находки. Самый нижний культурный слой с изделиями рессетинской культуры лежит непосредственно на поверхности алеврита — дне ледникового озера и перекрывается слоем с находками бутовской культуры. Основываясь на материалах Замостья 5 и Минино 2, можно вполне определенно говорить о предшествовании материалов рессетинской культуры бутовским. Таким образом, эти памятники, помимо прочего, важны для решения вопроса о соотношении названных культур.

Для суходольных слоев Замостья 5 актуален поиск прибрежных участков и шлейфов, для водных — первоочередной проблемой является поиск синхронных им суходолов. Важность решения этих задач определяется значительными различиями в составе артефактов.

Насыщенность находками ранне-неолитических и мезолитических слоев невысока, но они чрезвычайно информативны. Наибольший интерес

представляет найденная в горизонте VII уникальная деревянная конструкция (рис. 3), исследование которой проводилось в 1996, 1997 и 2002 гг. Постройка представляет собой деревянный помост из плотно уложенных березовых жердей, опирающихся на две продольные лаги. Длина первой из них составляет около 5,2 м, но она оказалась частично уничтоженной при спрямлении русла р. Дубна. Вторая продольная лага прослежена лишь фрагментарно. Видимая ширина сооружения составляет около 2,5 м, а длина четырех уцелевших полностью поперечных лаг составляла не менее 4,5 м. Толщина продольных и поперечных лаг около 10 см. Все сучки на них удалены. Истинную протяженность сооружения установить не удалось, так как западная часть срезана каналом (русло р. Дубна), а восточная — уходит в стенку раскопа. Прирезка в восточном направлении требует вскрытия чрезвычайно насыщенных материалом шести верхних культурных слоев, прирезка к западу более проблематична: при спрямлении русла р. Дубны была уничтожена полоса шириной не менее 10–12 м, но шанс найти на современном левом берегу реки остатки конструкции все же существуют. В перспективе здесь необходимо заложить раскоп площадью около 30 кв. м. Имеющиеся аналогии позволяют предположить, что остатки сооружения могут быть вскрыты и здесь.

Как установлено, сооружение лежит на торфяных отложениях, возраст которых по спорово-пыльцевому методу (определение Е. А. Спиридовой, ИА РАН) отнесен к бореалу. Перекрывающие помост напластования отнесены к атлантикуму. Зафиксированный перерыв в осадконакоплении вызван размывом, который четко прослеживается и в плане, и в профиле отложений. Четыре образца по ¹⁴C для помоста, полученные в лаборатории Л. Д. Сулержицкого в ГИН, определяют его возраст в 6500 и 7500 л. н. Восемь дат для перекрывающих помост отложений близки

7500 л. н., что позволяет считать две даты для помоста в 6500 л. н. омоложенными. Впрочем, судя по сопровождающим находкам из слоя, и даты в 7500 л. н., вероятно, тоже несколько омоложены. Это позволяет говорить о нем как об одном из самых древних в мире.

О назначении конструкции можно высказать несколько предположений. Длина сооружения превышает 5,2 м. Первоначальная ширина конструкции, учитывая размеры четырех длинных поперечных лаг, составляет не менее 4,5 м. Наиболее хорошо сохранившаяся и дошедшая до нас часть помоста шириной 2,5 м первоначально покоилась на древнем берегу, представлявшем собой сухопутный торф. Утраченная часть помоста шириной около 2 м нависала над водой или заболоченной поверхностью. Учитывая чрезвычайную насыщенность слоя пресноводными ракушками, можно предположить, что это было озеро или речная старица. После того, как помост перестал функционировать и начал ветшать, подгнившая конструкция упала на береговой склон и в воду. Большая часть поперечных лаг, за исключением четырех, сломалась. Те фрагменты, которые оказались в воде, всплыли и оказались смещены водой вне пределов будущего раскопа. Возможно, какая-то часть древесины, вскрытая в раскопе в 1996–1997 гг., тоже имела отношение к помосту, но к моменту раскопок она была нагромождена хаотично и уже не могла быть достоверно соотнесена с конструкцией. Однако наличие четырех поперечных длинных лаг, которые не сломались в процессе обрушения помоста, а были законсервированы отложениями (ракушечником), позволяет достоверно реконструировать ее первоначальные широтные габариты.

Все поперечные лаги своими северными концами покоились на длинной продольной (северной) лаге. Она лежала на поверхности горизонтально и никакого дополнительного крепления в пределах вскрытой части

Рис. 3. Замостье 5. Слой VII. Помост, вид с юга.

не имела. Другая (южная) продольная лага, которая сломалась и попала в воду, к моменту раскопок оказалась утрачена. Крепление поперечных лаг в конструкции происходило за счет их собственного веса и, вероятно, покрывавшего их мха. Его растительные волокна в процессе расчистки представляли собой плотную массу, подобную войлоку. Они «связывали» всю сохранившуюся часть помоста, и удалить с конструкции их можно было лишь скатывая в валик. Однако время «отложения» мха на конструкции необязательно совпадает с моментом его сооружения. Он мог «поселиться» на ней и позднее. Не вызывает лишь сомнения тот факт, что присутствие мха способствовало консервации и сохранности, оставшейся на берегу, части сооружения. Нужно учитывать еще и то обстоятельство, что впоследствии на том месте, куда упала в воду часть конструкции,

образовалось несколько промоин, в результате чего вся древесина в пределах этих, наложившихся друг на друга желобов, оказалось утраченной. Судя по профилю раскопа, нижний из пяти желобов был врезан из середины верхневолжского слоя (слой 6), а верхний — из льяловского (слой 3). Никаких находок на самом помосте, кроме половины таза лося, не найдено. Вне помоста встречены колья, заостренные продольным стесыванием, костяные крючки с массивной спинкой без бородки, игловидные наконечники стрел, зубчатые острия, острия под 45° и кинжалы.

Несмотря на то, что конструкция изучалась в течение трех лет, достоверных данных, позволяющих однозначно интерпретировать ее назначение, не получено. Наиболее вероятным кажется предположение, что это был помост или гать, по которой люди передвигались вдоль подтоп-

ленного берега водоема к открытой воде или лодкам. Возможно использование помоста и в качестве причала. Можно, пожалуй, исключить предположение о том, что это были жилища или рыболовные загоны. Первое — из-за отсутствия на ней или вокруг материала, второе — из-за высоты конструкции (напомним, что она составляла не менее 4,5 м). Нельзя исключить и совсем фантастического предположения — использования в качестве плота. В любом случае требуется продолжение специальных исследований, для чего необходимо прирезаться как в северо-восточном, так и юго-западном направлениях. Весьма актуальной проблемой является и выяснение связи помоста с синхронной ему жилой площадкой стоянки, местоположение которой до сих пор не ясно.

Стандартной и наиболее массовой находкой из древесины являются раз-

Рис. 4. Замостье 5. Деревянный кол, проходящий сквозь VII–IX культурные слои.

личные колья. Часто они располагаются вертикально или с небольшим наклоном, и проходят в ряде случаев несколько разных слоев (рис. 4). Эта особенность объясняет одну из причин возможного омоложения образцов, когда фрагменты кольев берутся для радиоуглеродного датирования. Верхняя часть кола, как правило, подвергается более существенному кислородному воздействию и, следовательно, уничтожается быстрее, чем нижняя. Поэтому реальное стратиграфическое положение сохранившейся верхней части далеко не всегда соответствует тому горизонту, с которого кол был забит. Заостренная нижняя часть сгнивает быстрее, чем средняя часть, поэтому далеко не всегда

вертикально ориентированные в слое фрагменты древесины распознаются в качестве кольев. И эти образцы, следовательно, могут значительно омолодить слой. Наконец, не стоит уповать и на горизонтально расположенные длинные колья, ибо любые длинные предметы могут подвергаться мерзлотному вытягиванию, и их реальное положение в том или ином слое вовсе не обязательно соответствует археологически зафиксированному уровню, что может приводить к ошибкам при использовании их для радиоуглеродного датирования.

Другой не менее массовой находкой служат лучины. В ряде случаев они образуют целые, горизонтально залегающие, пласты, отдельные плас-

тинки в которых лежат, как правило, параллельно друг другу. Имеются случаи переслаивания лучин, порой в разных направлениях. Очень часто в археологической литературе эти скопления интерпретируются в качестве рыболовных верш. Практика показала ошибочность такой стандартной реконструкции. Как удалось установить, некоторые породы древесины расслаиваются по годичным кольцам и под воздействием давления грунта дробятся на стандартные фрагменты. Таким образом, «воспроизводство» лучин оказалось процессом вполне естественным.

Деревянные наконечники стрел практически все фрагментированы, и их истинные размеры установить не удалось. Неясно также, были ли среди них какие-либо вкладышевые формы. И, наконец, муфты. Наиболее выразительный экземпляр из слоя VII выполнен из березового капа и предназначался, судя по асимметрии крепежного отверстия, для закрепления каменного тесла.

В Замостье 5 достоверно выделено два раннемезолитических слоя (VIII и IX), верхний из них, залегает в нижней части сапропеля и отделен от среднего (горизонт VII) стерильной прослойкой. В нем встречены рыболовные крючки плоские и с массивной спинкой, гарпуны, игловидные наконечники стрел (рис. 8), деревянная муфта для тесла, чуринга, наконечник копья или кинжал из крупной кремневой пластины с плоской ретушью на брюшке и другие орудия. Одна из самых выразительных находок этого слоя — лезвийная часть полностью шлифованного сверленого каменного топора, украшенного волнистым и ромбическим орнаментом по боковым граням, а также насечками по одному из ребер (рис. 7). Его четкое стратиграфическое положение заставляет усомниться в позднем возрасте подобных ему давно известных находок. Возраст горизонта VIII по ^{14}C определен в 8400–9300 л. н. Принадлежность топора к мезолиту коррелируется и имеющимися на нем изображениями, аналогии которым

на других заболотских стоянках не встречаются в неолитических или более поздних слоях.

Под слоем торфа в ракушечных прослойках на алеврите — донных отложениях ледникового озера — залегает еще более древний, возможно, финально-палеолитический, слой IX (рис. 5). В нем найдены рессетинский наконечник стрелы, каменное тесло, концевой скребок, каменные грузила с выемками для подвешивания, пластины, отщепы, костяные игловидные наконечники, зубчатые острия, рыболовные крючки, а также острия под 45°. Слои и находки этого времени на Заболотском торфянике ранее известны не были. В горизонте X найдены пока только рыбы кости. Три образца по ¹⁴C из горизонта IX дали очень большой разброс дат: от 8200 до 9400 л. н., а дата горизонта X — около 8300 л. н., что указывает на омоложение и требует их дальнейшей проверки. В настоящее время получено 18 радиоуглеродных дат из всех горизонтов Замостья 5. Кроме этого, было взято две колонки образцов для спорово-пыльцевого анализа (лаборатория Института археологии РАН), но пока сделана лишь одна из них. Представляется очевидным использовать радиоуглеродные даты, полученные по образцам из конструкций, но и они нуждаются в строгой проверке.

Стоянка и могильник Миныно 2

Памятник располагается в 1,2 км к востоку от д. Миныно и в 2,5 км к ССВ от д. Сковородино, в 200 м к ЮЗ от стрелки Дубны и ее правобережного притока р. Сулять. Расстояние до левого современного берега р. Дубна — около 100 м. Судя по результатам почвенно-стратиграфического зондирования местности, памятник приурочен к мысу, образованному левым (западным) берегом палеореки и южным берегом палеозера. Особый интерес к Миныно 2 вызван тем, что здесь, впервые в Центральной России, был открыт мо-

Рис. 5. Замостье 5. Разборка культурного слоя IX.

гильник эпохи мезолита. Археологические исследования велись в 1997–2001 гг. в пределах двух раскопов. Площадь каждого из них в настоящее время составляет 150 м², а расстояние между ними 20 м. Раскоп 1 приурочен к наиболее возвышенной части мыса, на котором располагается памятник, а раскоп 2 — к покатуному береговому склону левого берега Пра-Дубны.

В раскопе 1 имеется два культурных слоя, верхний из них приурочен к делювиальному суглинку и содержит находки эпох мезолита — неולי-

та — бронзы, нижний — к голубоватому вивианитовому суглинку (рис. 6). В нем встречены исключительно мезолитические изделия. В раскопе 2 три культурных слоя, верхний аналогичен верхнему слою раскопа 1, а два нижних связаны с прослойками сапропелей и включают мезолитические изделия. В раскопе 1 обнаружено 12 ям, в двух из которых были найдены погребения людей. Костные останки, несмотря на большие размеры могильных ям, в которых они помещены, представлены исключительно черепами. Вокруг могильных

Рис. 6. Стоянка и могильник Минино 2. Раскоп 1. Вивианитовый суглинок и морозобойные трещины.

ям встречены ямы без человеческих костей, но содержавшие выразительные вещи, среди которых — подвески из клыков и резцов животных, изделия с гравировками (чуринги), что позволяет связывать их с тризной. Неординарные изделия встречены и в непосредственной близости от погребений. Среди них, в первую очередь, следует отметить, подвески из клыков медведя и резцов бобра.

Обсыхание днища Заболотского палеозера началось не позднее 10330 л. н., и было связано с концом относительно безлесного холодного поздне-последнего ледникового периода. На озерных алевроитовых суглинках формируются первоначальные почвы — карбонатные грубогумусово-аккумулятивные, в понижениях глеевые. Аналоги этих почв в настоящее время могут развиваться на приморских холодных равнинах. Заселение территории шло непосред-

ственно вслед за обмелением озера, при этом использовались повыше рельефа, обычно в непосредственной близости от воды. В отсутствие близких лесных массивов основным пищевым ресурсом являлась, по-видимому, рыба, что подтверждается как археологическими находками, так и результатами изотопных (С, N, O) исследований. Судя по всему, к этому времени относится наиболее древнее из обнаруженных погребений в Минино 2. Реконструированная по изотопному составу кислорода фосфатов человеческих зубов этого погребения среднегодовая температура на 10°С ниже современной, что соответствует времени конца ледникового. Судя по предварительным данным, погребение 1 принадлежит особи женского пола в возрасте 13–15 лет (определение М. В. Добровольской). Правая лобная кость черепа имеет следы проникающей трав-

мы, которая, возможно, явилась причиной смерти. Среди сопровождающего инвентаря присутствуют кремневые и костяные изделия, в т. ч. черешковый наконечник стрелы, резцы, скребки, нуклеусы, технологические сколы, пластины и отщепы, а также подвески из медвежьего клыка и резцов бобра, уплощенный наконечник стрелы, обломки орудий, а также многочисленные рыбьи кости. Судя по отсутствию рыбьих костей в культурном слое вне могильных ям, они были помещены преднамеренно.

Погребение 2, открытое в 1999 г., расположено несколько выше погребения 1 по глубине и не выходит за пределы погребенной почвы (культурного слоя). Радиоуглеродный возраст образца почвы, отобранного из могильной ямы непосредственно рядом с останками с глубины 70–80 см от поверхности и представленного темно-серым минеральным

Рис. 7. Замостье 5. Каменный сверленный, шлифованный орнаментированный топор. Слой VIII.

материалом с примесью древесного детрита, составляет не менее 7760 ± 300 л. н. (ИГАН-2070) или 8982 cal. BP. С предбореала до начала атлантического периода (9900–7760 л. н.) идет постепенное облесение территории, расширяются еловые массивы, протекают процессы выщелачивания почв и формирования грубого гумуса. В почвенном покрове преобладают кислые потечно-гумусовые почвы. По данным фитолитного анализа, выполненного А. А. Гольевой (ИГАН), в образцах из обоих погребений присутствует древесина, что указывает на ее возможное использование в погребальных сооружениях.

Оба погребения располагаются на суходольной части памятника, где сохранность кости довольно плохая и вся она фрагментирована. Судя по всему, погребение 2 представляет собой захоронение отдельного черепа. Погребение 1, несмотря на большие

размеры могильной ямы, также представлено одним черепом. Вокруг могильных ям встречено около десятка ям без человеческих костей, но содержащих выразительные вещи, среди которых подвески из клыков и резцов животных, изделия с гравировками и чуринга. Отсутствие костей человека в большинстве ям объясняется либо характером сохранности, либо тем, что это были кенотафы или тризны. Среди сопровождающего инвентаря в погребении 2 присутствовали кремневые и костяные изделия, в том числе черешковый наконечник стрелы, резцы, скребки, нуклеусы, технологические сколы, пластины и отщепы, а также подвески из медвежьего клыка и резцов бобра, уплощенный наконечник стрелы, обломки костяных и роговых орудий, и многочисленные рыбы кости, помещенные сюда преднамеренно.

Помимо вещей, которые могут быть интерпретированы в качестве ритуальных, в заполнении ям, окружающих оба погребения, присутствовали костяные зубчатые и игловидные острия, роговой топор, кремневые черешковые наконечники стрел, микролиты с затупленным краем, косые острия, резцы, скребки и другие неординарные изделия. Возможное погребение отдельных черепов, и присутствие ям с тризнами свидетельствуют, что перед нами довольно сложный погребальный обряд. Несомненно, сочетание преднамеренных захоронений в могильных ямах и сооружение особых ям-тризн с выбрасыванием костных останков людей без их погребения в землю, а также вероятными случаями каннибализма. Для детализации обряда, выявления его особенностей, корреляции данных и получения обоснованных выводов необходимо увеличение чис-

4

5

← 1-3

Рис. 8. Находки на Заболотском торфянике.

1. Костяной наконечник копья с кремневыми вкладышами, Монино 2, нижний мезолитический слой (высота 29,5 см);
2. Орнаментированные наконечники стрел, Замостье 5, слой VI (высота 27,7 и 24,7 см);
3. Игловидное и зубчатое острия, Замостье 5, слои IX и VIII (высота 22,1 и 20,4 см);
4. Орнаментированные наконечники стрел, фрагмент, Замостье 5, слой VI;
5. Рыболовные крючки, Замостье 5, слои VIII, IX и VII (высота 5,9; 2,6 и 4,7 см).

<http://archaeolog.ru/>

ла наблюдений. Во всех трех слоях раскопа 2 найдены разрозненные антропологические находки, причем большинство из них принадлежат детям. Некоторые кости носят следы дробления. Последующей задачей исследований должно быть выяснение обоснованности наблюдаемых различий между погребальным обрядом, прослеживаемым по материалам обоих раскопов.

В ходе работ установлено, что в раскопе 1 представлен лишь один мезолитический культурный слой, а в раскопе 2 — их не менее двух. В обоих раскопах мезолитический слой (слои) перекрываются делювиальными отложениями более позднего времени, сформировавшимися, судя по наиболее поздним находкам, в эпоху бронзы. Помимо сетчатой керамики, в них встречена верхневолжская и льяловская неолитическая керамика, а также двусторонне обработанные наконечники стрел, скребки, резцы и некоторые другие предметы эпохи неолита — бронзы.

В нижнем культурном слое раскопа 1 найдены каменные, костяные и роговые изделия эпохи мезолита, а также фауна. В основании этого слоя четко прослеживаются кострища, искусственные ямы и естественные западины, некоторые из них впущены в материк и четко выделяются на его фоне своим заполнением. Каменные изделия представлены нуклеусами и отходами производства, а также орудиями, среди которых черешковые наконечники стрел, микролиты с затупленным краем, разнообразные скребки, резцы, ножи, скобели и рубящие орудия. Материал, судя по ведущим формам и пластинчатости, относится к бутовской культуре. Следует, однако, отметить и присутствие в нем единичных изделий рессетинской культуры. Костяные и роговые изделия, а также фауна сильно фрагментированы. Встречены скребки из нижних челюстей бобра, острия под 45°, оправы вкладышевых орудий, зубчатые и игловидные костяные острия, подвески из резцов лося и клыков медведя, обломки кинжалов,

костяных и роговых рубящих орудий, а также кости млекопитающих и рыб. Сохранность кости довольно плохая и вся она значительно фрагментирована. Среди находок зубчатые и игловидные костяные острия, роговой топор, кремневые черешковые и иволжистые наконечники стрел, микролиты с затупленным краем, косые острия, резцы, скребки и т. д. Материал относится к бутовской культуре, по времени он предшествует нижнему мезолитическому слою стоянки Замостье 2 и синхронен, вероятно, горизонту VIII стоянки Замостье 5. Мезолитические находки залегают в вивианитовом суглинке, который перекрыт прослойкой супеси, отделяющей его от слоя бурого оторфованного суглинка. Верхняя часть напластований представлена древесным торфом. Вивианитовый суглинок до середины слоя разбит трещинами, которые заполнены супесью и не содержат находок. Вверху оторфованного суглинка встречены единичные невыразительные фрагменты керамики, вероятно с сетчатым орнаментом, и, не связанное с ними, скопление раздробленных костей лося. Кроме того, в дренажной канаве, прорезающей оторфованный суглинок, поднято несколько черепков с ямочным орнаментом, которые указывают на возможное присутствие на памятнике еще и льяловских слоев.

Вивианитовый суглинок составляет основу мезолитического слоя раскопа 1 Минино 2. Неоднократно приходилось наблюдать, как под воздействием кислорода закись восстанавливается в окись, и слой из голубоватого становится бурым. При восстановлении железа одновременно происходит уничтожение стратиграфии отложений. За первый год исчезает прослойка толщиной 12–15 см, за второй скорость замедляется и исчезает еще 5–8 см, то есть за два года исчезают от 17 до 23 см профиля. Это объясняет широко известный факт «исчезновения» ям. Многим приходилось сталкиваться с эффектом, когда ямы, четко видимые в профиле, которые не успели до-

следовать, исчезают к следующему полевому сезону и в прирезке уже не прослеживаются.

По данным почвенного (Р. Г. Грачева, ИГАН) и фитолитного анализов (А. А. Гольева, ИГАН), вивианитовый суглинок и разбившие его трещины вторичны по отношению к культурному слою, они связаны с процессами почвообразования и дистурбации. При этом начало почвообразования относится еще к концу ледниковья, а его окончание — к атлантикуму. Почвообразование протекало при отсутствии избыточного переувлажнения. Оторфованный суглинок, напротив, является аллювием, отложенным холодными, быстро текущими водами. При его формировании верх погребенной почвы (20–30 см, т. е. горизонты А–А2 и верхняя часть горизонта А2В) был смыт. Сохранившаяся часть почвенной толщи позволяет с уверенностью говорить о том, что здесь сформировались хорошо дифференцированные почвы подзолистого типа. Генезис трещин не ясен, судя по их полигональному рисунку, не исключен их криогенный характер. Точнее время образования почвы, генезиса трещин и изменения водного режима мог бы дать палинологический анализ, но он пока, к сожалению, не сделан.

В верхнем мезолитическом культурном слое раскопа 2, приуроченном к погребенной почве, содержатся находки бутовской культуры. В нижнем, представленном озерными суглинками, немногочисленные находки относятся к рессетинской культуре. Фауна обоих мезолитических слоев включает целые и фрагментированные кости животных, среди которых многочисленны ребра, пяточные и челюстные кости, позвонки и зубы млекопитающих. Встречены даже когти крупных птиц. Рыбных костей сравнительно мало. Костный материал обоих мезолитических слоев сильно сортирован и представлен «мясной выборкой», что говорит о хозяйственной специализации участка. Изделия из кости и рога, помимо обрезков костей и обломков орудий,

включают различные острия, игло-видные и однолопастные, пазовые наконечники стрел, оправы вкладышевых орудий и фрагменты кинжалов. Особо следует подчеркнуть находки украшений из зубов животных, костяных и роговых изделий с гравировкой, а также чрезвычайно редкие находки «кинжалов» с кремневыми вкладышами. Наиболее сенсационными находками 2001 г. стали два двупазовых «кинжала», один из которых практически целый, имеет длину 29,5 см и максимальную ширину — 3,2 см (рис. 8, 1). На обоих фасах предмета сделаны желобки, имитирующие ребра жесткости, а в пазах сохранились кремневые вкладыши. В одном из них их девять из 10, в другом — пять, также из 10. Размеры вкладышей от 9 до 28 мм. Все микролиты ориентированы спинками в одну сторону и стоят вплотную друг к другу, без видимых пропусков. На выступающих краях присутствует нерегулярная ретушь. В рукояточной части, длина которой составляет 4,8 см, имеются три сквозных цилиндрических отверстия для крепежа диаметром 3 мм каждое. Их наличие, характер и расположение, а также присутствие смолы с отпечатками древесины и следами поперечной обмотки, позволяют высказать предположение о наличии деревянного древка, то есть интерпретировать изделие не в качестве кинжала, а в виде наконечника крупного копья или рогатины. Такое назначение подтверждает и анализ рукоятей собственно кинжалов, имеющих на памятнике, у которых отверстие для привязывания всегда одно, при этом оно не цилиндрическое, а развальцованное, и длина рукояти соответствует ширине кисти руки взрослого человека. Кроме того, на рукоятях кинжалов отсутствует смола.

Все микролиты из другого наконечника копья высыпались, удалось собрать семь из них. В комплекте представлены: необработанная микропластина, три микропластины с затупленным ретушью краем, два микролита с затупленным краем и

основанием и прямоугольником. Их присутствие в одном наборе лишней раз говорит об условности археологической типологии. Длина одного из микролитов составляет 1,5 см, другого — 2,5 см, длина остальных — 4,0–4,5 см. Неретушированные края всех микролитов имеют следы сработанности в виде мелкой нерегулярной ретуши.

Наблюдения за культурными слоями Монино 2 позволяют четко проследить деструктивное воздействие почвенных процессов на археологическую стратиграфию и их роль в формировании коллекций с поликультурными признаками (феномен натурации). Действие механизма «естественной поликультурности» под воздействием почвенных процессов особенно ярко видно при сравнении суходольных отложений и аллювиальных. Установлено, что суходолы, как правило, стратиграфически «смазаны», а находки в них смешаны, шлейфы, напротив, дают прекрасную стратиграфию разновременных слоев и находок. Эту закономерность прекрасно иллюстрируют наблюдения в Монино 2, где есть возможность сопоставлять данные раскопа 1 и раскопа 2. На суходольном участке, к которому приурочен раскоп 1, рессетинские и бутовские находки залегают в горизонте погребенной почвы, в раскопе 2 эти находки приурочены к разным слоям. Верхний и нижний мезолитические слои раскопа 2 так же, как и слой в раскопе 1, испытали воздействие почвенных процессов, которые привели к уничтожению собственной окраски культурных слоев и, возможно, исчезновению ям и западин. Однако микростратиграфия самих слоев в виде различных стерильных прослоек внутри верхнего и нижнего мезолитических слоев позволяет разделять археологические находки на разновременные комплексы.

В ходе исследований получены данные по распределению материалов на суходольных и прибрежных участках мезолитических стоянок, резко контрастирующие между собой

и дающие основания для их сравнительного анализа. В раскопе 1 Монино 2, располагающемся на суходоле, хорошо сохраняются могильные и хозяйственные ямы, зато археологическая стратиграфия «смазана» почвенными процессами и органика фрагментарна. В раскопе 2, занимающем прибрежный склон Пра-Дубны, выразительные ямы отсутствуют, зато имеются разновременные и разнокультурные слои, в которых прекрасно сохраняется фауна и изделия из органических материалов, а также представлены многочисленные антропологические остатки со следами преднамеренного раскаливания. Эти факты, а также явная сортировка костных остатков во всех слоях раскопа 2 (присутствие «немясного комплекса»), создают редкую возможность для палеоантропологического, морфологического, пространственного и функционально-планиметрического сравнения материалов могильника и разновременных стоянок.

Наблюдения над отложениями стоянки-могильника Замостье 5, где представлены слои водного генезиса и суходольные отложения, позволяет утверждать, что состав артефактов в них резко отличен. Водные отложения дают остатки, связанные с рыбной ловлей, в суходольных слоях, напротив, доминируют орудия охоты и бытовые предметы.

Анализ распределения костяных, роговых, деревянных и каменных изделий стоянок Замостье 2 и 5 и Монино 2 позволяет уверенно говорить об их разном соотношении на суходольных частях и в шлейфах. Если на суходольных участках древесина практически не сохраняется, то, напротив, в шлейфах она может резко доминировать над всеми другими находками. Соотношение костяных и каменных изделий на суходоле зависит от характера конкретного участка памятника. Не вызывает сомнения, что по-разному происходит переотложение в шлейфах и разнородных материалов: кремний откладывается на самое близкое от суходола расстояние, а древесина — на максималь-

ное, т. е. происходит его своеобразная «естественная сортировка», что следует учитывать как при оперировании процентными соотношениями изделий, так и при определении характера конкретного участка памятника.

Наиболее частые находки в нижних слоях — каменные грузила и рубящие орудия. Причем это характерно для всех «водных» слоев Замостья 5, вне зависимости от их культурной принадлежности. Тем и другим присущ минимум обработки. Однако если оформление грузил включало лишь две небрежных выемки, полученные одним — двумя ударами, то рубящие орудия обрабатывались двусторонней оббивкой.

Анализ стратиграфии со всей очевидностью показывает, что залегание находок на одной глубине далеко не всегда означает их одновременность, виной тому многочисленные промоины, далеко не всегда четко визуально прослеживаемые, и колья.

Вместо заключения

Комплексные исследования на территории Заболотского торфяника велись совместно в 1996—2002 гг. Институтом археологии РАН, Институтом географии РАН и Борнмут-

ским университетом (Великобритания). Помимо археологических они включали топографические, геоморфологические и почвенно-генетические методы, методы четвертичной геологии, а также радиоуглеродное датирование, палинологический анализ, изучение ботанического состава торфа, почв и минеральных отложений. Значительное число разновременных уникальных памятников, открытых в акватории Заболотского палеозера, прекрасная стратиграфия отложений и отменная сохранность органических остатков делают этот полигон неоценимым для реконструкции палеосреды, ландшафта, жизнедеятельности человека и его облика. На его источниках может быть поставлена и решена любая научная проблема.

За годы исследований стало ясно, что с прекращением финансирования мелиоративной системы и ГАЭС, паводковые сбросы из накопителей которой становятся все более частыми, происходит катастрофическое разрушение культурных слоев памятников в результате берегообразования, аэрации и вторичного заболачивания. Если в ближайшие годы не произойдет затопления торфяника, названные негативные процессы неизбежно приведут к утрате всей органики. Поэтому только постоянные и

планомерные комплексные охранные раскопки памятников Заболотского торфяника могут спасти от уничтожения информацию, заключенную в болотной толще и пока еще доступную для изучения. При высочайшей научной отдаче, единственная проблема в их изучении, которая была, есть и остается, и решение которой не имеет четких перспектив — это финансирование исследований. Как ни печально, но РФФИ ни разу не выделил средств на исследование памятников Заболотского торфяника, а заявки в РГНФ получают финансирование лишь от случая к случаю. В 2003—2004 гг. финансирования не было вовсе. Если не произойдет радикальной переоценки приоритетов, то в ближайшие 20—25 лет деструктивные процессы приведут к тому, что все левобережные памятники р. Дубны останутся без органики. Тогда они ничем не будут отличаться от того подъемного материала, которым заполнены все отечественные музеи и на пополнение которого ежегодно расходуются значительные средства. Этот вполне реальный прогноз очень не хочется рассматривать в качестве приоритета научных исследований, ибо никакой перспективы у подобной стратегии нет.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Сидоров В. В., Сорокин А. Н., 1997.* Многослойное поселение Замостье 5 // Древности Залесского края: Мат. к междунар. конф. «Каменный век Европейских равнин». Сергиев Посад.
- Сидоров В. В., Сорокин А. Н., 1998.* Раскопки многослойного поселения Замостье 5 // ТАС. Вып. 3.
- Сидоров В. В., Сорокин А. Н., 2001.* Многослойная стоянка Замостье 5 // Мат. междунар. конф. «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры» (Сергиев Посад. 1—5 июля 1997 г.). Сергиев Посад.
- Сорокин А. Н., 2000.* Заболотский торфяник: что сделано, что делать? // ТАС. Вып. 4.
- Сорокин А. Н., 2004.* Окская экспедиция в 1989—2002 гг. // 30 лет Отделу охранных раскопок: Сб. Отдела охранных раскопок. Т. 2. М.
- Сорокин А. Н., Выборнов А. А., Королев А. И., Ставицкий В. В., 2001.* Исследования на Заболотском палеозере // АО 2001 г. *Среда обитания человека* в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России) / Под ред. В. И. Николаева. М., 2002.
- Sidorov V. V., Sorokin A. N., 2000.* The discovery and investigation of a multi-layer settlement at Zamostje 5 on Russian Plain // Anglo-Russian Archaeology Seminar: Recording System for Archaeological Projects / Ed. by Timothy Darvill, Gennadii Afanas'ev, & Eileen Wilkes. Bournemouth, M.

Новый уникальный петроглифический комплекс Лапландии

В последние годы интерес к прошлому как местной истории, так и эволюции всего человечества значительно возрастает и является одним из показателей зрелости развития цивилизации. И в этом плане происхождение и становление духовной культуры приобретает особое звучание и значение. В конце концов, при всей зависимости нашего современного общества от благ и достижений материальной культуры именно духовный, внутренний мир человека, способность воспринимать окружающее нас через призму собственного сознания сделало нас людьми и венцом творения эволюции.

Многие довольно хорошо знакомы с удивительными пещерными фресками палеолитических охотников Франко-Кантабрии, наивно-прекрасным искусством Древней Греции, величественной готической архитектурой, шедеврами ренессанса и пышного барокко, но часто имеют весьма приблизительное представление о творческих исканиях и реалиях неолитической эпохи.

Среди многих причин такого положения — ограниченность средств исполнения, трудности восприятия и понимания наскального творчества. Однако только на первый взгляд изумительные пещерные шедевры Ляско и Альтамиры легко доступны

для понимания современным человеком. Их цветовая гамма, экспрессия, натурализм зачастую заслоняют концептуальную значимость и мировоззренческие аспекты этого древнего творчества, ради которых они, собственно, и создавались.

Долгое время считалось, что эта великолепная линия развития монументального творчества очень специфична и прерывается не позднее начала голоцена (около 10 тысяч лет назад). Недавнее обнаружение петроглифов в Португалии (Коа) на открытых скальных поверхностях и ранние наскальные комплексы Фенноскандии вселяют некоторую уверенность в возможности продолжения данной традиции пионерами освоения высоких широт, заселивших и постепенно обживших приморские районы Заполярной Европы.

Долгое время Восточная Лапландия (Кольский п-в) выпадала из круга памятников наскального творчества. Это было довольно странно, т. к. обилие скал, сходные природные условия, типы хозяйства и культурного уровня, а, кроме того, этническая близость населения позволяли надеяться на присутствие здесь подобных памятников. Поиски были, а рисунков не было.

Успех пришел в 1973 г. одновременно с открытием замечательных

изображений Норвежской Альты. При проведении разведывательных работ в центральной части Кольского п-ва нашей археологической экспедицией в среднем течении р. Поной была обнаружена первая в этом регионе и самая северная в Европейской России группа петроглифов. Рисунки (около 200) выбиты на 10 отдельных больших плоских камнях на правом берегу реки Поной в пределах разрушенной деревни Ивановки. Саамское название места «Чальмн-Варрэ». Изображения были настолько четкие, располагались на доступных, открытых глазу поверхностях, что казалось чудом, как до сих пор они не были обнаружены. Их не знали и не видели не только местное население, но и сотрудники многих экспедиций, путь которых не мог миновать этого места, поскольку р. Поной — главная водная магистраль края, а Ивановка — одно из немногих жилых мест вдоль маршрута (Shumkin, 1990).

Правда в отношении местных жителей вскоре несколько прояснилось. Население Ивановки было в основном колонистами — коми, переселенцами из Архангельской области. Странно было не это, а то, что и аборигены — саами, знающие в тундре каждый камень, не замечали глубоко выбитых изображений. Мы проводили ряд экспериментов. Под-

водили местного жителя к камню и спрашивали: «Есть ли здесь какой-нибудь рисунок?». И слышали неизменное — нет. Только после того, как проводили пальцем, давая абрис изображения, происходил процесс узнавания. И иногда слышались восторженные возгласы: «Действительно олень, а вот еще, еще, вот человек!», и сразу определялись безошибочно все фигуры не только здесь, но и на других камнях. Обычным являлось и удивление, что они столько раз ходили по изображениям, которые нельзя (теперь) не заметить и ... не замечали. Да что там местные жители. Даже такой известный исследователь саамов, прекрасный этнограф, как В. В. Чернолуцкий, дважды в 30-е годы побывавший в Ивановке, неоднократно проходивший мимо камней с рисунками, не смог их распознать, хотя по его дневникам ясно, что он был хорошо знаком с новейшими Скандинавскими и Карельскими петроглифическими открытиями.

Нет, не думайте, здесь нет никакой мистики. Просто тренированный, направленный глаз археолога смог заметить то, чего не видели местные жители. Для них это не было делом первостепенной важности, зато они, лишь мельком взглянув на камень, определяли то, что мы пропускали. Например, наклон, чтобы безопасно на него вступить, расстояние до следующего камня, с какой стороны он зарос мхом, когда заливается водой и многое-многое другое. Очевидно, это многообразие нужных данных, забивало, относило на второй план, а затем и вычеркивало малозначащее. И все-таки эти рассуждения не могут снять того факта, что между современным населением прослеживается явный разрыв традиции мировоззренческого порядка.

Очень вероятно, что забвение произошло не так давно. На одном из камней в центре деревни были выгравированы железным орудием небольшие изображения человека, оленя и собаки. С одной стороны они по сти-

листике напоминают саамские рисунки, а с другой, позой, профилем зверей и изображением человека в фас, явно навеяны расположенным в сотне метров древним наскальным творчеством. Возраст рисунков вряд ли больше нескольких сотен лет. Но важно другое — что еще недавно здесь появлялись люди, для которых мир Понойских петроглифов был понятен, близок по духу и в конце концов просто узнаваем. И это могли быть только саамы.

Как показывает археологическая практика, все петроглифы и писаницы Лапландии располагаются не только в необычных, чем-то выделяющихся местах, часто на островах, но и на некотором удалении от поселений их творцов. Здесь дело не даже не в расстоянии, оно может быть не очень значительным. Главное, чтобы между местом обычной жизни и сакральным (священным) центром было некое препятствие. Это может быть вода, болото, перевал и т. д. То же требование заметно в пещерах, где рисунки обычно расположены далеко от входа и часто в самой глубокой темной ее части. Если рядом или прямо на месте изображений проживали какие-то коллективы, то можно уверенно считать, что они не имели отношения к нанесению рисунков и их почитанию. Данная традиция закономерно идет с палеолита и доживает до наших дней. Ведь мы тоже не строим жилища на тех местах, которые для нас священны, будь то памятник, мемориал, кладбище, связанное с какими-либо крупными историческими событиями, — дерево, камень и т. д., а огораживаем их, отделяем уважительным пространством. Совершенно иначе ведут себя представители населения, не связанные традицией с местной историей, иногда преднамеренно, чаще по неведению. Весьма показательны в этом отношении само расположение деревни коми-пришельцев рядом с наскальными изображениями. Несмотря на явное удобство места

Чальмн-Варрэ для проживания, саамы здесь никогда не жили, позволяя лишь изредка хоронить своих соратников на этом древнем острове.

Однако вернемся к характеристике Понойских петроглифов. По техническим и стилистическим особенностям намечаются две одновременных группы изображений. Первая, ранняя, представленная 26 фигурами на 3 камнях, расположенных у самого края берега реки, а весной даже долго находящихся под водой, характеризуется более натуралистическим и простым отражением образа зверя, выполненного сплошной глубокой выбивкой. Это олени, показанные в профиль, имеющие одну пару ног. Присутствуют также две человеческие фигуры, в фас. Одна, явно мужская, имеет трехпалый головной убор, по три пальца на каждой руке, вторая — с подвязанным хвостом. Наблюдается примитивная композиционная связка отдельных антропоморфных и звериных фигур посредством соединения их сплошной выбитой линией. Ближайшие аналогии этим рисункам можно найти среди петроглифов Карелии. На основании археологических и геологических данных их можно датировать завершающей стадией неолита — концом III тыс. до н. э.

Поздние изображения на остальных, расположенных немного выше камнях более усложнены и схематизированы. Наблюдается более глубокая выбивка, четверноготость оленей и детально разработанные приемы изображения людей. Схематизация здесь сочетается с хорошо выраженной индивидуальностью многих фигур. Композиционная связь осуществляется посредством тематического расположения образов. В отличие от ранних изображений расположенных свободно без наложения и даже соприкосновения фигур, в этой группе перекрывание обычно и даже есть неоднократное, хотя рядом находятся камни с прекрасной, пригодной для изобразительной деятель-

Рис. 1. Общий вид на остров Каменный.

Рис. 2. Вид на скалу с петроглифами группы Каменный 3.

ности поверхностью. Видимо, для авторов было важно не только нанести свои рисунки, но выбить их именно на тех камнях, где они уже присутствовали. Изображения ранней стадии избежали такой участи, находясь к этому времени полностью под водой. Можно заключить, что это не было новое население, поскольку заметна преемственность в тематике и стилистике изображений двух периодов, а авторы поздних рисунков, нанося их поверх уже существующих, придерживались тех же канонов и образов.

Некоторые из фигур вероятно несут значительную смысловую нагрузку и являются культурно-мифологическими героями первобытного пантеона. В целом поздняя группа более оригинальна, относится к эпохе бронзы — II тыс. до н. э.,

может быть к самому ее концу. Однако важно также отметить некоторые параллели с петроглифами Норвегии, Швеции, писаницами Финляндии. Не исключено на этом этапе и определенное влияние (чашечные углубления, круги) традиции земледельческого населения соседних территорий.

В 1985 г. на северо-западной окраине Русской Лапландии были обнаружены новые наскальные изображения. П-в Рыбачий представляет собой тундровое пространство с небольшими скальными образованиями. На одной из таких скал, расположенной на древнем морском уровне берега, бывшего некогда островом, находятся писаницы и гравировки, названные нами «Галерея». Здесь выделено 2 этапа нанесения

изображений. Первый, ранний, датируется эпохой мезолита — 8000 лет назад. Рисунки выполнены красной охрой с помощью пальцев руки, представляют собой геометрические фигуры (25) и профильные линейные изображения оленей (2). Плоскости с писаницами расположены на одном нижнем уровне, имеют ровную поверхность и обращены на восток в сторону моря. Несколько выше зафиксированы следы вытирания пальцев после нанесения охрой образа — символа.

Гравировки располагаются на вышележащих, по иному ориентированных блоках и по причине исполнения металлическим орудиями датируются не ранее I тыс. до н. э. Они имеют геометрические формы и несомненно подражают рисован-

Рис. 3. Вид на скалу с петроглифами группы Каменный 7.

ным. Несомненно и то, что их авторы не полностью понимали смысл более ранних изображений, и уже не важна была ориентировка поверхности.

Еще одна писаница была открыта здесь в 1986 г., недалеко от «Галереи». Изображения нанесены красной охрой в самом дальнем углу пещеры, представляют композицию из трех фигур: двух антропоморфных и звериной с раскрытой пастью. Предварительная датировка по стилистике, аналогиям и изобразительному решению может быть определена рубежом II—I тыс. до н. э.

При несомненном своеобразии каждого из центров наскального искусства Фенноскандии заметно большое сходство в технике исполнения, тематике и расположении все-

да рядом с водой. Многие считают первоначальной областью, из которой распространились творческие импульсы охотничьей традиции, северо-западное побережье Норвегии. Теперь в этот регион вошел и север Русской Лапландии (Hesjedal, 1994).

Открытие первых наскальных комплексов на Кольском полуострове не только включило этот регион в зону охотничьей традиции Фенноскандии сразу по многим параметрам (контакты, применение различных техник и приемов), но еще более подтвердило убеждение об общем пути развития древнего населения и по-

казало длительность и разнообразие данного вида творчества (выбитые и нарисованные изображения).

Но изучение наскальных изображений Восточной Лапландии на этом не закончилось. В 1998 г. в южной части Кольского полуострова был обнаружен новый крупный петроглифический комплекс. Он расположен на Канозере, являющимся расширением р. Умбы, в 40 км от места ее впадения в Белое море. Изображения (уже зафиксировано 19 групп, включающих более 500 петроглифов) выбиты на скальных поверхностях трех островов и одного прибрежного

На обороте: Рис. 4. Группа Каменный 7. 1. Изображение антропоморфной фигуры; 2. Изображение антропоморфной фигуры с жезлом и птицы; 3. Изображение журавля в полете; 4. Изображение плывущего бобра.

2

3

4

Рис. 6. Группа Каменный 7. Сцена охоты на медведя и белуху с лодок.

каменного останца в районе впадения в озеро р. Муна. С самого начала открытия этого комплекса стало ясно, что он имеет набор чрезвычайно интересных особенностей, позволяющих считать его одним из важнейших, качественно новых источников для изучения петроглифического творчества, духовной культуры, прямых длительных и непосредственных контактов древнего населения огромного региона, включающего практически всю Фенноскандию (Shumkin, 2000).

Исследование Канозерских петроглифов продолжается, еще не все группы и образы «предстали» перед исследователями. Здесь необходима планомерная, тщательная, продуманная стратегия, тактика и методика изучения, но сугубо предварительные

оценки и промежуточные итоги уже можно сделать в самом кратком виде, в качестве определения направления будущих практических и теоретических исследований.

Расположение всех местонахождений Канозерского (Умбинского) комплекса имеет строгую вертикальную и горизонтальную локализацию. Ни одна из уже открытых групп не имеет продолжения на более высоких или низких уровнях (строго под или над изображениями). Это дает возможность относительной и реальной датировки разных местонахождений. Уже сейчас можно выделить не менее пяти последовательных периодов петроглифической деятельности, имеющих свои особенные технические и стилистические характеристики.

Открытие каждой новой группы

наскальных изображений имеет собственное большое значение. В этом отношении Умбинские местонахождения не выпадают из уже известного ряда наскального творчества. Несомненно и отнесение их, в основном, к зоне охотничьей традиции Фенноскандии. Вместе с тем имеется целый набор крайне важных особенностей, которые позволяют выделить данные комплексы и считать их одними из важнейших, качественно новых источников для изучения духовной культуры и взаимоотношений огромного региона.

Учитывая, что работа только началась, все же перечислим эти особенности.

1. Расположение всех девятнадцати местонахождений имеет строгую вертикальную (от 0 до 8 м) и гори-

Рис. 7. Петроглифы скалы Одинокая.

горизонтальную локализацию. Ни одна из групп изображений не имеет продолжения на более высоких уровнях, строго над ней.

2. В большинстве скоплений соседствуют, вероятно, одновременные изображения, имеющие аналогии (по многим параметрам — стиль, техника, тематика, образы) в крупнейших наскальных центрах Фенноскандии (Норвежском — Альта, Шведских, Карельских — Онега и Белое море, Понойской группе петроглифов на Кольском п-ве).

3. В Умбинских петроглифах представлены группы, относящиеся к огромному промежутку времени: от неолита до саамского средневековья.

4. Несмотря на разнообразие стилей, времени и, вероятно, разнообразия племенности, и даже разноэтнично-

сти авторов рисунков (представлены изображения колеса — атрибут, характерный для бронзового века Южной Швеции) почти нет (кроме единичных случаев) перекрывания одних изображений другими. Возможно, это свидетельствует о мирном или, по крайней мере, уважительном отношении творцов петроглифов к данным символам.

5. Берега озерного расширения р. Умбы (оз. Канозеро), где расположены петроглифы, практически не имеют мест, удобных (за последние 8–10 тыс. лет) для поселений. Возможно, это — одна из причин создания здесь сакрального центра, функционировавшего, возможно, с перерывами более 4 тыс. лет.

Процесс изучения наскального творчества длителен и многотруден.

Среди сугубо научных проблем встает вопрос о вероятных коррекциях периодизации петроглифов всей Северной Фенноскандии, новом понимании существенности прямых контактов групп населения, отстоящих друг от друга на огромные, до 2 тыс. км, расстояния.

Таким образом, охотничья традиция наскального творчества в Северной Фенноскандии продолжалась практически со времени первого освоения человеческими коллективами региона (начало голоцена), вплоть до позднего средневековья, что свидетельствует о значительной стабильности и особом пути развития, выработанного древним населением в столь экстремальных условиях.

Главными практическими задачами является детальное археологичес-

Рис. 8. Группа Еловый 3. Изображения «колес».

кое и геоморфологическое изучение данного микрорегиона и принятие мер по охране этого, без сомнения, уникального комплекса, создание объемной, строго научной базы данных, позволяющей принять участие в исследовании многим специалистам.

Материалы этих изысканий еще находятся в стадии обработки, но уже сейчас совершенно очевидно, что удалось выявить новый пласт изображений, раскрывающий повествовательную сторону Умбинского ансамбля, по технике исполнения и изобразительному совершенству не уступающий самым выразительным сценам Беломорских петроглифов. Помимо этого, уникальные для нашего Севера петроглифические изображения китов, журавля, бобра, сцены зимней охоты на медведя с изображением постадийного развития событий

и сюжета, дают новые подтверждения чрезвычайной ценности Умбинского комплекса и делают определенными надежды на новые, ожидающие нас замечательные открытия в в Фенноскандии.

И последний сюжет, на который бы мне хотелось обратить ваше внимание: сбережение наскальных полотен. Если вдуматься, то ведь от многообразного художественного творчества прошлых поколений дошли до нас единичные экземпляры. Опустошительные войны, смены населения, природные катаклизмы, нетерпимость и невежество людей сыграли губительную роль. В прошлом наскальные изображения страдали больше от природы и времени. Можно считать чудом, что они уцелели. Особенно подвержены разрушению писаницы. Сохранились они лишь в

«благополучных» местах. И вот эти, пощаженные губительным Хроносом осколки творчества наших предков нередко уничтожаются современным человеком. Страдают они от строительных работ, искусственного поднятия уровня воды, на рисунках разводят костры, выбивают свои инициалы. Можно привести многие десятки примеров актов вандализма. Не приносят должного результата ни усиление наказания, ни принятие постановлений.

Думаю, что эти меры не решат проблему. Путь здесь один — повышение культурного уровня населения через популяризацию, объяснение значения памятников, их художественно-культурной ценности, проведение регулярных экскурсий, создание музеев. Дело, конечно, трудное, но вполне осуществимое. При-

меры такого подхода уже имеются в Скандинавии и Италии. Организация центров с музеями, туристическими комплексами (Волкамоника, Альтав) пользуется огромным интересом и популярностью, снимает многие про-

блемы, приносит ощутимый доход, позволяющий вкладывать средства в изучение, популяризацию и защиту. У нас же все это пока в стадии решений. И вот помощь любителей, ответственности в таком деле крайне необ-

ходима. Это нужно делать как можно скорее. Будущие поколения не простят, если мы не сможем сберечь бесценные творения предков, волею судеб пока еще сохранившиеся на просторах наших стран.

БИБЛИОГРАФИЯ

Helskog K., 1988. Helleristningene i Alta: spor etter ritualer i Finnmarks forhistorie. Alta. 1989. Helleristningene i Alta i et nordlig perspektiv: kronologi og symbolisme, Iskos 7.

Hesjedal A., 1994. The Hunter's Rock Art in N. Norway. Problems of Chronology and Interpretation // Norwegian Archaeological Review, Oslo. 1994. Vol. 27. No. 1.

Shumkin V., 1990. The Rock Art of Russian Lapland // Fennoskandia Arheologia. Helsinki. 1990.

Shumkin V., 2000. The Rock Art, Labyrinths, Seids and Beliefs of Eastern Lapland // Myandash. Rock Art in the Ancient Arctic. Rjvaniemi 2000.

Древнейшие земледельцы и скотоводы в начале бронзового века Предкавказья

Кавказ — своеобразная страна физической географии, расположенная между Черным и Каспийским морями. Его граница с Восточной Европой проходит по Кумо-Манычской впадине. Горные цепи Водораздельного хребта делят Кавказ на Южный и Северный. Ландшафты Северного Кавказа разнообразны. Еще до их сияющих снежников и глубоких ущелий с севера здесь простирается обширная область предгорий и равнин Предкавказья. Начало бронзового века в этом регионе связано с довольно внезапным появлением, примерно 6 тысяч лет назад носителей теперь уже всемирно известной майкопской культуры, названной по имени самого знаменитого кургана в г. Майкопе. Ее памятники ныне выявлены от Черного моря до с. Бамут в Чечено-Ингушетии. В Предкавказье сейчас выделяется их основной ареал в кубано-терском бассейне и менее насыщенная майкопскими курганами, лежащая к северу кумо-манычская степная периферия (рис. 1). При помощи радиоуглеродных дат сейчас майкопская культура датируется в рамках IV тысячелетия до н. э. Они намного древнее начала государственности египтян и шумеров. В со-

временной археологической терминологии майкопскую культуру еще называют майкопско-новосвободненской общностью (МНО), чтобы подчеркнуть разнообразие составляющих ее памятников, за которыми могут стоять и различные по формированию и нюансам материальной культуры племена.

Долгое время памятники майкопской культуры изучались по данным курганов. Самый богатый из них — огромный 10-метровый Майкопский в г. Майкопе — содержал могилу особо знатного человека, погребальный костюм которого и утварь содержали огромное количество золотых вещей, включая подлинные шедевры древнего искусства, а также бронзовые инструменты, оружие, бронзовую, драгоценную и глиняную посуду. В заупокойный мир этого лидера сопровождали еще двое людей, также высокого ранга, поскольку каждый из них имел височные украшения из золота (пол и возраст, к сожалению, не определен). В двух других больших курганах у ст. Новосвободной Н. И. Веселовскому удалось раскопать похожие захоронения в каменных гробницах — прообразах будущих дольменов. Погребенные в них люди также

были похоронены как лидеры, и их могилы были заполнены бронзовыми инструментами, оружием, посудой из бронзы, драгоценными украшениями, керамикой.

Исследователей с самого начала знакомства с древностями памятников типа Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц поражаало удивительное совершенство многих форм сосудов, которые, как установил А. А. Бобринский, изготавливались при помощи кругового устройства, ставшего прообразом гончарного круга. Не менее впечатляла бронзовая утварь: наборы предметов для деревообработки в виде стамесок-долот, плоских и тонких клиньев для действия ими как топорами и клиньями рубанков. Особый блеск майкопской культуре придавали находки из золота и серебра древнейшей «короны» (налобной ленты-диадемы), небольших кубков, огромных бронзовых котлов и иной кухонной утвари. Впечатляли украшения из драгоценных металлов и бусы из полудрагоценных камней сердолика и лазурита. Еще в начале XX века ученые профессора Н. И. Веселовский, Б. В. Фармаковский и М. И. Ростовцев отметили связь элитных погребений в больших курганах лиде-

ров будущей майкопской культуры с югом, районами Месопотамии и Малой Азии. А в 1956 году проф. М. Гимбутас (Gimbutas, 1956) сформулировала идею о приходе на Северный Кавказ некоего южного народа, принесшего сюда свои высокие достижения в ремесле. В 1975 году проф. Р. М. Мунчаев (Мунчаев, 1975) дополнил эту идею тезисом о том, что южные пришельцы в Предкавказье смешались с местными племенами, создав синкретическую культуру с сочетанием южных элементов и местного колорита.

Кто же были эти пришельцы? Как жили майкопские племена, каков был их хозяйственный уклад? Ответ на этот вопрос могли дать, прежде всего, раскопки поселений. Однако их изучение шло не так споро, как исследования майкопских курганов. Дело в том, что найти майкопское поселение трудно. Оно находится глубоко в земле, и даже плуг при распашке почвы не достает его слоя. Но как часто бывает, неожиданному открытию способствовал случай.

В 1985 году моя экспедиция, выполнявшая задание по раскопкам курганов на полях колхоза у станицы Галюгаевской Курского района Ставропольского края, внезапно наткнулась на слой поселения майкопской культуры, скрытый в толще невысокого продолговатого холма, на котором исследовались курганы бронзового века более молодой эпохи, чем майкопская культура. Так было открыто поселение Галюгаевское 1. Раскопки на нем продолжались до 1991 года включительно. В ходе исследования этого памятника были открыты еще пять таких же поселений, залегающих в слоях невысоких естественных холмов — «галюгаев». Местность вокруг этих поселков была степная, открытая. Ощущался ее незначительный наклон к речной долине Терека, протекавшего в 2–3 км к югу. Ближайший город Моздок находился в 40 км к западу, а рядом проходила граница с Чечней, которую в то время никто из нас и за границу не принимал. К чеченцам мы час-

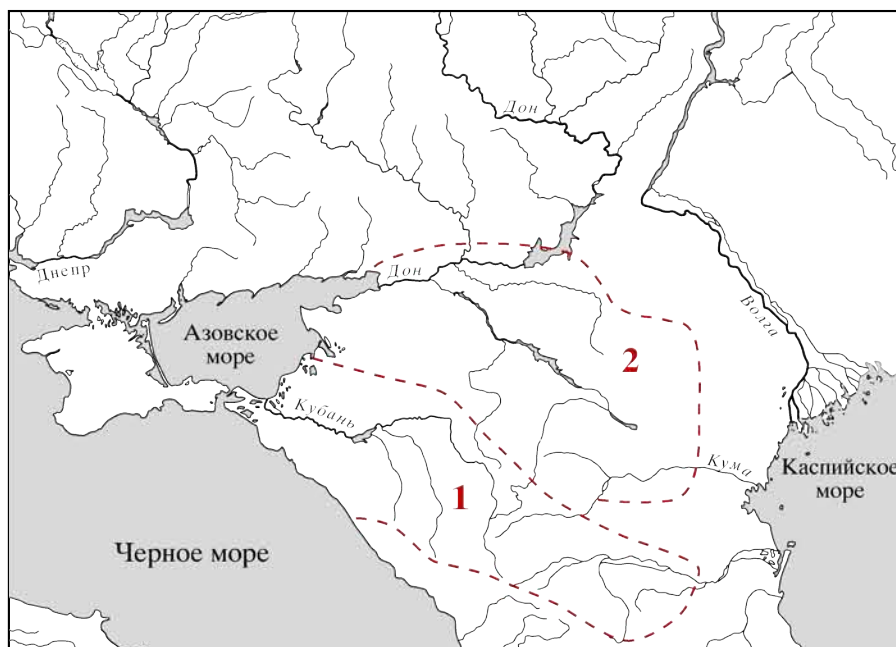

Рис. 1. Территория распространения майкопской культуры.

1. Основная зона; 2. Кумо-маньчская периферия.

то ездили в гости, помогали им наладить грузовик ГАЗ-66, а они угощали нас великолепными арбузами. В июле жара стояла страшная. Плавился асфальт. Работать приходилось рано утром и под вечер.

Раскопки поселения майкопской культуры, надо сказать, были для меня делом новым. Очень быстро стало ясно, что грунт в культурном слое лопатой кидать никак нельзя, а надо осторожно расчищать ножом и кисточкой, землю выносить ведрами и на носилках. Все это делалось для того, чтобы каждый черепок или камень оставался на месте. Потом весь раскоп тщательно и точно зачерчивался, фотографировался, описывался. Лишь после этого находки убирались с мест и готовились к транспортировке в Москву для дальнейшего изучения.

За четыре года работ удалось установить, что майкопцы жили в наземных жилищах — хижинах подквадратной или округлой формы. Свои дома они строили из жердей, прутьев и колышков. Крышу мог поддерживать опорный столб. Внешнее оформление дома майкопцев было на Галюгаевском поселке легким, то есть лишь в некоторых местах обмазанным сме-

шанной с травой глиной — турлуком. На Кубани встречаются майкопские дома, полностью обмазанные турлуком. Крыша на галюгаевских хижинах была скорее всего из соломы, прутьев и веток. Майкопцы, как удалось установить, обитали в жарком климате, и их тип жилища хорошо соответствовал своему времени.

Очаг устраивался то под стеной, то посередине жилища. Мест для отопления было несколько, максимальное число очагов — 5. У одной хижины рядом находилась яма, заполненная золой. Сюда выбрасывались остатки продуктов горения. В жилищах мы нашли расположенные вдоль стен каменные орудия ударного действия, зернотерки. Развалы сосудов также располагались под стенами. В камеральных условиях мы стремились восстановить все разбитые горшки, но, увы, это сделать не удавалось. Целых форм горшков в жилищах не осталось. Они были намеренно разбиты еще в древности. Крупные пифосы высотой до 50 и более сантиметров даже несли следы ударов затянутые тысячелетней патиной. Отдельные «пифосы» располагались снаружи. А два целых крупных горшка в прекрасном состоянии

остались лежать перед стеной строения. До сих пор непонятно, как же им удалось пролежать в открытом месте сотни и сотни лет, пока их не затащили на землю!?

Непременным атрибутом майкопских жилищ были так называемые конусы — пирамидки — своеобразные изделия из глины с основанием-площадкой для устойчивости в стоячем положении и отверстием в центре. Головка конусов иногда оформлялась желобком, маркировалась насечками. Скорее всего, то были некие приставки к очагам, возможно, даже культового значения.

Большого огня в хижинах не разводили, боялись пожаров. В них явно трудились, возможно, спали. Готовить пищу и есть могли на улице. Поражала относительная чистота внутри майкопских жилищ. Никаких костных отбросов найдено в них не было. Кости животных в основном помещали в так называемые мусорные ямы, или они шли на корм собакам. Последних ям было множество. В них, кроме костей, лежали обломки каменных орудий, глиняных конусов. Интерпретация этих ям не проста. Не исключено, что это были некие «закопушки», сочетающие бытовые и культовые функции. Но в любом случае надо подчеркнуть стремление майкопцев соблюдать правила гигиены. Мясными отходами в жилищах не разбрасывались. Без этих правил населению вряд ли удавалось бы выжить и не задохнуться от антисанитарии, связанной с использованием в жарком климате мясной пищи.

Во время раскопок на поселении Галюгаевское I было раскопано три хижины на северо-восточной окраине всхолмления. Они имели разную площадь от 25 до 72 м² и стояли вдоль осевой линии холма.

Помимо обычных мусорных ям нам удалось найти ямы с керамическим браком. Они были заполнены обломками сосудов с деформированными очертаниями, разной степенью прокала. На отдельных сосудах были видны следы веревки. Ей обвязывали еще сыроватое тулово большого сосу-

да, чтобы оно не исказило свои контуры при просушке. Эти находки еще раз подтвердили старую истину, что мусорные ямы — сокровище для археолога.

Собранная на поселении Галюгаевское I коллекция керамики была богата. Всего она насчитывала около 8000 фрагментов. Примерно половина из них относилась к сосудам, которые изготавливались при помощи поворотного устройства в виде подставки (столика) на оси. Туловище горшка сначала лепили от руки ленточным способом, придавали ему форму овала. Затем, поставив устьем на подставку круга, могли подработать, вращая последний. Верхнюю часть горшка лепили отдельно. На кругу придавали ей четкую форму окружности. От механического вращения на внутренней части горловины иногда оставались тонкие серии полосок, идущих в строго горизонтальном направлении. Венчик изнутри после такой операции приобретал остроугольный отгиб. Круговая посуда майкопцев снаружи тщательно отделывалась, лошилась порой до блеска. Цвета майкопских круговых горшков охристые: красные, коричневые, желтоватые, черные.

Ассортимент глиняной посуды майкопцев был очень богат. На кругу изготавливались крупные сосуды с яйцевидным туловом с высотой от полуметра до метра — пифосы. Их использовали для хранения жидких, сыпучих грузов и всяких вещей. Широкой популярностью пользовались круговые сосуды с туловом шаровидных форм емкостью от одного литра до нескольких литров. Изготавливались крупные чаны диаметром до 1 м. Трапезная керамика включала мелкие круглодонные и тщательно отделанные сосудики, кубки, миски емкостью до 0,5 л. Но вот категория кружек популярностью не пользовалась. Небольшие сосуды за маленькие ручки могли подвешивать дома на веревочке. Во время перемещений шаровидного типа горшки, вероятно, перевозились в кошелках-оплетках.

На круговой круглодонной посуде майкопской культуры имеются знаки мастеров. Они наносились по сырому тесту горшка еще до обжига незамысловатым способом: то отпечатком пальца, то прочерком палочки. Знаки свидетельствуют о ремесле майкопцев, организованном по клановому принципу. Более того, это одни из свидетельств наличия у майкопских племен зачатков кодирования и передачи информации в твердом материале, как далекого прообраза будущих знаковых систем, приведших к появлению письменности (рис. 2).

Помимо круговой посуды широко использовалась и лепная, напоминающая застывший в глине мешок. Она широко использовалась в кухонных целях для приготовления пищи. У населения Галюгаевского I поселка и близким им племенам в основном держалась традиция изготавливать круглодонную посуду. У других племен круговая посуда имела и плоское дно.

Богатство типов майкопской керамики явно указывало на важную роль трапезы и пирания в их жизни. А разнообразие открытых форм позволяет допускать использование в пищу разных каш, похлебок. Для приготовления пищи более использовалась лепная и менее тщательно выделанная посуда.

В жилищах и мусорных ямах поселения было найдено много каменных орудий. Это были ручные молотки-отбойники, подставки-наковаленки, терочники-абразивы из речной гальки. Часто попадались зернотерки.

Самой замечательной находкой стала бронзовая мотыга. Она была обнаружена примерно в центре поселка. Что побудило ее здесь оставить древних людей — загадка, может быть, тут находилось некое культовое место, а мотыга была его частью. Ведь на Древнем Востоке это орудие было священным.

В мусорных ямах поселка мы нашли массу костей животных. На первом месте шли кости крупного и мелкого рогатого скота, затем свиньи и лошади. Костей диких животных было мало. Эти данные явно говори-

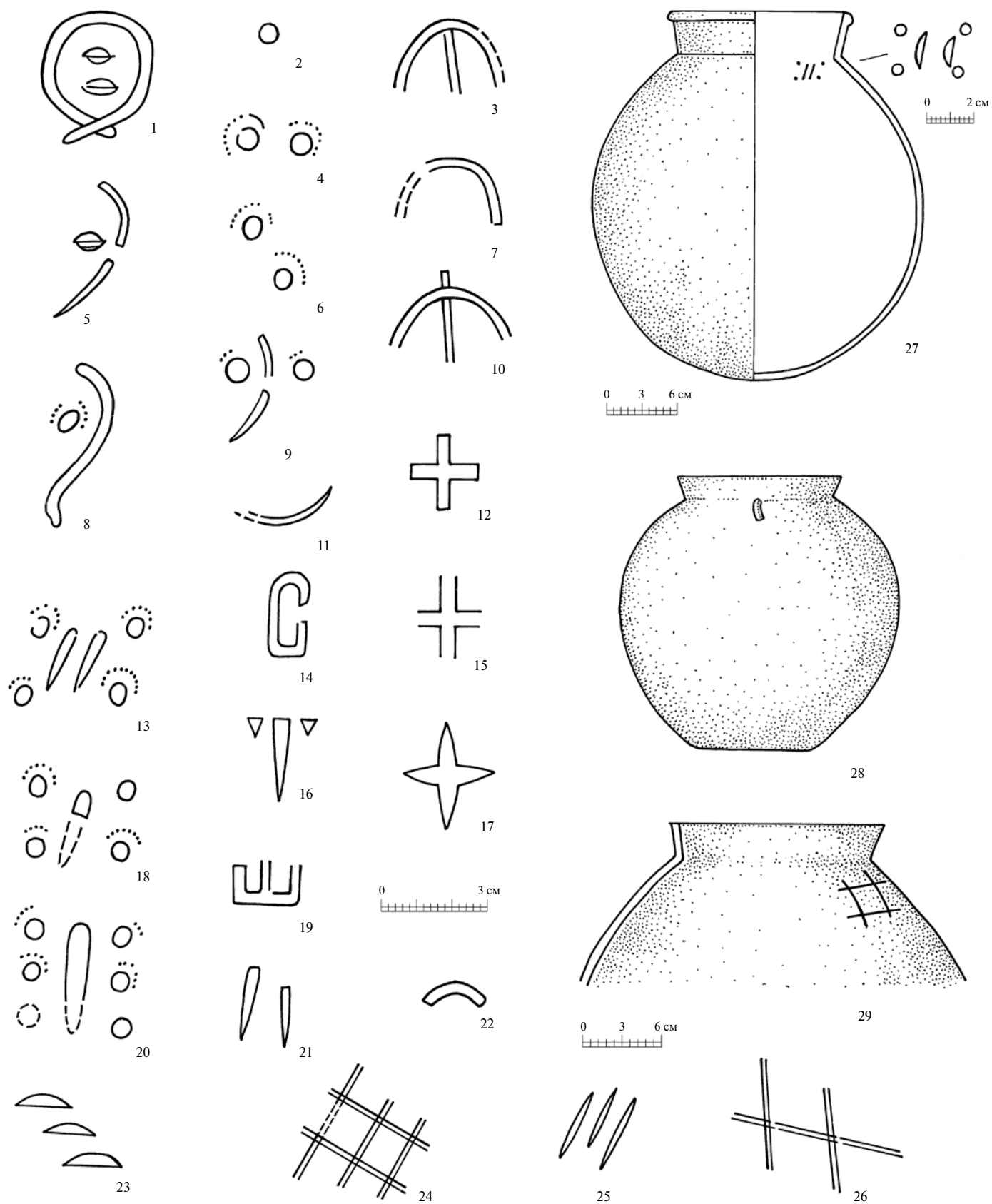

Рис. 2. Знаки на круговой керамике раннего этапа майкопско-новосвободненской общности.

1–26. Образцы знаков; 27–29. Сосуды со знаками.

ли об активном скотоводстве при- домного характера. Как известно, свинья — не животное кочевников. С ней кочевать с места на место просто невозможно. Скот мог пастись на лугах приречной долины и содержаться в стойлах. О земледелии и собирательстве свидетельствовала не только находка мотыги, но и кремневые вкладыши серпов. Весь этот комплекс находок отражал жизнь оседлых земледельцев и скотоводов.

Общая площадь проселка Галюгаевское I составляла до 2 га. Все открытые нам строения были уничтожены огнем. Но следов нападения врага не было. Сожжение жилищ, по данным исторической этнографии, могли обусловить разные причины. Археологи отмечают такие черты быта древних земледельцев и скотоводов на разных территориях.

Даты поселения Галюгаевское I указывали на вторую половину IV тысячелетия до н. э. Но поселок Галюгаевское III дал более древнюю дату, относящуюся к началу IV тысячелетия до н. э. Вероятно, майкопские племена появились в данном месте в начале IV тысячелетия до н. э. и затем долго жили здесь, эпизодически перемещаясь с места на место, сочетая оседлость с мобильностью. Последняя черта подвижно-оседлого образа жизни была обусловлена стремлением к поселению у плодородных участков речной долины. Ведь их систематическое возделывание под посев могло приводить к потере плодородия поверхностного слоя почвы. Такой образ ведения хозяйства весьма типичен для ранних земледельцев и скотоводов древней Европы и Передней Азии.

Обнаруженные на Галюгаевском поселении данные о племенах майкопской культуры находят аналогии в других ее памятниках, среди материалов подобных селищ Центрального и Западного Предкавказья, а также в комплексе знаменитого Майкопского кургана. На Южном Кавказе аналогии поселению Галюгаевское I можно увидеть в северной Грузии на поселениях Бериклдееби и Лейлатепе

в Азербайджане, хотя не исключено, что последние памятники относятся к более раннему возрасту.

За пределами Кавказа аналогии керамическому комплексу поселения Галюгаевское I можно найти в памятниках Урукского периода в Месопотамии, Восточной Анатолии и Сирии (Корневский, 1993; 1995; 2004).

Первые курганы на юге Восточной Европы появились несколько ранее майкопской культуры во время энеолита (Корневский, 2004а). Их насыпи были не высоки и не превышали, как правило, 1 м. Майкопская культура знаменита тем, что именно ее племена первыми стали насыпать большие курганы над могилами своих лидеров. Условно за понятие «большого кургана» можно принять памятник высотой более 3 м. Высота раскопанных майкопских курганов достигает 10–12 м при диаметре 100 м. Самые внушительные курганы памятники майкопской культуры еще не раскопаны.

В 70-х годах прошлого века крупные курганы майкопской культуры в Центральном Предкавказье были исследованы И. М. Чеченовым в г. Нальчике (высота 10 м), у с. Кишпек, В. Г. Петренко раскопала большой курган у пос. Иноземцево. В 80-х годах несколько крупных курганов высотой более 3 м в Адыгее раскопал А. Д. Резепкин. Самый большой из них — «серебряный» — имел высоту 12 м при диаметре 148 м. Его гигантская насыпь перекрыла несколько меньших курганов. Но сам «серебряный» курган был насыпан уже над дольменом более молодого возраста (погребение 54), чем майкопская культура. Под насыпями земляных гигантов нередко находили очень богатые погребения майкопцев с оружием и орудиями из бронзы (рис. 3), бронзовой посудой, драго-

ценной утварью. Они совершались в больших ямах или каменных наземных гробницах. К такому типу памятников относятся также три кургана у с. Заманкул и Брут в Северной Осетии. Они исследовались В. Л. Ростуновым в середине 90-х годов на средства предприятия Л. И. Сокурова. В их исследованиях по приглашению Л. И. Сокурова принимал участие и я. Высота заманкульских курганов составляла 6–8 м.

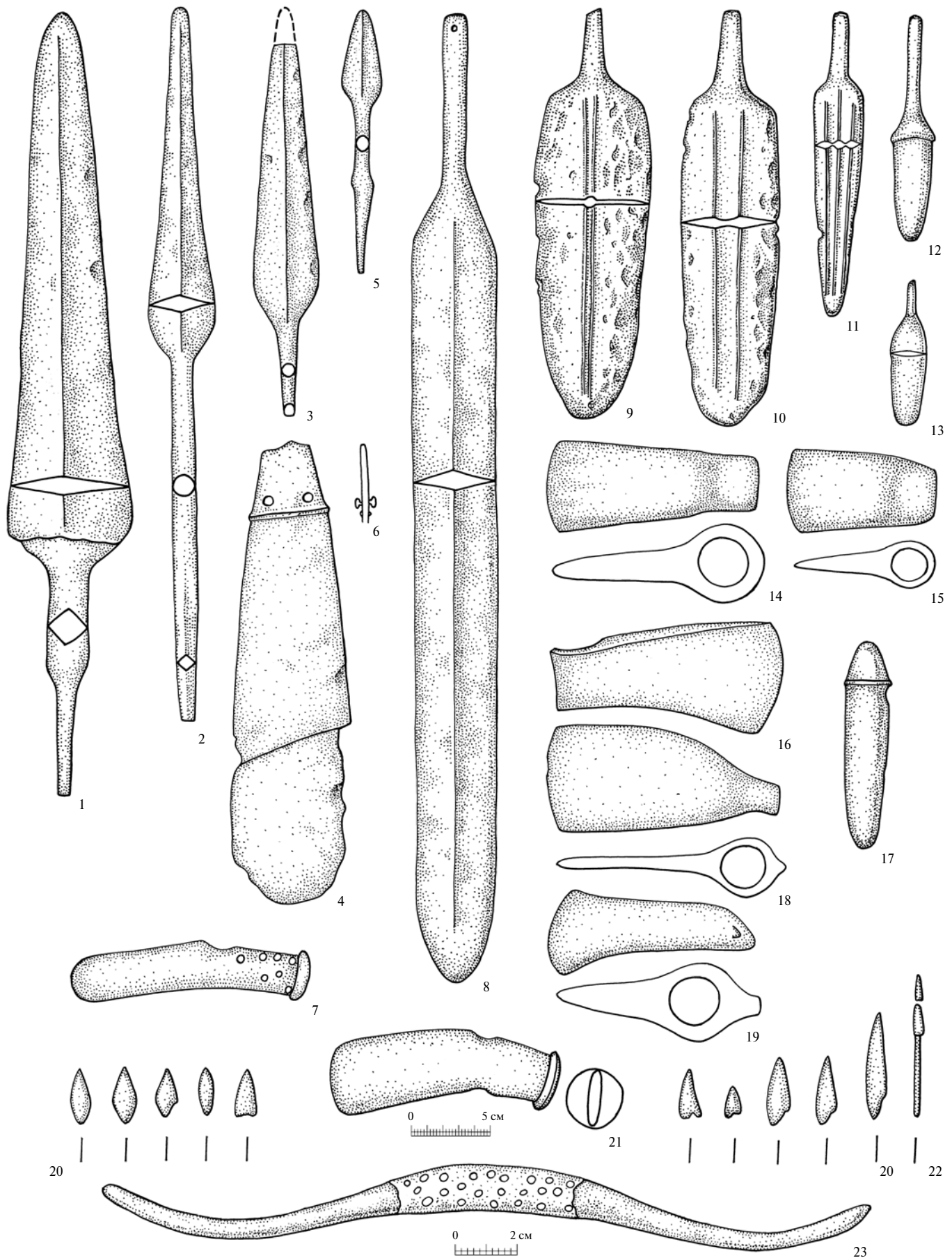
Самый древний из них, курган 3 у с. Брут (3900–3770 гг. до н. э.) (рис. 4, 1). Могила в нем имела форму удлиненной трапеции с длиной 7,45 м при ширине коротких стенок 2,7 и 3,4 м. Могила вначале перекрыла первая насыпь с высотой около 3,4 м, которая затем была покрыта глинистой желтой обмазкой. Сама насыпь была насыпана из чистого чернозема и имела вид правильного эллипса. Затем возникла вторая насыпь. Она повторила эллипсовидный контур первой, была сложена из чернозема. Ее снова перекрыл слой желтой глины, толщиной 0,4 м. Высота достигла 5 м при большем диаметре 29 м. У подножья насыпи 2 с юго-востока возвели земляную серпообразную выкладку. В этот момент, надо думать, наступила пауза в строительстве. В основном захоронение проникли люди с целью простого или, скорее, ритуального ограбления могилы.

После этого была насыпана насыпь 3. В итоге курган подрос до 7,8 м в высоту. Наступил очередной перерыв в строительстве.

Работы на кургане возобновились, когда центр насыпи просел в яму захоронения и грабительский ход. Создание насыпи 4 потребовало немалых усилий. Курган в итоге увеличился, видимо превысив высоту 8 м при диаметре в 54 м.

Другой курган 1 у с. Заманкул (рис. 4, 2) был сооружен позже кур-

Рис. 3. Военно-охотничье снаряжение племен майкопско-новосвободненской общности. 1–19. Бронза; 20, 21. Камень; 22. Кость; 23. Реконструкция лука по изображению из гробницы кургана 28 урочища «Клады».

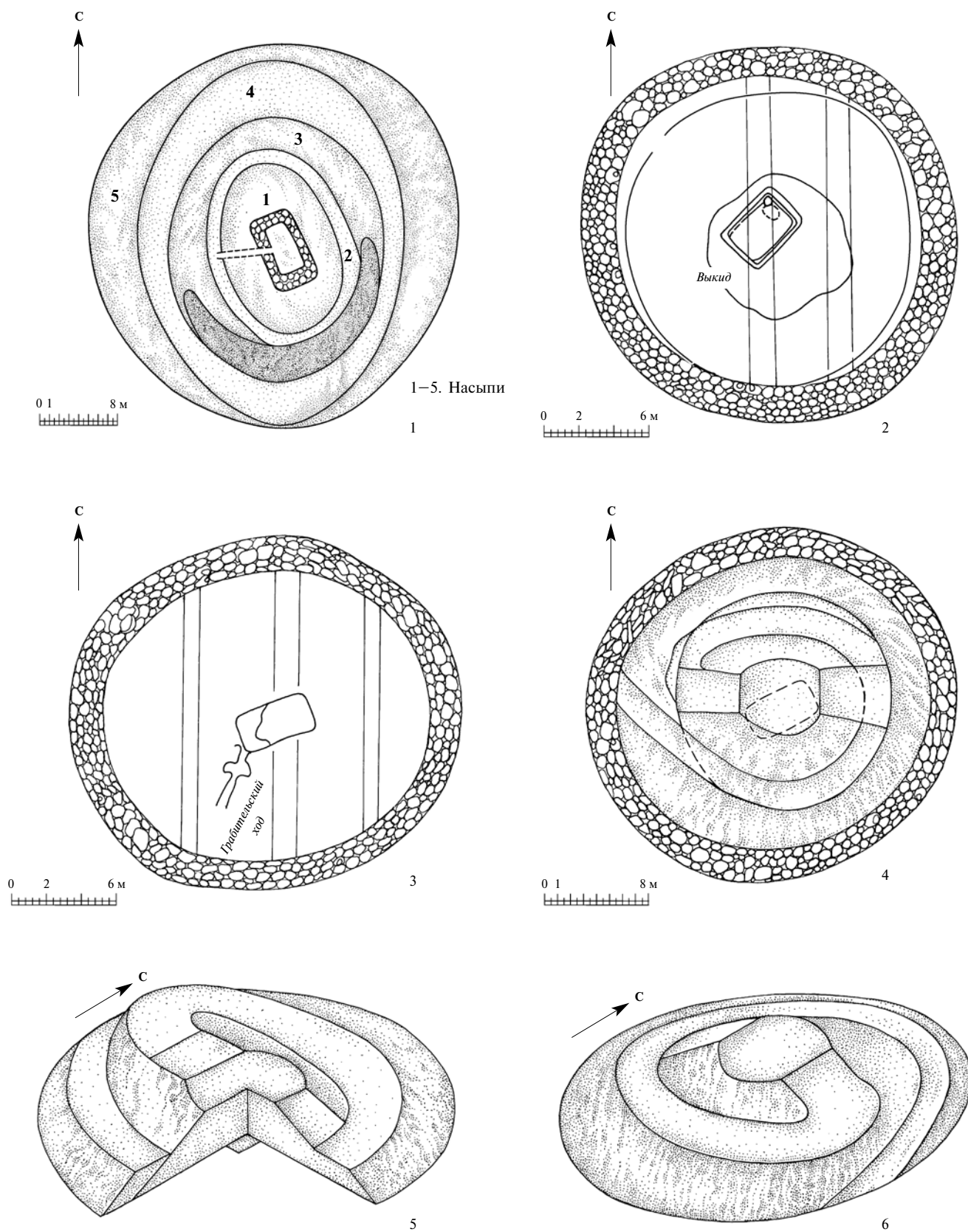

Рис. 4. Курганы Заманкульского могильника. 1. План кургана 3 у с. Брут; 2. План Кургана 1 у с. Заманкул; 3. План кургана 2 у с. Заманкул; 4–6. Изометрические реконструкции насыпи кургана 2.

гана 3 у с. Брут (3640–3500 гг. до н. э.) в два приема. Его первая насыпь сферической формы появилась над майкопской могилой 70. Могила имела крупные размеры 6,9 × 4,8 м. Насыпь 1 приобрела диаметр в 34,7 м при высоте 6 м. Вторая насыпь над погребением 70 была возведена после проседания центра первой насыпи в могилу, когда рухнуло ее перекрытие. Она увеличила диаметр кургана до 44–45 м и его высоту до 6 м. Края новой насыпи укрепили кромлехом.

Курган 2 у с. Заманкул наиболее поздний (рис. 4, 3–6). Он датируется 3500–3340 гг. до н. э. Яма основного погребения 60 имела в длину 7,54 м и в ширину 4,2 м. Ее глубина от поверхности земли составила 1,8 м. Первая насыпь кургана над майкопской могилой имела вид ступенчатой усеченной земляной пирамиды с высотой 5,7 м, нижним основанием 44 м и верхней площадкой 8–10 м. Перекрывшая ее насыпь 2 имела диаметр 50 м и высоту 6 м. Насыпь была обнесена кромлехом (рис. 6).

Раскопки заманкульских курганов показали, что эти памятники превращались в земляной гигант не сразу, а в результате последовательных досыпок. По рассмотренным примерам это делалось над основным захоронением. В иных случаях (курганы могильника Клады, Иноземцевский курган 1976) — над более ранними майкопскими погребениями.

Большие майкопские курганы имели различные формы насыпей: сферическую, овальную, насыпь с плоской вершиной, фигурную насыпь трапециевидной формы, на вершину которой вел подъем в виде спирали. Сферическая насыпь кургана, как известно, имела общее распространение. Большие майкопские курганы с плоской вершиной, превращенной в площадку, помимо заманкульского кургана 2 известны из урочища Клады. Таковы курган G и перекрытый его гигантский курган II. Плоская площадка известна и в насыпи огромного Нальчикского кургана.

Заманкульский курган 2 с пирамидальной конструкцией насыпи 1 имел винтовой подъем на плоскую вершину. Его ширина составила 3–4 м. Последний предполагал использование памятника как места для восхождения на него людей. Возможно, это делалось с культовыми целями.

Большие курганы могли не иметь кромлеха или обноситься им. Кромлехи курганов 1 и 2 у с. Заманкул были сделаны из речного булыжника. Камни приносились из разных мест. Символика кромлеха в силу этого выглядит более сложной, чем просто как оградительная магическая линия.

Для возведения «больших курганов» майкопцами использовались специальные знания. Об этом говорит сложная архитектура больших майкопских курганов, четкая симметрия их конструктивных деталей. Имеет место фиксация геометрического центра, совпадающего с геометрическим центром захоронения памятника. Все эти особенности конструкторских технологий прослеживаются на примерах курганов у с. Заманкул и Брут. Они допускают предположение о развитии особых знаний геометрии фигур авторов сооружения этих земляных колоссов. К таким знаниям можно отнести понятия круга, правильного эллипса, треугольника Пифагора, ската поверхности с углом 30°.

Не исключено, что понятие симметрии могло быть связано с культовыми верованиями, поскольку связь математики с религиозными представлениями в древности является хорошо известной. Она, например, включала магию чисел, так же и толкование центра симметрии как наиболее подходящего места для устройства «оси небесной или оси мироздания» (Найджел Пенник, Пруденс Джонс, 2000, с. 43)

Чрезвычайно важно отметить и другое. Намеренное использование черноземного грунта для сооружения насыпей этих курганов позволяет предположить особое отношение древних людей к плодородному слою почвы, как магической силе, обеспе-

чивающей плодородие. В силу этого в черноземной насыпи могла заключаться идея плодородия и реинкарнации умершего.

Символическими чертами также мог наделяться материковый (желтый) глинистый грунт. (Возможно, то была символика солнечного культа, ибо ассоциации желтого цвета с солнцем универсальны). Так глинистые прослойки ярко-желтого цвета покрывали черноземные насыпи кургана 3 у с. Брут. Мощная глинистая прослойка была использована на финальном этапе сооружения кургана «серебряного» урочище Клады.

Сам факт возведения большого многометрового кургана был следствием развития не только культовых, но и экономических отношений в среде племен майкопской культуры. Согласно теории этнологов, такая работа могла принимать вид поминальной отдачи трудом клану умершего (Семенов, 1993). Она превращала курган в масштабный, требующий сложных инженерных навыков сооружения, феномен культовой земляной архитектуры.

Погребения заманкульских курганов были разрушены еще в древности и, скорее всего, во время существования майкопской культуры и, возможно, с ритуальными целями. Найденная в кургане 1 бронзовая утварь (мотыга, топор, сосуд, тесло) и керамика в кургане 2 позволяют сопоставлять их кругом памятников Майкопского кургана раннего периода майкопской культуры, а также рассматривать как памятники административных и культовых лидеров майкопской культуры (Корневский, Ростунов, 2004).

Долгое время об антропологии носителей майкопской культуры было мало что известно. Серия исследований черепов из ее погребений невелика. Реконструкции по черепам, найденным в кургане 5 II Нежинской группы (раскопки С. Н. Корневского) и в кургане 2 у с. Заманкул (раскопки В. Л. Ростунова). По заключению Т. И. Алексеевой, они относятся к грацильным формам сре-

диземноморской расы. На территории Кавказа подобный антропологический тип был известен уже в V–IV тысячелетия до н. э. А похо-

жие люди жили в это время в Армении, Грузии, Месопотамии. Ирана (Алексеева, 2004, с. 178). Все эти данные неплохо согласуются с общей

ориентацией культурных связей майкопской культуры, охватывающих Южный Кавказ, Север Месопотамии, Восточную Анатолию и Иран.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеева Т. И., 2004.* К антропологии племен майкопско-новосвободненской общности в Центральном Предкавказье // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.
- Корневский С. Н., 1993.* Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М.
- Корневский С. Н., 1995.* Галюгай 1 — поселение майкопской культуры. М.
- Корневский С. Н., 2004.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.
- Корневский С. Н., 2004а.* Феномен больших майкопских курганов // Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. Тезисы докладов научной конференции. Москва 16–19 ноября 2004 года.
- Корневский С. Н., Ростунов В. Л., 2004.* Большие курганы майкопской культуры у с. Заманкул в Северной Осетии // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.
- Крупнов Е. И., 1951.* Древнейший период истории Кабарды // Сборник по истории Кабарды. Вып. 1. Нальчик.
- Мунчаев Р. М., 1975.* Кавказ на заре бронзового века. М.
- Мунчаев Р. М., 1994.* Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и Средняя бронза Кавказа М.
- Пенник Н., Джонс П., 2000.* История языческой Европы. М.
- Семенов Ю. И., 1993.* Экономическая этнология М.
- Семенов Ю. И., 1993а.* Переход от первобытного общества к классовому, пути и варианты развития // Этнографическое обозрение. М.
- Gimbutas M., 1956.* The Prehistory of Eastern Europe. Cambridge. Part I.
- Rezeppin A. D., 2000.* Das frühbronzezeitlich Graberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archäologie in Eurasien. Band 10. Verlag Marie Leidorf: Rahden, Westfalen.

Дольмены в долине реки Жане

С 1997 г. Западно-Кавказская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) ведет комплексное исследование дольменов, расположенных в живописной долине реки Жане — приблизительно в 10,5 км к востоку от Геленджика (Краснодарский край РФ) и в 1 км к северу от восточной окраины п. Возрождение. Работы ведутся с целью глубокого изучения закономерностей формирования и развития практики культового мегалитического строительства комплексными обществами эпохи бронзы Западного Кавказа.

Дольмены долины Жане располагаются на правом берегу реки двумя группами, расстояние между которыми составляет около 400 м. Примерно на таком же расстоянии от второй группы были найдены следы полностью разрушенной третьей группы дольменов. Кроме дольменов в относительно небольшой долине, чья протяженность составляет всего около 2 км, располагаются огромный средневековый курганный могильник (более 1000 насыпей) и средневековое поселение.

О существовании дольменов в долине Жане отечественные и зарубежные археологи впервые узнали из публикаций выдающегося кубанского

краеведа Е. Д. Фелицина — составителя первой археологической карты «Кубанской области» (Фелицын, 1879; 1882; 1904). Позднее дольмены в долине Жане осматривали краевед и писатель С. И. Васюков, хранитель новороссийского музея Г. Н. Сорохтин и археолог из Сухуми Ю. Н. Воронов, которые оставили краткие описания и зарисовки дольменов (Васюков, 1902; Сорохтин, 1915; 1916; Воронов, 1979). Упоминание о дольменах долины Жане можно найти в работах А. Ф. Лещенко, А. М. Таллгрена, Л. И. Лаврова и В. И. Марковина (Лещенко, 1931; Tallgren, 1934; Лавров, 1960; Марковин, 1978). Каких-либо археологических исследований дольменов в долине Жане до начала работ экспедиции ИИМК РАН не проводилось.

Наиболее оригинальная по архитектуре группа, которой был присвоен номер 1, состоит всего из трех дольменов и занимает наиболее плоский участок северной оконечности отрога горы Тхаб, площадью около 3000 м² (рис. 1). Все три дольмена расположены в ряд по линии ВСВ—ЗЮЗ, на расстоянии 20 м друг от друга, и ориентированы фасадами на ЮЮВ, т. е. вниз по склону в сторону реки. К началу раскопок каждый из дольменов представлял собой в различной степени поврежденную мегали-

тическую конструкцию, окруженную с трех сторон, исключая фасадную часть, задернованной насыпью из речных валунов, достигающей уровня крыши дольменов (рис. 2, 3). Крайние в группе дольмены 1 и 3 представляли собой круглые в плане постройки из крупных, тщательно обработанных фигурных песчаниковых блоков. Между ними в центре был расположен почти квадратный в плане дольмен из очень больших и массивных плит.

Все три дольмена в различной степени пострадали в результате воздействия природных и антропогенных факторов. У центрального дольмена повреждены плита перекрытия, участок насыпи, примыкающий к задней плите, и остатки культурного слоя внутри дольмена. Последние повреждения были причинены в 1996–1998 гг. деятельностью членов оккультной секты «Анастасия», избравших дольмены в долине Жане объектом поклонения.

В наибольшей степени к моменту раскопок были повреждены круглые постройки. Основной ущерб им был причинен в послевоенный период, когда территория памятника оказалась сначала в зоне лесоразработок, а затем на границе с колхозными садами. У дольмена 3 разбита плита перекрытия и разрушена фасадная часть.

Рисунок 1. Правый берег долины реки Жане, дольменная группа 1.

Часть блоков повреждена и раскидана вокруг дольмена на расстоянии 5–10 м. В еще большей степени пострадал дольмен 1. У него были обрушены стены и перекрытие. Поскольку он находился на краю крутого разрушающегося склона, существовала опасность полного обрушения плиты перекрытия (весом около 8 т) и блоков стены. Некоторые из них уже сползли вниз по склону на 20–25 м.

С учетом как архитектурного своеобразия памятника, так и его размеров и степени сохранности, было принято решение исследовать всю его площадь, включая пространство между дольменами, а не только погребальные камеры, как это чаще всего практиковалось в кавказской археологии. Более того, применительно к памятнику была разработана и использована реконструктивная методика раскопок. Сущность методики состоит в тесной взаимосвязи детальной фиксации всех перемещенных и обнаруженных в ходе раскопок конструктивных элементов дольменов с идентификацией их первоначального положения и последующим возвращением большинства из них на прежние места. Такая методика не только обеспечивает сохранность, но и позволяет вернуть памятнику вид, относительно близкий первоначальному. Другим достоинством этой методики является возможность проверить на практике результаты виртуальной реконструкции, что, в свою очередь, позволяет использовать подобное моделирование для сильно поврежденных памятников с уверенностью в достоверности его результатов. В отличие от реставрации, частичное восстановление памятника является, по существу, побочным продуктом исследовательской методики, т. к. реконструктивная археология не предполагает полного устранения исторических утрат и повреждений памятника, а также связанного с этим изготовления недостающих элементов, сооружения дополнительных укрепляющих

конструкций и связующих растворов, и тем более полной переборки дольменов, особенно фундаментов. Реконструктивная методика археологического исследования дольменов в целом позволяет удовлетворительно разрешить все еще существующий конфликт академических интересов и принципов обеспечения сохранности древнего монументального культурного наследия, реализовав на практике два основных принципа музеефикации: сохранность и научную достоверность.

Сущность комплексного исследования дольменов в долине Жане состоит в том, чтобы не только выяснить архитектурные и конструктивные особенности памятника, но и ответить на вопросы: откуда доставлялся строительный материал, как осуществлялось строительство, для кого, когда и с какой целью был построен этот мегалитический комплекс и какие культовые обряды и ритуалы осуществлялись в его пределах, а также каким был окружающий ландшафт в период строительства и как размещение и ориентация памятника связаны с пространственной специализацией долины. Полученные в течение нескольких полевых сезонов результаты исследований позволяют ответить только на часть этих вопросов, тогда как ответом на другую их часть пока могут служить лишь более или менее вероятные предположения.

Архитектура, конструкция, строительные приемы

Центральное сооружение в группе из трех дольменов (группа Жане, рис. 1) является самым монументальным не только в долине Жане, но и среди дольменов ближайших окрестностей в радиусе около 40 км. Оно представляет собой окруженный насыпью почти квадратный в плане дольмен, сооруженный из крупных,

Архитектура, конструкция, строительные приемы

Рис. 2, 3. Дольменная группа Жане. Дольмен 2 до начала, 1997 г., и во время раскопок, 1998 г.

2, 3

Рис. 4. Дольменная группа Жане, вид с юго-запада. На переднем плане дольмен 3, 2000 г.

тщательно обработанных и подогнанных друг к другу песчаниковых плит, с примыкающим к фасадной части мощеным двором, огражденным стеной из обработанных блоков (рис. 5–7). По наружному периметру размеры дольмена равняются приблизительно $3,6 \times 3,9$ м. Высота дольмена от пола погребальной камеры до наружной поверхности плиты перекрытия составляет около 2,4 м. Толщина плит колеблется от 40 до 60 см.

Фундамент дольмена

Три тщательно обработанные плиты фундамента (пола) были уложены параллельно друг другу на специально подготовленную выров-

ненную площадку. Ширина плиты под фасадной частью дольмена 1,4 м, длина около 4 м, толщина 0,44 м. Ширина плиты под задней частью дольмена 1,2 м, длина около 4 м, толщина около 0,4 м. Размеры задней и средней плит фундамента приблизительно совпадают. На поверхности всех трех плит по периметру выбит широкий (25–30 см) неглубокий (1–1,5 см) паз с точной разметкой под каждую из четырех плит — стен дольмена.

На поверхности передней плиты пола, выступающей за пределы фасадной плиты на 0,6 м, выбит порог высотой около 2 см и шириной около 11 см, за которым начинается понижение к наружному краю плиты (перепад около 4 см). Порог и понижающаяся наружная часть передней

плиты пола, видимо, выполняли функцию отмостки. Наружный край передней плиты пола в плане заметно закруглен таким образом, что ширина отмостки по центру почти на 5 см больше, чем у боковых стен. На этом участке плиты сохранились отчетливые следы обработки поверхности каменными и металлическими инструментами.

Стены дольмена

Четыре песчаниковые тщательно обработанные плиты служат стенами дольмена. Фасадная плита слегка трапециевидной формы. Ее высота 1,8 м, длина основания 2,8 м, длина верхнего края 2,6 м, максимальная толщина плиты в центральной части

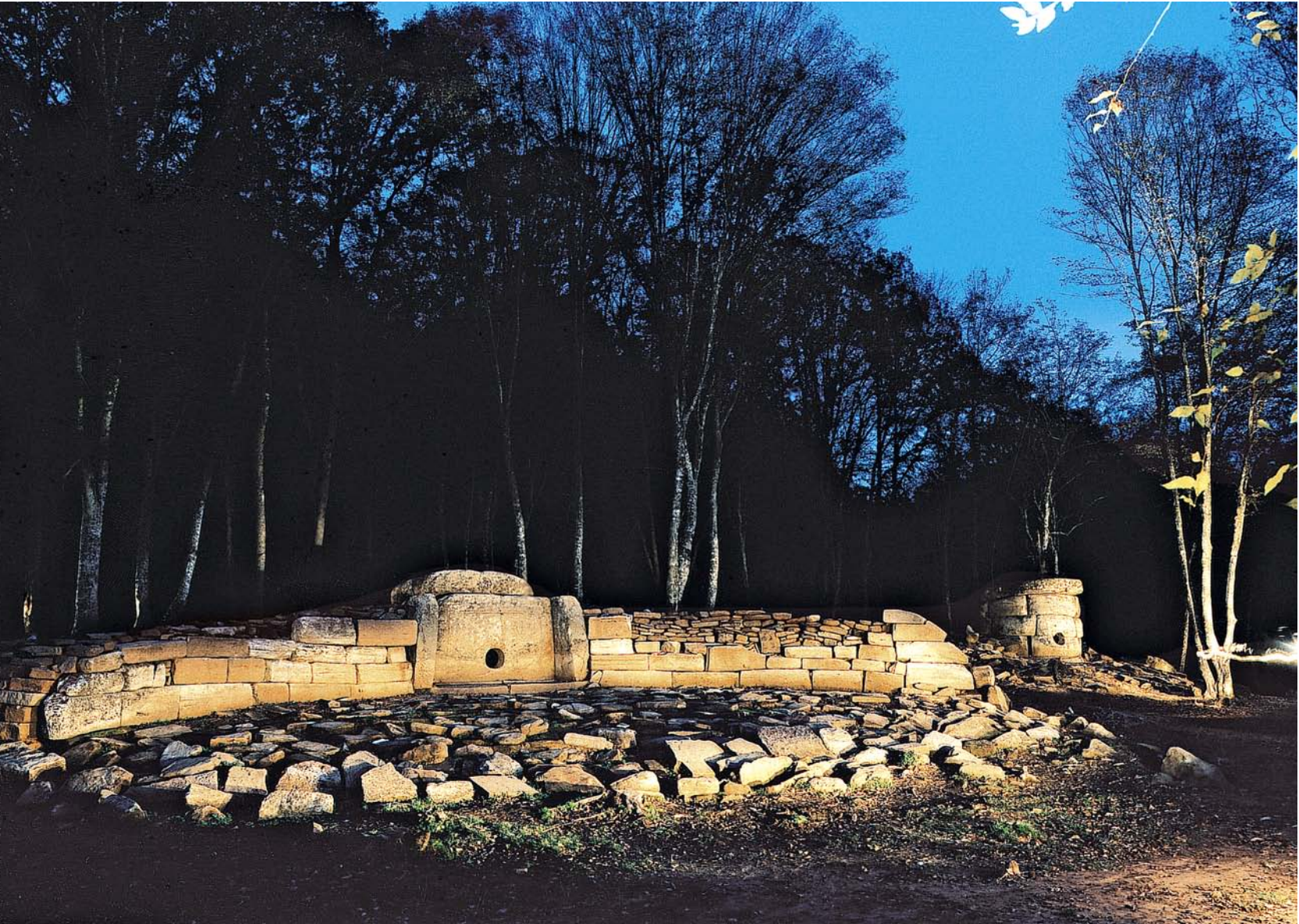

Рис. 5. Дольменная группа Жане. На переднем плане дольмен 2, вид с юга, 2000 г.

0,44 м, в основании — 0,4 м, в верхней части — 0,3 м. Разница в толщине возникла за счет придания наружной поверхности плиты выпуклой формы как в продольном, так и в поперечном сечениях. В 0,3 м от нижнего края плиты, на равном расстоянии от боковых сторон, в плите сделано круглое сквозное отверстие, диаметром 40 см. Край отверстия снаружи и изнутри сильно заглажен. Отверстие закрывалось каменной пробкой, часть которой была найдена.

Наружная поверхность фасадной плиты украшена рельефным изображением, выступающим почти на 1 см (рис. 8). Рельеф расположен П-образно по периметру фасадной плиты. Изображение можно описать как две опоры, поддерживающие двухъярус-

ное перекрытие. Высота изображения опор 1 м, длина изображения перекрытия 2,1 м.

Плиты, образующие боковые стены, имеют одинаковые размеры: длина — 3,9 м, высота порталных выступов — 1,7 м, высота противоположных порталным сторонам — 1,58 м, толщина боковых плит — 0,43 м. Торцы боковых плит со стороны фасада орнаментированы тремя рядами вертикальных параллельных врезных зигзагов. Выступающие за фасадную плиту на 0,68 м боковые стены вместе с перекрытием и плитой пола образуют портал.

Высота задней плиты — 1,54 м, ширина — 2,22 м, толщина — 0,6 м. Плита установлена слегка наклонно в пазы боковых стен. Внешней поверхности задней плиты в результате

обработки придана слегка выпуклая форма, а наружные углы боковых плит, между которыми установлена задняя стенка, скруглены таким образом, что вместе они образуют слегка закругленную заднюю часть дольмена.

Внутренняя поверхность плит, образующих стены погребальной камеры дольмена, тщательно обработана в пикетажной технике. По периметру (приблизительно на 0,6 м ниже потолка) стены украшены тщательно выбитым орнаментальным бордюром. На внутренней стороне фасадной плиты и обеих боковых стенах изображен сплошной ряд «свисающих» треугольников с закругленными вершинами, а на задней стене — зигзаг (рис. 9).

Рис. 6. Дольменная группа Жане. Дольмен 2, вид с юго-запада, 2000 г.

Перекрытие

Дольмен перекрыт сильно поврежденной в настоящее время плитой неправильной вытянутой формы. Особенно пострадала часть плиты, первоначально перекрывавшая портал. Максимальная длина сохранившейся части плиты перекрытия по оси фасад–задняя стена — 3,26 м; максимальная ширина по оси, перпендикулярной оси фасад–задняя стена, — 3,1 м. Толщина плиты над задней стенкой около 30 см, над фасадной стеной — около 60 см. На внутренней, тщательно обработанной, поверхности плиты перекрытия выбиты пазы для плотного соединения перекрытия со стенами дольмена. Наружная сторона плиты перекрытия, в отличие от внутренней поверхности, а также фасадной части, обработана грубыми сколами,

что, возможно, косвенно указывает на первоначальное перекрытие крыши насыпью. Сохранившаяся часть плиты перекрытия позволяет предположить, что до повреждения плита перекрытия была вытянутой формы с прямым или слегка закругленным козырьком над фасадной частью и закругленным краем над задней стенкой. Задняя часть плиты перекрытия была скруглена не только в плане, но и в разрезе, образуя, таким образом, плавный переход от наружной поверхности крыши к слегка наклонной наружной поверхности задней стены. Первоначальная длина плиты перекрытия была 4,2 м, ширина — 3,3 м, а ее вес был приблизительно 16–17 т. Плита перекрытия была уложена с перепадом по высоте в 8 см, образуя, таким образом, скат от фасада к задней стенке дольмена.

Насыпь

Дольмен с трех сторон (кроме фасада) окружает насыпь, диаметром около 20 м. Насыпь сложена из речных валунов и к моменту начала раскопок имела около 2,1 м в высоту, достигая основания плиты крыши дольмена. Различного размера валуны (наиболее крупные из них достигали 1 м в поперечнике) были тщательно уложены и перекрывали в несколько ярусов два контрфорса из массивных каменных блоков, приставленных под углом к боковым плитам дольмена.

Оба контрфорса представляют собой необработанные песчаниковые глыбы (ок. 1,6 × 0,8 × 0,45 м; 1,7 × 0,8 × 0,6 м), основания которых покоятся приблизительно на 0,7 м выше уровня погребенной почвы, на слое щебня, образованного отходами

Рис. 7. Дольменная группа Жане. Дольмен 2, вид с северо-запада, 2000 г.

вторичной обработки плит дольмена. Пространство между контрфорсами, стенами дольмена и плитой фундамента было заполнено тщательно уложенным под углом мелким ломаным песчаниковым плитняком.

Двор

Перед фасадной частью дольмена, примыкая к ней, располагается широкий, почти полукруглый в плане, мощный плоскими валунами и обломками плит двор. Двор отделяют от насыпи две сложенные насухо в пять ярусов стены из массивных обработанных блоков, длиной около 10 м каждая. Плавные изогнутые в плане, стены примыкают одним концом к боковым плитам дольмена в порталной части, а противоположным — к полукруглой в плане крепиде, ограждающей площадь двора

перед фасадом. Для прочности стыка кладки стен с боковыми плитами дольмена на наружной поверхности последних по всей высоте плит был вырублен вертикальный шип шириной около 10 см, высотой около 4 см, который должен был предотвратить смещение блоков стены в сторону двора под давлением камней насыпи. Это техническое решение обеспечило продолжительную сохранность стены, верхние ярусы которой были смещены и частично разрушены в эпоху позднего средневековья. Первоначальное положение с незначительным смещением сохранили почти все блоки первого яруса и часть блоков второго яруса. Блоки третьего, четвертого и пятого ярусов оказались перемещенными за счет оползания насыпи.

Использованные для строительства стен блоки вырублены из того же материала, что и плиты дольмена.

Размер блоков колеблется. Самые крупные из них превышают в длину 1,5 м, а их высота и ширина достигают 45–60 см. Поверхность блоков хорошо обработана, исключая участки, обращенные к насыпи, а сами блоки были тщательно подогнаны друг к другу. На наружной поверхности двух из них были намеренно вытесаны округлые выпуклости диаметром 7–8 см. Поверхность блоков, обращенная в сторону двора, слегка изогнута, за счет чего вся внешняя поверхность стен приобретает в плане плавную закругленную линию. Такое же намеренное закругление имеют наружные торцы стен, профиль которых дает ясное представление о кривизне наружной поверхности насыпи.

Вся площадь двора (свыше 100 м²) была вымощена в основном крупными (до 1 м в поперечнике) уплощенными (15–20 см толщиной)

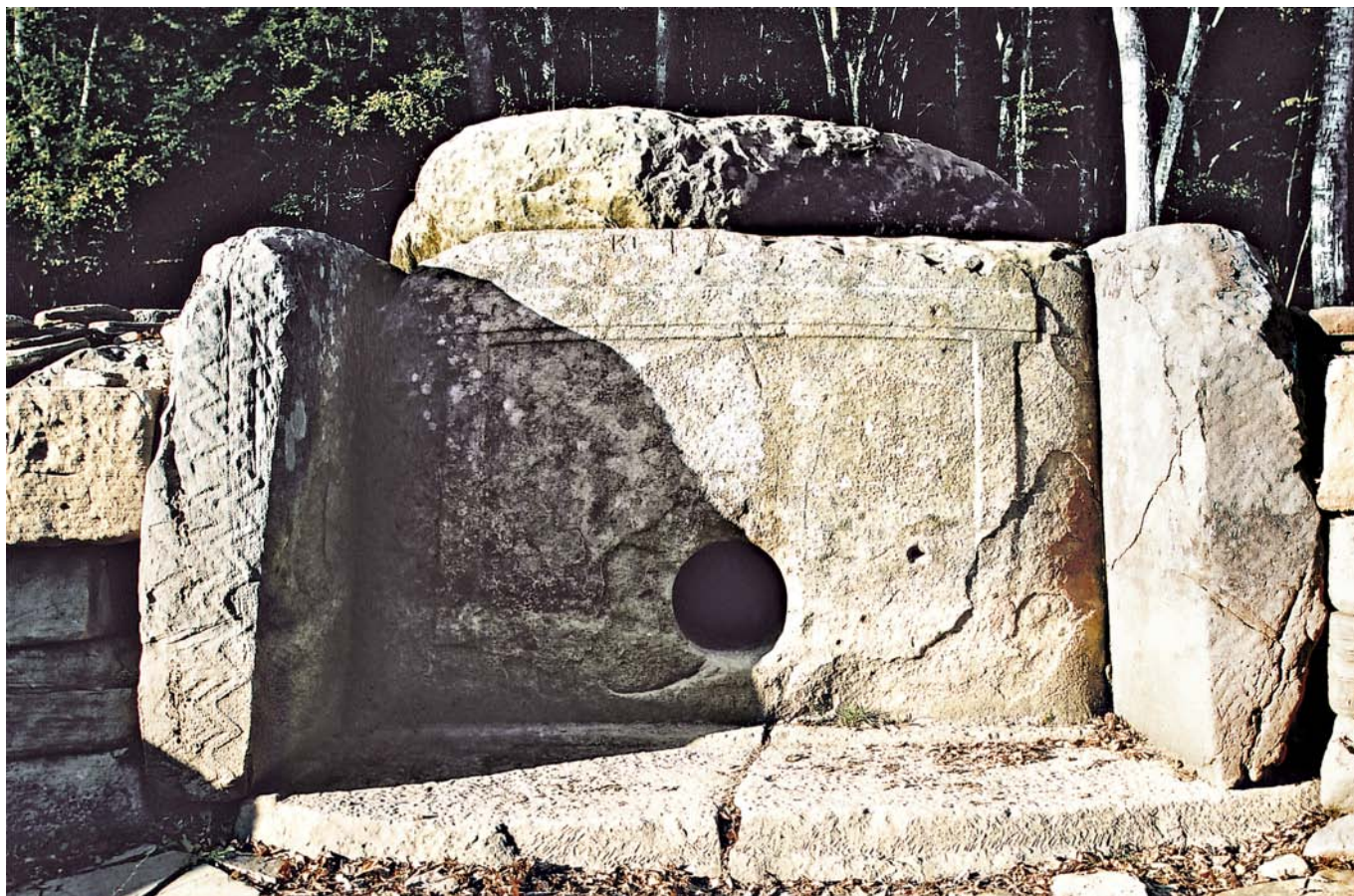

Рис. 8. Дольменная группа Жане. Орнаментированный фасад дольмена 2, 2000 г.

речными валунами. Наиболее регулярная часть вымостки из песчаниковых плит примыкает к фасаду дольмена и стенам двора. Вымостка двора образует относительно ровную поверхность, слегка понижающуюся от фасада дольмена к наружной крепице (перепад составляет около 30 см).

Расчистка каменной конструкции фасадной части двора позволила установить, что она представляет собой рухнувшую наружу сложенную насухо из массивных обработанных песчаниковых блоков стену протяженностью около 25 м и высотой (снаружи) около 1 м. Первоначально каменные блоки уложили в три яруса, перекрывая стыки между ними. Нижний (первый) ярус был уложен на специально подготовленную подсыпку из материкового суглинка и щебня — строительных отходов, образовавшихся в процессе обработки плит и выравнивания площадки для

сооружения дольмена. Толщина этой подсыпки по периметру двора составляет около 45–50 см. Сооружение подсыпки было вынужденной мерой, главной целью которой было выравнивание площадки для двора, который располагался на естественном склоне. На участке, где располагался наружный край двора, крутизна склона составляла около 15°. Именно естественная эрозия подсыпки была главной причиной возникновения оползня и, как следствие, обрушения наружной стены двора.

Блоки первого и второго ярусов наиболее массивны. При толщине 30–35 см, некоторые из них достигают в длину 1,5 м, а в ширину — 1 м. В основном это блоки прямоугольной формы. Все они были уложены плашмя, а стыки между ними тщательно подогнаны. Особой тщательностью и точностью отличается изготовление блоков, формирующих стыки между внутренними и наруж-

ной стенами двора. Их высота вдвое превышает высоту остальных блоков первого яруса, а на их поверхности вырублены пазы для стыков с другими блоками стен. Кроме этого, для обеспечения более точной сопряженности наружных поверхностей крепицы вокруг насыпи и фасадной стены двора наружным поверхностям этих блоков была придана закругленная в плане форма.

Толщина блоков первого яруса приблизительно равна толщине блоков, составляющих фундамент двора, и приблизительно на 10–15 см меньше толщины плит фундамента (пола) дольмена и блоков первого яруса внутренних стен двора.

Толщина блоков второго яруса наружной стены двора соответствует толщине вымостки двора, т. е. составляет 30–35 см, и только блоки третьего яруса превышают уровень вымостки двора. Таким образом, высота стены с внутренней стороны

Рис. 9. Дольменная группа Жане. Погребальная камера дольмена 2, 2000 г.

двора составляет всего около 40 см, тогда как снаружи — около 1 м. Наружная сторона блоков всех трех ярусов скруглена таким образом, что составляет единую плоскость полукруглого в плане, тщательно обработанного пикетажем фасада. Качество обработки наружной поверхности фасадной стены двора не уступает качеству обработки фасадных поверхностей дольмена и внутренних стен двора.

Следов конструктивно оформленного прохода в стене не найдено, и все элементы конструкции указывают на то, что такого прохода во двор со стороны фасада двора никогда не было. Другими словами, двор представлял собой замкнутое пространство, окруженное со всех сторон стенами разной высоты.

В целом, зрителю, находящемуся за пределами двора, дольмен представлял в виде монументального сооружения, перед погребальной камерой

которого располагалась огражденная стеной из тесаного камня мощеная платформа.

Два другие дольмена, расположенные симметрично с правой и левой сторон от центрального сооружения, заметно уступают ему в размерах, но в известной степени превосходят в оригинальности архитектурного исполнения. Оба дольмена (1 и 3) представляют собой круглые в плане постройки из крупных, тщательно обработанных фигурных песчаниковых блоков длиной от 1 до 2,5 м, высотой 0,6–0,7 м, толщиной 0,3–0,6 м. Блокам придана изогнутая форма, для того чтобы в сборе они образовывали трехъярусную круглую в плане камеру, диаметр которой на уровне покровной плиты меньше, чем на уровне плит пола (фундамента) (рис. 10). Наружный диаметр обоих дольменов на уровне пола — около 3,3 м, но внутренний диаметр различный. У дольмена 1 диаметр на

уровне пола приблизительно 2,1–2,2 м, на уровне перекрытия — около 1,9 м, а у дольмена 3 на уровне пола внутренний диаметр камеры составляет 2,56 м, на уровне же перекрытия — 2,3 м (рис. 11). Высота обоих сооружений от уровня пола до наружной поверхности плиты перекрытия — почти 2,5 м. Как и у центрального дольмена, плиты фундамента круглых построек были уложены на подсыпку из смеси щебня, образовавшегося в ходе обработки плит, и суглинка. Такая же строительная смесь была использована под основание вымостки дворов перед фасадами дольменов, причем у дольмена 3, располагавшегося на более крутом участке склона, толщина подсыпки у наружного края двора превышала 0,5 м. Фундамент дольмена 1 сложен из двух плит, а дольмена 3 — из одной, но в обоих случаях он почти правильной круглой формы, диаметром около 3,3 м и толщиной около

Рис. 10. Дольменная группа Жане. Дольмен 1 после завершения восстановительных работ, 1998 г.

0,4 м. На поверхности плит фундамента по периметру выбит широкий (40–45 см) неглубокий (1–1,5 см) паз с точной разметкой под каждый из четырех блоков нижнего яруса стен дольмена. Блоки были уложены насухо, с поярусным перекрытием стыков между ними. На горизонтальных поверхностях всех блоков сохранились следы их индивидуальной подгонки друг к другу в виде неглу-

боких (до 1 см) подтесок. Характер укладки блоков больше всего соответствует технике, применяемой при сооружении ложных сводов, когда диаметр каждого последующего яруса меньше предыдущего. Образующиеся при этом уступы в кладке были выровнены уже после того, как была уложена плита перекрытия. Тщательнее всего пикетажем были выровнены внутренние стены круг-

лых камер, которые приобрели плавный наклон от пола к потолку, а также фасады этих ложнокупольных сооружений. Наружная поверхность за пределами фасадов, которую скрывали насыпи обоих круглых дольменов, сохранила следы только грубой оббивки. Вертикальными границами фасадной части обоих круглых дольменов служат два неглубоких паза, к которым примыкали блоки портала. Сами порталные блоки сохранились только у дольмена 3 (рис. 4). Стены приставного портала были сооружены из уложенных в три яруса кубообразных блоков — по три блока в каждой из порталных стен, — причем место стыка порталных блоков и закругляющейся стены дольмена было тщательно подогнано по кривизне. Стены портала отстояли друг от друга на 2,2 м. Глубина портала (от стены дольмена до внешнего края блоков портала) составляет 1,1 м. Сохранились пять блоков из шести. Длина блоков приблизительно одинакова и составляет 1,1 м, а ширина — 0,9 м. Высота блоков нижнего яруса 0,7 м, второго яруса — 0,6 м, третьего — 0,5 м. Портальные блоки были поставлены на массивную плиту, уложенную перед фасадом на одном уровне с плитой фундамента и тщательно к последней подогнанную. Длина плиты 3,6 м, ширина — 2 м, толщина около 0,4 м.

У обоих круглых дольменов между фасадными блоками первого и второго ярусов на высоте около 35 см от уровня пола располагается круглое отверстие диаметром 42–43 см, нижняя половина которого вырезана в блоке первого яруса, а верхняя — в блоке второго яруса. Пробки для этих отверстий не сохранились.

Дольмен 1 перекрыт наклонно уложенной массивной плитой со слегка скругленной фасадной частью и практически полукруглым противоположным концом, повторяющим наружный контур дольмена. Линия капели с нависающего над фасадом козырька перекрытия совпадает с размерами и расположением отмостки — выступающего за пределы

Рис. 11. Дольменная группа Жане. Погребальная камера дольмена 3, 2000 г.

камеры наклонного участка плиты фундамента. У дольмена 3 отстка шириной 0,5 м, с перепадом высот около 10 см, начинается перед порталом, что косвенным образом указывает на размеры козырька над фасадом. О размерах несохранившейся плиты перекрытия можно судить по пазам на верхней поверхности блоков портала. Если расчеты верны, то плита перекрытия была примерно около 4,5 м длиной и 3,8 м шириной. Она была уложена наклонно, с перепадом по высоте от фасада к задней стенке в 12–13 см. Следует отметить, что если внутренние контуры камер дольменов 1 и 3 представляют собой в плане почти идеальную окружность, то наружные заметно отличаются друг от друга. В то время как

дольмен 1 и снаружи образует в плане почти правильный круг, фасадная часть дольмена 3 заметно уплощена и имеет скругленные углы.

Оба круглых дольмена с трех сторон (кроме фасада) окружены насыпью из речных валунов. Насыпи не являются беспорядочными кучами валунов, а представляют собой особую конструкцию, основание которой сложено из специально подобранных валунов вытянутой формы. Эти валуны, длиной от 60 см до 1 м, укладывались вокруг камеры в радиальном направлении, причем размещались не плашмя, а под углом к стенкам дольмена. Несколько ярусов уложенных таким образом валунов формировали насыпь, под которой оказывались и парные контрфорсы,

приставленные под углом к стенам круглых камер. Расстояние между контрфорсами каждой пары составляет приблизительно 1–1,5 м. Для каждого из них в местах упора в блоках второго яруса стен дольмена были сделаны специальные пазы, обеспечивавшие прочность стыка. Контрфорсы представляют собой необработанные песчаниковые глыбы (ок. 1,5 × 0,5 × 0,55 м; 1,5 × 0,4 × 0,5 м), основания которых покоятся приблизительно на 0,7 м выше уровня погребенной почвы, на слое щебня, образованном отходами вторичной обработки плит дольмена. Пространство между контрфорсами и стенами дольмена было заполнено тщательно уложенным мелким лощеным песчаниковым плитняком. У

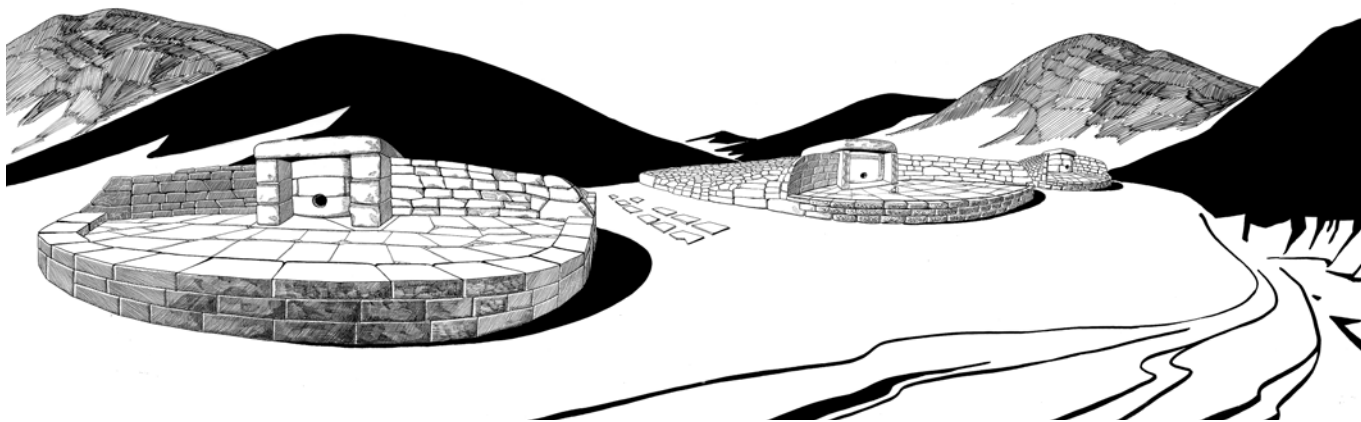

Рис. 12. Долина реки Жане в эпоху бронзы. Реконструкция группы из трех дольменов.

обоих круглых дольменов насыпь первоначально достигала в высоту плиты перекрытия, но к моменту начала раскопок сохранилась только на две трети первоначальной высоты у дольмена 3 и на одну треть — у дольмена 1. У дольмена 3 также лучше сохранилась крепида вокруг насыпи, диаметр которой составляет около 15 м. Она была сложена из обработанных плит и блоков песчаника с учетом рельефа склона, на котором находится насыпь. Поэтому, как и у центрального дольмена, чем ниже по склону расположен участок крепиды, тем крупнее использовались плиты и блоки. Благодаря такому техническому приему верхний уровень крепиды лежит почти в горизонтальной плоскости. Соответственно, самые крупные блоки и плиты были уложены по периметру мощеного двора перед фасадом дольмена. Двор отделяют от насыпи две сложенные насухо из обработанных блоков стены, длиной около 5,5 м каждая. Плавно изогнутые в плане, стены примыкают одним концом к боковым плитам дольмена в порталной части, а противоположным — к наружной крепиде. У дольмена 3 стены, отделяющие двор от насыпи, сохранились на высоту двух ярусов из пяти, а у дольмена 1 стены, как и насыпь, оказались почти полностью разрушенными.

Сравнивая все три дольмена, входящие в группу, и учитывая упомянутые различия между ними, нельзя не отметить, что с точки зрения архитектурного стиля и строительной технологии дольменная группа Жане 1 представляет единый комплекс. Стратиграфия залегания строительных отходов между дольменами свидетельствует в пользу если не одновременного строительства всей группы, то, по крайней мере, отсутствия значительного хронологического разрыва между сооружением каждого из трех памятников. Все три дольмена построены из плит и блоков песчаника, добытых в одном и том же карьере, расположенном всего в 500 м от памятника. Расположение карьера выше строительной площадки в значительной степени облегчало доставку массивных плит. Обработка и подгонка плит происходила на месте строительства и сопровождалась образованием значительного количества отходов. Кроме огромного количества разного размера отщепов и обломков, на площадке перед дольменами были найдены неудачная заготовка каменной пробки, а также фрагмент большой плиты со следами преднамеренного раскалывания и выбитым изображением «пятиугольника». Поверхность всех трех дольменов несет одни и те же следы обработки каменными и ме-

таллическими инструментами. Техническое исполнение таких деталей, как пазы, шипы, пороги, отмостки, практически идентично для всех трех дольменов.

Архитектурные и строительные особенности дольменной группы Жане 1 позволяют критически взглянуть на функциональную целесообразность отдельных конструктивных и стилистических элементов дольменов. Сооружение мегалитической камеры, насыпи и двора выглядит технически взаимосвязанными строительными операциями. Действительно, насыпь не только обеспечивает сохранность камеры, но и является необходимым элементом для завершения ее строительства, т. к. служит пандусом, по которому поднимают самую тяжелую деталь любого дольмена — плиту перекрытия. Одновременно с насыпью приходилось строить и крепиду или стену, предохраняющую двор, предназначенный для ритуальных церемоний и обеспечивающий многократный доступ к камере, от сползания в него каменной насыпи. Однако функциональной целесообразностью нельзя объяснить целый ряд конструктивных и, тем более, стилистических особенностей. Такие элементы, как трапециевидность камеры в плане, выпуклая поверхность передней и задней плит центрального дольмена

Рис. 13. Долина реки Жане в эпоху бронзы. Рисунок Н. Ю. Косьянковской.

группы, закругленные контуры наружного края плит его фундамента и перекрытия, как и уплощенный фасад с закругленными углами дольмена с круглой камерой, не связаны с конструктивной прочностью дольменов и являются собой скорее рудиментарные атрибуты консервативного по своей природе культового мегалитического строительства.

К сожалению, сегодня еще невозможно ответить на вопрос, к какому именно периоду мегалитического строительства на Кавказе относятся дольмены долины Жане. Нет ни твердых оснований для их точного датирования, ни удовлетворительно обоснованной концепции эволюционного развития строительства дольменов, которое, вероятнее всего, продолжалось на Западном

Кавказе в течение III и почти всего II тыс. до н. э. Содержимое погребальных камер всех трех дольменов было уничтожено задолго до начала археологических исследований, поэтому главным аргументом в пользу датирования периода их сооружения пока остаются немногочисленные фрагменты керамики эпохи средней бронзы, найденные во дворах дольменов. Часть этой керамики, обнаруженная вместе с человеческими костями, вероятно, была выброшена из погребальных камер грабителями, а часть — представляет следы поминальных церемоний. Большинство находок, обнаруженных при раскопках дольменов в долине Жане, относится к началу I тыс. до н. э. Они представлены керамикой, бронзовым оружием, железными ножами и укра-

шениями, что указывает на регулярность вторичного использования дольменов. Находки средневекового оружия и керамики указывают на то, что дольмены продолжали почитаться и эпизодически использоваться и в более поздние времена.

В целом, складывается твердое убеждение, что каждый из трех дольменов группы является реализацией единого архитектурного замысла, главной целью которого было сооружение монументального и исключительно прочного родового склепа, обеспечивающего, как минимум, вечную сохранность останков предков (рис. 12). И это не единственное требование, которому он должен соответствовать. Дольмен должен быть зримым воплощением достоинства рода, его социальных и территори-

альных прав. С этой точки зрения у дольменов не может быть ни избыточной прочности, ни излишней монументальности — их строили как вызов природе, формируя наполненный социальным смыслом культурный ландшафт. «Дальнобойность» «мегалитического послания» в эпоху бронзы была значительно выше, чем сегодня, т. к. дольмены располагались на открытых участках степного ландшафта¹, и дольменная группа Жане, например, была видна сразу, как только человек попадал в долину (рис. 13). Можно сказать, что в межплеменных и внутриплеменных отношениях дольменная архитектура была в то время своего рода понятным языком социального общения. Если культовая практика и манифестация социальных прав требовали такого трудоемкого материального воплощения, как строительство дольменов, то можно себе представить и степень социального стресса, который эти сообщества испытывали. Возможно, что в среде оседлого в целом населения основой такого напряжения была конкуренция за обладание удобными для занятия земледелием и скотоводством участками земли, дефицит которых является естественным в горной зоне Западного

Кавказа. Этим же объясняется очевидная связь дольменов с долинами. В тех случаях, когда конкуренция за обладание желанным участком переходит в стадию открытого конфликта, возникает прямая угроза сохранности самих дольменов, как воплощению оспариваемых прав. Разрушение дольменов и вторичное использование обломков для строительства новых дольменов — неоднократно зафиксированный археологами факт². Возможно, именно реальность опасности осквернения или разрушения дольменов стала главной причиной появления в их конструкции и дизайне фальшивых пробок и имитации в монолите составной конструкции. Существование при этом секретных замаскированных входов в погребальную камеру указывает на то, что функция дольменов не изменилась. Другими словами, внутренним источником развития дольменной архитектуры являлся постоянный поиск приемлемого компромисса между желаниями сделать памятник монументальным, безопасным и соответствующим культовой практике и социальным стандартам.

Сейчас трудно сказать, какие образцы культовой архитектуры послужили престижными прототипа-

ми при строительстве дольменного комплекса в долине Жане. С формальной точки зрения, по архитектурным особенностям и строительным приемам круглые и даже трапециевидные постройки группы Жане I ближе всего к сооружениям толосового типа. Значит ли это, что у этих построек есть реальные прототипы за пределами Кавказа, или этот феномен исключительно местного происхождения, пока неясно.

Архитектурная уникальность дольменов долины Жане, вероятнее всего, явление временное. Элементы подобной архитектуры уже сейчас можно обнаружить у ряда дольменов почти во всех районах Западного Кавказа (Некис, Джубга, Отхара, Псынако 2, Озерейка, Богатырская Поляна, Клады и т. д.). С изменением методики раскопок и более полным выявлением стандартов и специфики дольменной архитектуры представление о ее разнообразии довольно скоро радикально изменится, и памятники долины Жане получат более полное объяснение, оставаясь в истории археологии первыми памятниками такого типа, исследованными на Кавказе.

¹ Эти данные получены по результатам спорово-пыльцевого анализа образцов, отобранных при раскопках дольменной группы Жане I. Участки реликтовой степи сохранились в окрестностях Геленджика на высоте, всего на 200 м превышающей высоту расположения дольменов в долине Жане.

Некоторые из дольменов и сейчас располагаются в зоне степи (Некис, 380 м над уровнем моря)

² Например, в насыпи одного из трех дольменов в долине Жане были найдены обломки дольмена, видимо, прежде существовавшего на месте более поздней постройки.

БИБЛИОГРАФИЯ

Васюков С. И., 1902. Край гордой красоты. СПб.

Воронов Ю. Н., 1979. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар.

Лавров Л. И., 1960. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Тр. Абхазского ИЯЛИ им. Д. И. Гулиа. Вып. XXXI. Сухуми.

Лещенко А. Ф., 1931. Матеріяли до орнаментики дольменів на північно-західньому Кавказі // Антропологія. Т. IV за р. 1930. Київ.

Марковин В. И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.

Сорохтин Г. Н., 1915. Дольмены Черноморской губернии и Кубанской области // Юбилейный сборник Крымско-Кавказского Горного клуба. Одесса.

Сорохтин Г. Н., 1916. Материалы к вопросу о дольменах Кавказа // Записки МПИЧПК.

Фелицын Е. Д., 1904. Западнокавказские дольмены // МАК. Т. 9.

Tallgren A. M., 1934. Sur les monuments mégalithiques du Caucase Occidental // ESA, IX.

Каргалинский горно-металлургический центр на границе Европы и Азии: феномен и парадоксы развития

Каргалинский древний меднорудный и горно-металлургический центр (Каргалы) на Южном Урале представляет собой гигантский и, вне всякого сомнения, уникальный комплекс. Справедливость высказанного утверждения становится совершенно очевидной при сопоставлении с Каргалами не только соседних, но и весьма отдаленных древних горнорудных центров, разбросанных по безбрежным пространствам всей северной (и, пожалуй, не только северной) половины Евразийского континента. Феномен этого центра обусловлен целой совокупностью ярких признаков:

- Чрезвычайно обширная площадь оруденения, суммарно покрывающая до 500 км²; с точки зрения геологических дефиниций Каргалы относятся к категории обширных рудных полей.

Практически все поверхностные выходы руд или же рудные тела сравнительно неглубокого залегания были выявлены еще в ранней древности; открытие и начало широких разработок каргалинских руд датируются еще концом IV или рубежом IV—III тыс. до н. э. (ранний бронзовый век); пик этой активности приходится на эпоху поздней бронзы (II тыс. до н. э.).

- Громадный объем древних и старинных горнопроходческих работ: общее число разнообразных следов

подобного рода работ (только поверхностных) характеризуется цифрой, приближающейся к 35000 (рис. 1, 2).

- Общая протяженность подземных выработок составляет, по всей видимости, многие сотни километров (рис. 3).

- Максимальная глубина шахт и горизонтальных выработок в бронзовом веке достигала 40—42 м, а в период Российской империи (1745—1900 гг.) — вплоть до 80—90 м.

- Общий объем извлеченных на поверхность песчаника, мергеля и иных пород оценивается примерно в 100—120 млн. м³, или до 250 млн. т.

- Исключительное богатство Каргалов выразительными археологическими памятниками древнейших горняков и металлургов; к настоящему времени открыты: 1. До двух десятков селищ II тыс. до н. э. (поздний бронзовый век); 2. Четыре курганных некрополя, в которых исследованы захоронения раннего и позднего бронзовых веков, а также отдельные надмогильные курганы; наконец, 3. Повсеместно распространены и памятники первых шагов российской меднорудной и медеплавильной промышленности (XVIII—XIX вв.).

- Масштаб добычи медных руд в бронзовом веке поразительно велик, хотя оценка совокупной массы добытых медных минералов и колеб-

лется в широких границах — от 2,5 до 5 млн. т.

- Огромное количество выплавленной в эпоху бронзы из каргалинских руд меди; ее общий вес, по всей вероятности, может оцениваться также в широких пределах: от 55—60 до 100—120 тыс. т.

- Каргалинская медь в бронзовом веке распространялась по обширнейшим территориям степей и лесостепей Восточной Европы: максимально — до 1 млн. км².

- В XVIII—XIX вв. Каргалинский комплекс имел ведущее значение для промышленного развития России; всего лишь через 25 лет после «второго открытия» Каргалов, накануне знаменитого восстания Емельяна Пугачева 1773—1774 гг., из этой руды выплавляли примерно четверть меди всей Российской империи; каргалинскую медь вывозили в XIX в. на запад вплоть до Англии и Франции.

Местоположение

Каргалинский центр расположен на Южном Урале, недалеко от Оренбурга. Фактически этот район являет собой мало заметную по ландшафтным особенностям границу между Европейским и Азиатским континентами. Каргалы приурочены к север-

Рис. 1. Каргалы, вид на селище позднебронзового века Горный. Хорошо различимы устья древних засыпанных шахт.

ной зоне Великой Евразийской степи. Рудное поле окружает типичный степной ландшафт с редкими островками лесной, не очень выразительной, растительности. Ближайшие крупные массивы леса отстоят от Каргалов минимум на 200–250 км к северо-востоку: это горно-таежная растительность Южного Урала.

Каргалинское рудное поле охватывает имеющую форму овала территорию общей площадью прибли-

зительно 50 × 10 км (т. е. около 500 км²). Богатая медная минерализация проявляется по преимуществу в бассейне р. Урал и, главным образом, его правых крупных притоков — Сакмары и Салмыша. Главной «артерией», вокруг которой сосредоточены меднорудные разработки, является маловодная степная речка Каргалка (точнее — Верхняя Каргалка); от нее и получили название эти знаменитые рудники.

Три открытия Каргалов

Каргалы открывали трижды, а активной эксплуатации их медные руды подвергались дважды. Впервые местные ярко-зеленые малахиты и голубые азуриты удалось обнаружить скотоводам раннего бронзового века. Археологи объединяют это население в огромную степную общность скотоводов, называемую ими древнеямной: ее племена занимали едва ли не всю южную половину Восточной Европы, от низовьев Дуная вплоть до Южного Урала. Во второй половине IV тыс. до н. э., т. е. более 5000 лет назад, начался первый период рудной эксплуатации этого центра. Длился он около 2000 лет — до второй половины II тыс. до н. э., т. е. вплоть до конца позднего бронзового века, когда кочевое скотоводство в степи сменилось оседлым, свидетельством чего стали тысячи малых и больших поселков, располагавшихся близ водных источников. Тогда — около XIII–XII вв. до н. э. — по непонятной и крайне загадочной для нас причине оседлые профессионалы-горняки и металлурги навсегда покинули рудоносные каргалинские холмы с их неисчислимыми богатствами. От их пребывания остались многие тысячи засыпанных этими же шахтерами шахт, штолен, карьеров, откуда и были извлечены сотни тысяч тонн медной руды.

Три тысячи лет после этого аборигены-скотоводы южноуральских степей — кочевники или же полuosедлые племена — вплоть до нового времени, гоняли по этим вздыбленным и «израненным» древними горными проходками увалам свои стада, абсолютно не подозревая о том, что же это такое — медная руда и какое богатство она в себе заключает.

В середине XVI в. пало Казанское ханство, и восточные границы Российского государства вплотную придвинулись к Уралу. В южноуральских степях тогда обитали кочевые и полукочевые народы башкир, упорно сопротивлявшиеся русской колонизации. Потому в 1735 г. специальная

Рис. 2. Аэрофотоснимок площадки селища Горный, окруженного следами древних шахт.

воинская экспедиция, возглавленная статским советником и идеологом российского продвижения на юго-восток Иваном Кириловым, двинулась в эти края. Основной целью экспедиции являлось полное освоение этого края, «приводя к тому тамошние народы лаской и награждением чтоб нето известное скрывали и таили но и вновь сыскивая объявляли...». Сыскивать необходимо было в первую голову металлические руды, в коих Российская империя еще с допетровских времен стала ощущать исключительно великую нужду. «Ласки», однако, никак не получалось, и поход был отмечен тяжелыми кровавыми следами. Прошел И. Кирилов также мимо Каргалов, но буквально рядом с ними, не заметив этой редкостной сокровищницы. Однако какие-то темные слухи о неведомых зелено-каменных холмах до любознательных снабженцев кирилловской экспедиции докатились. Во всяком случае, причастные к организации этого похода купцы — братья Иван и Яков Твердышевы из Симбирска — вскоре

появились с рудознателями на Каргалах и рискнули начать в этом беспокойном районе большое рудопромышленное дело. Так в начале 40-х гг. XVIII в. произошло второе, и чрезвычайно быстрое, открытие этих меднорудных залежей.

В отличие от первого открытия почти пятитысячелетней давности, процесс выявления рудных тел оказался несравненно более простым: для российских промышленников, по сути, все уже было подготовлено горняками бронзового века. «Древние здешних мест обыватели в горных делах, а наипаче в плавке меди, в свое время великие и сильные имели промыслы... Тут в старину с таким искусством горная работа производилась, что и нынешние штейгеры и горные служители лучше того не делают...». Так говорил «генеральный директор» Каргалинских рудников — один из братьев Твердышевых, ведавший разработками руд на Каргалах; и именно яркие следы старых разработок явились надежным реперами для твердышевских разведчиков недр.

Потому едва ли не сразу, буквально 3–5 годами позднее, вся трудно охватываемая глазом громада Каргалов стала сравнительно ясной для российских заводчиков. Гигантские площади южноуральской степи вместе с неисчислимыми богатствами Каргалов Твердышевым удалось откупить у местных башкир всего за две сотни рублей. Поразительно, но столь жалкие «стартовые» деньги уже через несколько лет позволили этому купеческому семейству влиться в число богатейших людей Российской империи...

Примерно 150 лет усиленно добывали каргалинские руды. Любопытно, однако, что горные работы в XVIII–XIX вв. велись практически теми же архаическими способами, что и в бронзовом веке. Потому справедливо звучали даже в XIX в. слова Якова Твердышева о том, что «...и нынешние штейгеры лучше того не делают». Однако медных минералов в каргалинских недрах становилось все меньше, а искать их становилось все труднее. Может быть, самый тяжелый

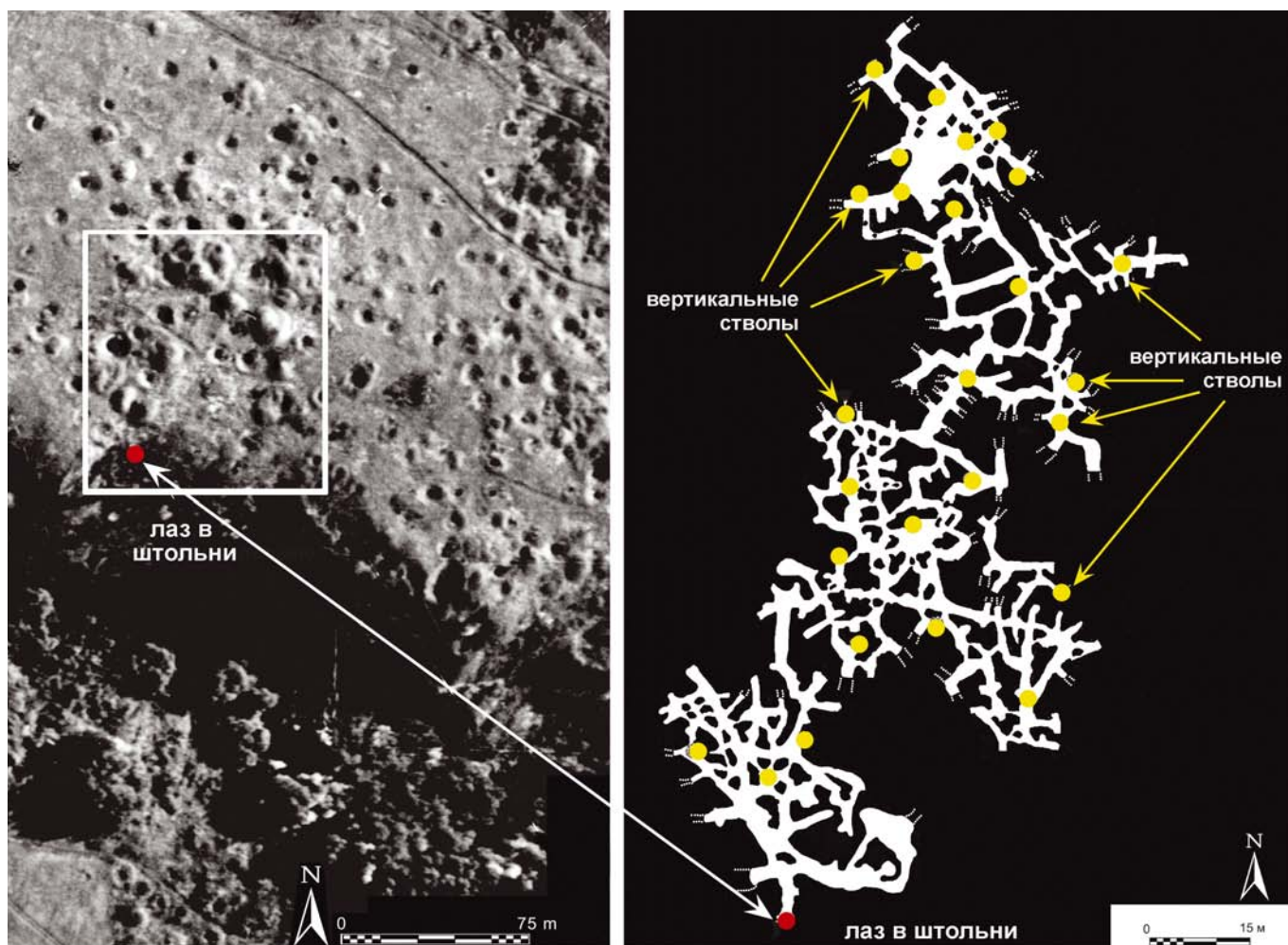

Рис. 3. 1. Аэрофотоснимок небольшого участка горных разработок Каргалов; прямоугольник, очерченный белыми линиями, ограничивает участок в 1 гектар; 2. «Лабиринт» подземных выработок в пределах окуртуренного участка — общая длина проходок здесь достигает 1,5 км.

удар для Каргалинского горнопромыслового дела последовал с отменой крепостного права. Приобретшие некие человеческие права крепостные и полукрепостные горняки стали разбегаться с медных копей...

К рубежу XIX—XX вв. на Каргалах вновь воцарилась тишина, и только бесчисленные холмы отвалов и провалы древних и старинных шахт напоминали о кипевшей здесь когда-то работе. Наступило время второго «забвения» Каргалов, и длилось оно почти сотню лет.

Наконец, наступило время третьего — уже археологического — открытия Каргалов. Свершилось оно, однако, не в одно мгновение: сам процесс даже первичного и приближенного понимания — что же такое Кар-

галы? — растянулся практически на трехлетний период, с 1989 по 1991 г. Но обусловленность этого «тугомыслия» очевидна. Ведь комплекс оказался столь велик и столь непривычен для археологов, что вначале исследователи просто плохо понимали, на какого гиганта они напали.

В этой удивительно поздней дате археологического открытия Каргалов таилась по крайней мере одна труднообъяснимая странность. Сами древние меднорудные выработки на Каргалах в российской научной литературе были охарактеризованы одними из самых первых. Сделано это было еще в 1762 г. также первым членом-корреспондентом Петербургской Академии наук (так именовалась тогда Российская академия),

знаменитым оренбургским краеведом, Петром Ивановичем Рычковым (из его труда мы и цитировали, к примеру, слова Якова Твердышева). И их ведь часто поминали, но с той давней поры вплоть до конца 1980-х гг. археологи на Каргалах не появлялись, хотя южный край этого рудного поля был всего лишь в 50 км от центральных кварталов Оренбурга.

Топографический феномен

Три года мы искали следы древних поселений на Каргалах. Два года безуспешной работы, и только на третий мы с трудом обнаружили ключ к ним. Неудача наша объяс-

нялась тем, что в попытках обнаружить селища все свое внимание мы направляли на берега рек: ведь только там, в удобных для поселений местах, могли, согласно прежнему нашему и иных исследователей опыту, залегать слои селищ бронзового века. Но неудача следовала за неудачей. Тогда, угодив в некий тупик, мы решили действовать по парадоксальному принципу — «от обратного»: искать там, где поселков вроде бы не могло быть, т. е. в крайне неудобных местах, вдаль от воды, на вершинах холмов или по краям плато у крутых и глубоких оврагов. Там-то мы и наткнулись на слои селищ, и тех оказалось изрядное множество.

С этого момента мы постепенно стали проникаться мыслью, что Каргалы — это комплекс самых разнообразных памятников, где «все может быть не так», где структуры едва ли не всех объектов строились на базе каких-то иррациональных и ныне плохо понимаемых принципов.

Начало наших раскопок селища, получившего наименование Горный, датируется 1992 г., а первый и длительный тур его раскопок экспедиция завершила только 10 лет спустя, в 2002 г. После этого стало необходимо остановиться и обдумать все, что удалось открыть и на Горном, и на Каргалах.

Горный — где «почти все было не так»

Площадка селища, равная 3–4 га, располагалась на северо-восточном и сбегавшем к реке Усолка склоне высокого холма, примерно в 0,5 км от воды. Поселок был плотно окружен вздыбленным кольцом из нескольких тысяч горных выработок. Поверхность площадки никаких следов древнего селища не обнаруживала, отчего мы совсем не сразу догадались, что таится под поверхностным слоем почвы. Ведь уже с глубины 30–40 см почти невероятная плотность концентрации находок,

Рис. 4. Селище Горный. Раскоп одного из комплексов II тыс. до н. э.

датированных позднебронзовым временем, попросту обескураживала тех исследователей, которым доводилось изучать степные памятники этого времени.

За девять экспедиционных сезонов нам удалось вскрыть всего немногим более 1000 м² культурного слоя эпохи бронзы (рис. 4). Важнейшие добытые здесь материалы говорили о принадлежности селища к так называемой срубной культурно-исторической общности оседлых скотоводов II тыс. до н. э., чьи многочисленные памятники были рассеяны почти по 1,5 млн. км² всей степи и лесостепи Восточной Европы, от Южного Урала до Днепра. Не слишком большой охват вскрытой на Горном площади, в первую голову, был обусловлен той самой обескураживающе высокой концентрацией древних материалов. Их масса во много раз превосходила все, что было известно нам для любого — даже самого богатого — степного селища. По этой причине процесс раскопок и не мог протекать быстро: иначе множество наблюдений прошло бы мимо нашего внимания.

Да и жилые и производственные сооружения здесь не были похожи на те, с какими обыкновенно сталкиваются археологи, изучающие единокультурные с Горным памятники. Первый период существования селища характеризовался сезонным использованием малых жилищ. Мы даже именовали их «жилищами-норами». В основном они были похожи на сравнительно простые ямы, на дне которых ночью могли отдыхать от 1 до 4 человек. Ямные жилища отличали глубина от 130 до 200 см, вертикальные стенки, утоптаный плоский или слегка вогнутый, «корытообразный», пол, чаще всего в виде овального пятна площадью от 1,5 до 4 м². На полу мы никогда не находили следов очага, однако большие и малые осколки обожженных песчанниковых плит выдавали, что эти раскаленные на поверхностном костре и сброшенные на дно камни согревали замкнутое пространство жилой ямы. Таких жилищ нам удалось вскрыть всего около 60, и чаще всего они теснились группами.

Ясно, что если сверху эти ямы прикрыть, к примеру, шкурами, то

Рис. 5. Могильник у села Першин, курган 1. Этот литейщик отличался юным возрастом: ему было не больше 13 лет. Но его уже инициировали в мастера, о чем говорит литейная форма для втульчатого топора, лежащая у левого виска (такой топор в начале III тыс. до н.э. предназначался всегда для племенной знати).

такие жилища могли укрывать людей от ночных холодов и дождей лишь в бесснежные сезоны — от весны до ранней осени. Для убежища в столь нередкие здесь свирепые зимы подобные обиталища уже не годились. Стало быть, люди приходили сюда в относительно теплые сезоны и работали в тех шахтах, что окру-

жали жилую площадку. Зимой же жилая площадка этого рудного холма пустела.

В какой-то момент и по не совсем понятной для нас причине вожди этого клана рудознатцев и металлургов решили кардинально поменять стратегию каждодневной жизни и труда. Специфический способ гор-

ных работ предшествующего периода, чем-то напоминающий современный «вахтовый», был заменен на постоянный. С этой целью на площадке стали сооружать сложные комплексы, пригодные также и для зимнего обитания. Чаще всего их основными деталями становились жилой отсек, плавильный двор, а также двор рудный, где аборигены хранили лучшие образцы медных минералов, предназначенных для выплавки металла. Для этих комплексов отрывали огромные котлованы глубиной до 120–150 см. Еще один любопытный признак: котлованы этих комплексов всегда «накрывали» отдельные группы более ранних сезонных жилищ-нор. Верхние части их ям сносили, а нам от ранних жилищ оставались явные следы лишь их нижних частей вместе с полами и тем, что было на них. И эта приуроченность крупных все-сезонных жилищно-производственных комплексов к малым сезонным жилищам-норам оказалась для нас совершенной новостью. В ареале срубной общности таких памятников до сих пор не находили. Видимо, те родственные семьи, которые обитали в теснившихся друг к другу ямных жилищах, обустроивали свои все-сезонные комплексы абсолютно точно на месте своих прежних «нор».

Металл, керамика, камень

На Горном почти все оказалось не таким, как ожидалось нами в начале экспедиционных работ. Пожалуй, лишь ручной лепки глиняная посуда, украшенная порой довольно сложными узорами, оказывалась «такой», т. е. вполне ожидаемой для срубной общности, хотя и ее оказалось очень много: более 120 000 фрагментов примерно от 6 000 горшков. Все остальное в большей или меньшей степени несло на себе черты своеобразия. Прежде всего, как мы уже говорили, поражало количество материалов. К примеру, число

медных образцов — более 4000 — с этой небольшой раскопанной площади многократно перекрывало все, что мы знали и учили для сотен изученных срубных поселков от Северного Причерноморья до Южного Урала. Невозможно было себе представить, что в каких-либо селищах количество каменных молотков будет превышать 1500. Во множестве каменных литейных форм отливали в больших всесезонных комплексах прежде всего тяжелые горнопроходческие орудия — кайлы, пешни и т. п.

Кости животных

Но, пожалуй, наибольшее потрясение археологов вызвало громадное количество костей животных, извлеченных из культурного слоя Горного (рис. 6). Более 2,5 млн. целых или по преимуществу дробленых костей! Цифра без какого-либо преувеличения фантастична на фоне прочих памятников. Она на несколько порядков превышает численность самых богатых коллекций, которые удавалось добыть из культурных слоев евразийских поселков любой эпохи. На Горном резко доминировали кости домашних коров и быков: около 80% от всех учтенных. Число умертвленных, употребленных в пищу или убитых с жертвенными целями коров равнялось примерно 50 000! Но ведь на Горном вскрыто не более 5% всего культурного слоя... И потому в конечном итоге крайне трудно представить себе общую невероятную массу скота, топтавшего некогда каргалинские увалы.

Однако эти неисчислимые стада состояли совсем не из местных животных. Коров и овец, чьи кости буквально забивают культурный слой, пригоняли сюда с запада, даже от Средней Волги. Скот меняли на медную руду, которую соплеменники развозили и разносили по многочисленным поселкам срубной общности, расположенным к западу от

Рис. 6. Селище Горный.

Этот «холм» содержит более 2,5 миллионов костей домашних животных.

Каргалов. Совершенно непостижимо, как те, кто изо дня в день были заняты горными работами и плавкой металла, могли содержать такое чудовищное по числу голов стадо и ухаживать за ним, особенно зимой...

Мы определенно утверждаем, что скот получали в обмен на руду, но не на выплавленную здесь медь и, тем более, не на готовые изделия из меди. Каргалинский горно-металлургический центр расположен в аридной зоне, с минимумом лесных богатств, где очень мало материала для выжигания древесного угля — основного топлива при выплавке меди и ее литье. Здесь не были в состоянии выплавливать медь на потребу соплеменников, заселявших огромную безрудную зону. Именно по этой причине мы и обнаруживаем во многих поселках срубной общности — как близких, так и на сотни километров отдаленных, — каргалинскую руду. Истребление же лесов в Каргалинском регионе грозило аборигенам нешуточной экологической ката-

строфой: без топлива здесь почти невозможной становилась даже обыкновенная жизнь.

Так как же впервые были обнаружены Каргалы?

Даже простое и лаконичное перечисление всех заслуживающих внимания черт Каргалов, которые можно отнести к разряду феноменальных или парадоксальных, — намерение, в этой краткой статье, конечно, неосуществимое. Повторим, что Каргалы множество раз ставили нас в тупик иррациональным характером своих важнейших деталей. Перебирая их, можно завершить нашу статью, пожалуй, одной из самых любопытных загадок, которые поставил перед нами этот комплекс: «Так как же впервые были обнаружены Каргалы?»

Археологи в 1989—1991 гг. нашли этот комплекс по десяткам тысяч холмов рудных отвалов и шахтных

1

2

Рис. 7. Селище Горный. 1. Расчистка древней (II тыс. до н. э.) засыпанной шахты;
2. Спуск в расчищенную шахту; ее глубина достигала 12 м.

провалов, оставленных горняками как бронзового века, так и нового времени. Российские рудознатцы XVIII в. также, не мудрствуя лукаво, пошли по многим тысячам следов горных работ. Их как будто специально подготовили для промышленников нового времени жившие здесь 3000 лет назад шахтеры. Но кто и каким образом прознал об этих рудных богатствах первым — в том далеком IV тыс. до н. э.?

Обычно в археологической литературе модель первичного открытия какого-либо из месторождений выглядит следующим и, надо сказать,

на первый взгляд довольно убедительным образом. В некоем рудноносном районе появляется откуда-то группа (или группы) уже хорошо знакомых с меднорудными минералами людей. В своих блужданиях они наталкиваются на поверхностные выходы руд и начинают их разработку. Постепенно в горнодобывающее ремесло вовлекаются местные люди, и в конечном итоге они также втягиваются в ряды профессионалов. Модель кажется достаточно логичной, и вполне вероятно, что первые шаги горного промысла в ряде мест именно так и делались. Правда, в

подобном объяснении нетрудно угледеть и посылки чисто умозрительной логики. Как правило, скажем, не удастся убедительно объяснить, откуда же и по какой причине в том или ином регионе вдруг появляются профессионалы-мигранты? Что их влечет туда?

Возвращаясь к нашим материалам, заметим, что такого рода умозрительно-логичная модель очень плохо объясняет феномен начальных шагов горного промысла на Каргалах. Ее явный сбой обусловлен весьма важным барьером: на Каргалах практически нет поверхност-

1

2

Рис. 8. 1. Стратиграфический разрез древнего разведывательного карьера IV–III тыс. до н. э.
2. Отбор проб для палинологического и радиоуглеродного анализов в разрезе карьера.

ных выходов руд. Во всяком случае, мы их нигде не обнаружили во время десятилетних тщательных разведок по всему рудному полю. Металлоносные породы здесь связаны с коренными песчаниками и мергелями, а те перекрыты могучим, достигающим 10–12 м, вязким и плотным глинистым чехлом. Кроме того, на Каргалах почти нет протяженных рудных жил. Здесь господствуют беспорядочно рассеянные в коренной породе малые и большие линзы с повышенным содержанием малахита и азурита. Эти рудные узлы и блоки необходимо отыскать, что зачастую

оказывается самой трудной задачей.

Вот что писал в 1881 г. про каргалинские условия разведки и добычи минералов Д. Дашков — один из самых образованных горных инженеров, управляющий завода, где плавилась каргалинская руда: «Каждый удар кайлы может открыть новую жилу в пустой стене породы, с каждым ударом может оборваться надежное гнездо. Понятно, как не обеспечена добыча при подобном залегании руд и сколько нужно иметь подробно исследованных мест, чтобы сделать какие-нибудь предположения на счет будущей разработки...». Заметь-

те, что говорилось это почти под занавес каргалинской эпопеи. Наверное, те же тревоги мучили рудознатцев с самых первых шагов горного промысла еще на заре бронзового века?

Разведочные карьеры и шахты

Признаемся, что ныне мы не в состоянии разгадать, как в реальности происходило открытие каргалинских руд и кто явился родоначальником этого, в те отдаленные

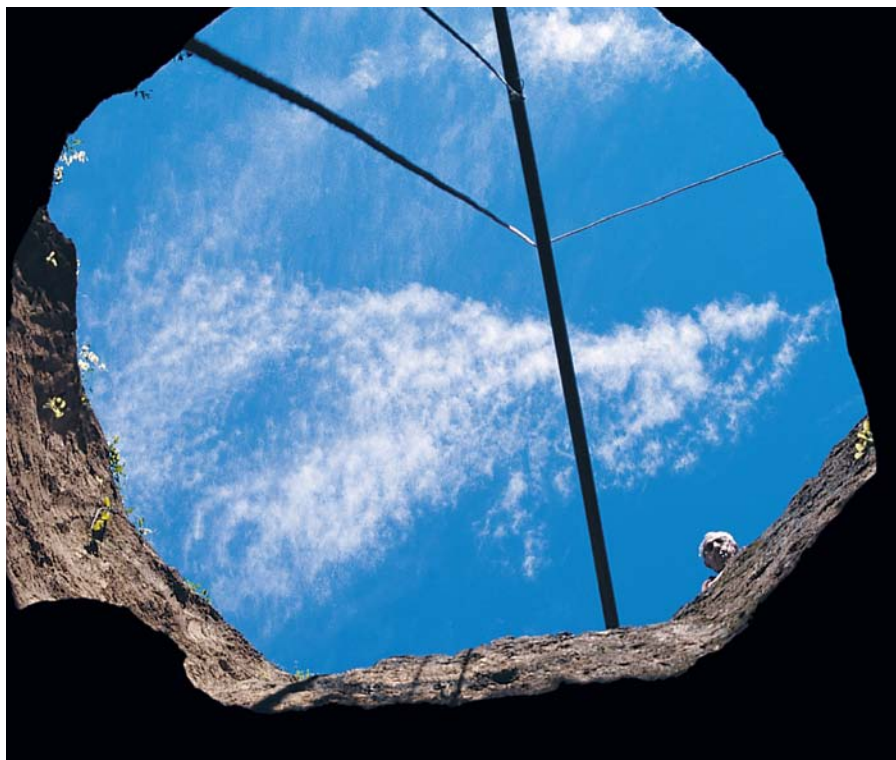

Рис. 9. Небо над Каргалами. Вид из расчищенной шахты.

времена, загадочного промысла. Однако теперь мы, пожалуй, в состоянии правдоподобно объяснить, как пытались искать рудоносные минералы в IV–II тыс. до н. э. Но в какой момент люди догадались, что для обнаружения здесь малахита нужно тщательно зачистить коренные песчаники и мергели от вязкого многометрового глинистого чехла, до сих пор остается неясным.

Вот перед нами огромный карьер; его длина почти 50 м, при глубине до 9 м, хотя сегодня он едва ли не до краев заплыл оползшим грунтом. Карьер был откопан на той площадке Горного, о которой много говорилось в статье. Здесь, согласно серии радиоуглеродных дат, в конце IV тыс. до н. э. люди пробивались до коренных пород, выгашив на поверх-

ность до 1000–1200 м³, или около 2,5–3 тыс. т, чрезвычайно липкого грунта. Но старания оказались напрасными и разведчиков постигла неудача: здесь одни из первых шахтеров Каргалов промахнулись, не встретив пригодных для разработки скоплений рудоносных минералов... (Мы же попутно не можем не отметить одну весьма любопытную деталь: подобный метод разведки, именуемый закладкой «геологоразведочных траншей», сохранился до наших дней.)

Когда на Каргалах люди осели на землю и во II тыс. до н. э. возник поселок Горный, поисковые методы приобрели черты более рациональные. Теперь рудознатцы предпочитали закладывать пробивавшую глинистые наслоения чехла округлую в

сечении шахту (в русское время их именовали дудками). Место закладки такой «дудки» определялось с помощью неких мистических сигналов, каковые якобы следовали из глубины недр и каковые должен был таинственным образом улавливать вождь или главный рудознавец данной клановой группы.

Мы расчистили одну из таких шахт (рис. 4; 7), расположенную рядом с одним из больших жилищно-производственных комплексов. Но и здесь разведчиков позднебронзовой поры ждала неудача: коренная порода руды не содержала. Такие неудачные шахты надлежало немедленно засыпать. И их засыпали, возвращая земле то, что извлекли из нее, не считаясь с колоссальным трудом по перетаскиванию масс нелегкого грунта. Для древних горняков эта тяжелая процедура являлась обязательной; для нас же такой труд кажется совершенно иррациональным.

Теперь, однако, мы узнали, почему в Каргалах вздыблены почти 35 000 заваленных и засыпанных шахт. Часть из них в цель не попала: то были «шахты-неудачники». Но другая часть достигла рудных тел, и от этих «дудок» и карьеров пошли виться подземные и запутанные лабиринты выработок, сложившиеся в конечном итоге в сотни километров.

Уже нанесенный ныне первыми исследованиями Каргалов удар по нашим прежним и во многом умозрительным представлениям о горнометаллургическом промысле производит впечатление довольно сокрушительного, — а ведь речь идет об одном из наиболее важнейших производств в истории человечества. Однако изыскания эти только начались, и потому будем ждать от их продолжения новых откровений.

БИБЛИОГРАФИЯ

Черных Е. Н., 1997, Каргалы: Забытый мир. М.
Черных Е. Н., 2002а, (ред. и сост.). Каргалы. М. Т. I.

Черных Е. Н., 2002б, (ред. и сост.). Каргалы. М. Т. II.
Черных Е. Н., 2004, (ред. и сост.). Каргалы. М. Т. III. М.